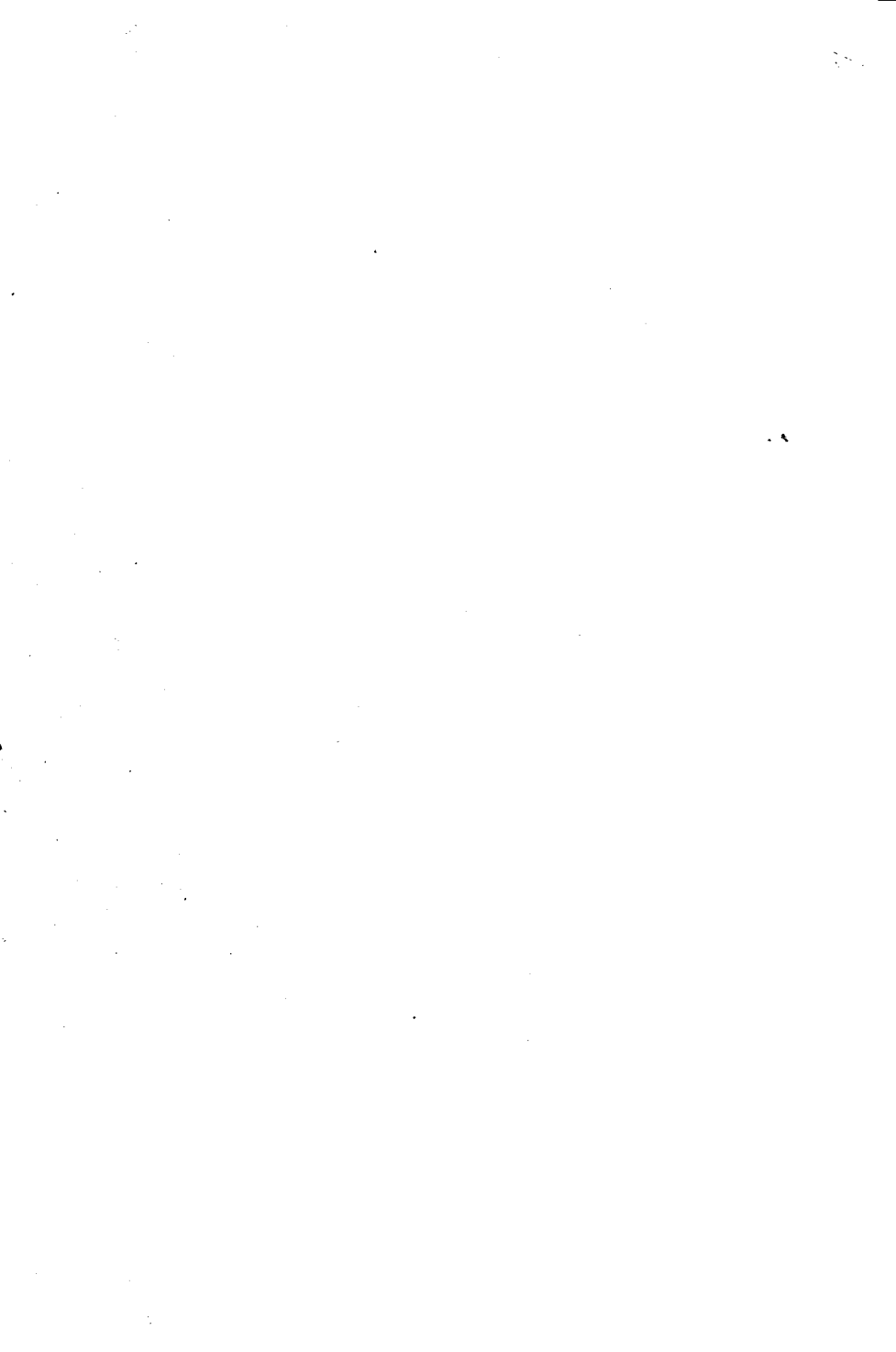

**ПРАВООЩИТНИКИ
РЕПРЕССИРОВАННЫХ
НАРОДОВ**

Библиотека газеты "ЮЙГЕ ИГИЛИК"

Правозащитники репрессированных народов

Москва 1996г.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ *

В этой книге впервые собраны работы защитников этнического права, т.е. первого, главного неотъемлемого права человека на признание его этнической принадлежности, на уважение его этнического имени.

До сих пор это право на протяжении всего 20-го столетия и по сей день остается в тени приоритета абстрактного права каждой отдельной личности.

Для последователей этой идеи - идеи приоритетности права личности - право на защиту этнического имени не представляется имеющим значение, поскольку человечество, по их мнению, не следует подвергать этнической дифференциации.

Из лучших побуждений правозащитники, исповедующие эту идею, укрепляют позиции коммунистической идеологии, устремленной к созданию единого народа, говорящего на общем языке или идеологии космополитической, не делающей различия между этносами.

Но как в разборах всего столетия, длящихся по сей день, защитить права отдельной личности, которую преследуют и уничтожают именно и исключительно по "вине" этнической принадлежности? Как, к примеру, евреев, курдов, более 10 коренных этносов в СССР? Как ингушей и чеченцев, а с ними всех "лиц кавказской национальности" в Российской Федерации? Как, с одной стороны сербов, а с другой - хорватов в Югославии и, к сожалению, список этот можно продолжать.

Политэмигранты из СССР, представители разных этносов, включая русский, в своих статьях и выступлениях, защищая права человека на свободу и независимость, не могли обойти молчанием проблему права на этническую принадлежность. Россия - СССР - самая мощная колониальная держава - всегда была подлинной тюрьмой народов. В ней угнетались и преследовались люди именно по "вине" этнической принадлежности, и здесь уже приходилось говорить о правах личности, не затрагивая национального вопроса.

* Материалы, вошедшие в эту книгу, были собраны писателем и общественным деятелем Билалом Лайпановым и впервые опубликованы им в газете "Юйге Игчилик"

Махмуд Дудов единомышленник и сподвижник чеченца Абдурахмана Авторханова, положил свою жизнь на ознакомление мировой общественности с историей и практикой национальной политики СССР на Северном Кавказе. На советской Родине его имя было предано поруганию и проклятию. Он был представлен врагом народа. За доброе слово о нем людей подвергали гонению.

В этой книге впервые сделана попытка показать его какой ОН есть через его собственный труд.

Светлана Алиева литературовед и писатель, представительница карачаевской фамилии известной своими учеными и просветителями - Умаром Дж. Алиевым и Умаром Б. Алиевым, в конце 80-х годов сделала попытку дать слово репрессированным народам и собрала их рассказы, свидетельства, документы и факты - книгу из трех томов "Так это было". Опубликованные ею материалы дали возможность доказать наличие в СССР репрессий по национальному признаку, показать целенаправленный процесс всеобщей денационализации в стране, в результате которого целый ряд этносов подлежал физическому уничтожению и изъятию из истории человечества.

Юрист Анатолий Коваленко, один из разработчиков закона "О реабилитации репрессированных народов", был выведен из рабочей группы по созданию механизма реализации закона ввиду его последовательной и принципиальной позиции по защите законности и права этносов. Но он, честный человек и профессиональный юрист, продолжает отстаивать этническое право личности, нарушения которого наблюдается в массовых проявлениях, особенно у народов, подвергшихся сталинским репрессиям.

Этнолог, аналитик Светлана Червонная вынужденно констатирует продолжение этноцида в РФ на свежих материалах, поступающих из Северного Кавказа - Ингушетии и Чечни.

Из этой глубокой ямы этнического бесправия, вырытой вождями 20-го столетия, можно выбраться только прибегнув к мировому международному суду. В 21 век мы должны вступить людьми мира и разума...

Так это было - Так это есть

Правда, противоречащая идеологическим установкам Страны Советов, по своей сути самой большой на Земле империи, представлялась клеветой.

Тех, кто эту правду говорил, представляли клеветниками, врагами народа, изменниками родины и подвергали разнообразным репрессиям.

Из подмены понятий, из крови и боли человека выкраивалась жизнь XX столетия. И прочитывалась она не по истокам, корням, причинам человеческого горя, а согласно пропагандистским представлениям властей.

Подменялась, фальсифицировалась в угоду господствующей идеологии подлинная человеческая история. Желаемое выдавалось за реальность, факт маскировался декларацией.

Так образовались две взаимоисключающие картины уходящего века — закрытая, запретная, потаенная, безмолвная действительная трагическая жизнь личности и этноса, с одной стороны, а с другой — громогласный мажор всеобщего счастья и благоденствия под мудрым руководством партии, персонифицированной в образах ее вождей.

Вожди "трудились" во имя народа и для его счастья, не давая ему права высказать собственное желание. Вожди лучше народа и каждого отдельного человека знали, что ему надо и в чем его радость.

Само понятие личности обрело в XX столетии двойственный смысл. Личность вождя возводилась в божественный, всемогущий, бесконтрольный культ вседозволенности и произвола. Личность рядового человека пивелировалась до функции винтика, устаиваясь лишь чести фанатичного, безрассудного служения вождю как носителю и провозвестнику идеи.

Бесконечные колонны одинаковых фигур с одним бездумно радостным лицом, движущиеся в одном направлении под указующим перстом витающего в небе Вождя, стал идеалом и символом XX столетия. И параллельно с этим торжеством тоталитаризма — бесконеч —

ные колонны арестантов, пленных, беженцев под видимым и невидимым конвоем всеобщего устрашения. Тоже торжество насилия и лжи. Образ всеобщего идеологического зомбирования.

Однако идея, идеология, мировоззрение насильственного переустройства мира — как объявлялось, ради счастья человека, но, как оказывалось, ради удовлетворения честолюбия и тщеславия их творцов — неизбежно должны были столкнуться и столкнулись с национально — нравственной традицией естественного многообразия и развития человеческого сообщества. Далеко не всем захотелось встраиваться в колонны и двигаться по приказу. Обнаружился и иммунитет к зомбированию — не у всех, у немногих, но обнаружился и восстал. В этом противостоянии — борьбе индивидуальной неповторимости и безликого коллектива в течение всего столетия ковались личные судьбы и судьбы этносов.

Задумаемся, почему никогда ранее в истории человечества судьбы личности и судьбы этносов не были так тесно, до полной слитности взаимосвязаны и взаимобусловлены, а все личностные и этнические крушения прошлого перекрыты кровавыми драмами и трагическими сюжетами нашего века, особенно в СССР — стране провозглашенного гуманизма, свободы и равенства, так убедительно замаскировавших запрограммированную государством бесчеловечность, неволю и национальное бесправие.

Имперские интересы XIX столетия не просто трансформировались в идеологию коммунистического Интернационала (вспомним, кстати, что уже к 30 — м годам движение Интернационала потеряло свою даже декларируемую необходимость для Всесоюзной коммунистической партии большевиков и было благополучно выброшено за борт) или его близнеца — брата — фашистского расизма, а усовершенствовалось в тоталитаристском устремлении укрепить свою власть на возможно большем геополитическом пространстве.

Вот истоки мировых войн XX века.

Пролетарская (социальная) революция в отдельно взятой стране программировалась перерасти в мировую.

Лозунг "Пролетарии всех стран объединяйтесь!" нес в себе отрицание этнических различий и любой привязанности к месту рождения, родине, что предполагало освобождение от этого наследия истории — "пережитков прошлого". Но для их уничтожения, для успешной борьбы с ними на практике и коммунизму, и тем более нацизму потребовалось опереться на агрессивный шовинизм и расизм.

Волевому распорядительному приговору о ликвидации были подвергнуты в СССР не только те этносы, которые по формулировке Иосифа Сталина "опоздали" определиться к началу века, то есть обозначить собственную государственность и тем обрести имя нации, но и этносы, преуспевшие в этом, называемые титульными, как, к примеру, русский. План всеобщей денационализации был теоретически разработан еще ко времени Октябрьской революции и летом 1930 года на XVI съезде ВКП(б) введен в партийно-государственную программу и принят к исполнению. Тогда же началась его неуклонная последовательная реализация по всем направлениям строительства нового мира — социального, идеологического, этнического, экономического, экологического. С применением соответственных приемов и средств, с которыми призывалось не щепетничать, поскольку ради столь высокой цели все средства хороши.

Сегодня, на исходе столетия, мы видим, к чему они привели — к катастрофическим результатам, значительно приблизившим Землю и человечество к апокалиптической угрозе.

С крушением царизма успели — таки освободиться от вассальной зависимости от России такие этносы, как финны, поляки, литовцы, латыши, эстонцы, и в более или менее драматической борьбе утвердить к концу века свою государственность и право на имя нации. Остальные, вошедшие в СССР, были разложены по "полочкам" коммунистическо-советской национальной иерархии коренных и укорененных этносов (российские немцы, греки, корейцы, китайцы и др.) — "нация", "народ", "национальное меньшинство", "народность", "этничес —

кая общность" — и выстроены по ранжиру подчинения.

Декоративно — условная государственность республик и автономий СССР лишь наложила новые скрепы на имперское образование. Распад СССР в демонстрации "целостности и неделимости границ" России и других стран СНГ, на которые якобы "покушаются" стремящиеся к национальному освобождению и этническому самоопределению подчиненные народы, а равно возрождение сталинского волюнтаризма в решении этнических проблем и этноцида лишь доказывают живучесть и торжество имперской идеологии.

Вернемся, однако, к истории вопроса.

Объективно — научному понятию "этнос" было придано качество неполноценности: право этноса на суверенность ставилось в зависимость от его численности, по которой определялся его иерархический и одновременно интеллектуальный уровень, то есть способность — неспособность к самоуправлению.

Крестьянство как главный хранитель этнического подлежало уничтожению в первую очередь, а поскольку полиэтническая российская держава и после революции была преимущественно крестьянской, то подход социальной чистки стал подменяться чистой этнической.

Сервильная советская этнология и философия, призванные развивать идеологию на практике, "научно" утверждали установки партийной программы и текущей политики. Начали с того, что желание этноса сохранить и развить свой язык, свои этнокультурные традиции объявлялось устаревшим и вредным, "буржуазным национализмом", а его выразители пригвождались к позорному столбу врагов народа, революции и прогресса.

Уже в самом начале победного шествия идеи тотального преобразования человеческого и этнического многообразия в нечто единое сквозь рекламные плакаты всеобщего благоденствия и счастья все отчетливее стали проступать отвратительные черты средневекового компрачикоса, своекорыстно и злобно уродующего естество живого существа. И казалось — не так это просто вогнать Человека в заданную схему, а тем более Общество и саму Жизнь. Естество взорвалось активным инакомыслием —

в марширующих колоннах рядовых выявились личности, восставшие против нивелирования, против насилия и лживых уверений в пользе и неизбежности проводимых преобразований.

Инакомыслящие, не поддающиеся официальному пропагандистскому гипнозу вступили в неравную борьбу с имперской державной машиной, укрепившей свою политику идеологией коммунизма. Империя СССР начала безжалостно перемалывать своих оппонентов индивидуально, сословиями, классами, и, наконец, — этносами.

Не счесть и поименно не назвать всех, кто осмелился не согласиться и встать против идеи всеобщей денаци — онализации, затеянной и проведенной в Стране Советов. Весь народ поголовно был потенциально виновен... перед своим правительством. Все население страны вынуждено было клясться в верности своему Вождю. Драматически, трагически складывались личные судьбы не только несогласных, но и пытающихся претворять в жизнь идеи партии и правительства. Инакомыслящих, оказавшихся в изгнании, предавали анафеме и обструкции. Рискнувшие не согласиться дома, оказывались в ГУЛАГе на перевоспитании. Молчаливые вырабатывали двойную мораль: вслух "Да здравствует!", а в кармане кукиш.

Это — о проявлении личностного начала, лишенного главной опоры, духовного стержня — этноса.

Этносы всех категорий перестраивались не менее жестоко и целенаправленно на изъятие всякой самостоятельности и поползновений к независимости. Грубо, в лоб применялся древний прием стравливания народов, разделения их по сортам, по приближенности к "трону", к ключевым и хлебным позициям. Пинок и лесть, кнут и пряник, разнос и награда, хула и хвала — старые, как мир, способы власти держать в руках подчиненных на всем протяжении советской и теперь уже постсоветской истории сохраняют свою актуальность. Чтобы защитить себя, прикрыться, самосохраниться особенно малочисленные этносы выработали за столетие также двойную мораль: внешне, гласно как прикажут власти — отказ от традиций, обычаев, Бога, имени, языка. Внутри — кон —

сервация, а не развитие соответственно меняющемуся времени и коммуникациям традиций, обычаев, языка. В целом утрата сокровищниц национальной культуры, оскудение духовности, языкового богатства у каждого народа.

В целом — ползучий неукротимый и уже неостановимый распад общечеловеческой полиэтнической целостности, движение которого можно уподобить селовому потоку или горной лавине, набравшей мощь для сокрушительного рывка.

В отношении к проблеме этнического, коммунистическая и нацистская идеология сомкнулись самым причудливым образом.

Гитлер создавал Великую Германию, возвеличивая немецкий (арийский) этнос за счет всех прочих этносов — от которых брал землю, богатства, рабочую силу. Он был откровенен в своих устремлениях и в своем неприятии чужеродцев.

Сталин декларировал равенство всех народов и создавал Великую коммунистическую державу, населенную единым советским народом, говорящем на общем языке. Он говорил одно, а делал противоположное — Сталин лгал намеренно и коварно.

Гитлер обустроивал рай на Земле для немцев, Гитлер любил все немецкое, национальное.

Сталин во имя идеи создания нового особого народа, что было труднее, но ближе к боготворчеству, ввел свою страну в ад, не жалея никого и ничего. Сталин не любил ничего национального, отрицая все его признаки у всех этносов Страны Советов. Возвеличивая на словах русский народ, на деле он уничтожал его душу грубой лезтью, этническую территорию разоряя, а сам русский этнос разгоняя по национальным окраинам империи. Не волей судеб, а волей Сталина сегодня русский этнос оказался за пределами России.

Гитлер — идеолог расизма, нацизма: все этносы мира ставились им ниже германского. Сталин — идеолог коммунизма, но ни в одной стране мира, включая Германию, нет такого тщательного деления людей по национальной — этнической принадлежности, не на —

блюдается такого пренебрежительно — неуважительного отношения — разделения этносов, как в России. И это идет от Сталина. Он посеял драконовы зубы этнических раздоров, которые бережно культивируются и взращиваются его сегодняшними наследниками — как коммунистами, так и теми, кто называет себя демократами.

Завершается XX век — век беспримерных преступлений перед Человеком, Личностью и Этносами.

На протяжении всего столетия российские полиэмигранты всех национальностей объясняли миру, что происходит в СССР — все продолжалось. И все преступления остались безнаказанными.

Сегодня совершаются новые. Безудержно льется кровь мирных людей, виноватых лишь в принадлежности к неугодной Российским властям национальности — одной (ингуши — 1992 год), другой (чеченцы — 1994 год по сей день), кто следующий?

Шельмуются и преследуются вполне по расистским, ку — клукс — клановским принципам сограждане за принадлежность к кавказским этносам.

Сделана попытка исправить положение, получив урок истории. Сведена воедино, в одной книге вся история национальных репрессий в СССР. Представлено, наконец, слово пострадавшим от геноцида и этно — идеологического произвола, дано право высказаться простому человеку, чтобы услышать от первоисточника, как все это происходило не в теории, не в политотчетах и ученых статьях, а на практике, в реальности. Сложилась огромная Книга неиссякающей боли, Книга национального выживания, продолжения вопреки всему Жизни этноса и личности. В свете рассказанного пострадавшими и непосредственными свидетелями высветилась картина подлинной трагической истории — ТАК ЭТО БЫЛО.

Но урок не был услышен и воспринят. Ничего не изменилось в национальной политике теперь уже демократической республики под названием Российская Федерация, увенчанной имперским гербом. Политика

эта осталась расистской, репрессированной, ориентированной на самоуничтожение. Впору — материала предостаточно — составлять новую книгу, но уже под названием ТАК ЭТО ЕСТЬ.

Сегодня отечественные юристы и этнологи — аналитики, освободившиеся от необходимости обслуживать идеологемы властей, доказывают незаконность и преступность их действий в отношении к нерусским этносам. Указывают на разор и позор такой политики для всей страны. Никто их не слышит.

А, впрочем, кому слышать?

У власти в России остаются верные воспитанники прежней системы, люди имперско — коммунистического мышления, беспредельно усилившие приемы фальсификации, произвола, насилия и лжи, наострившиеся в подмене понятий, подлогах и демагогии. Национально — освободительная, патриотическая борьба называется властью предержащими бандитской (и чему удивляться — так всегда было в антиколониальной войне), невольный защитник родного очага и этнической независимости — террористом, а подлинные террористы, агрессоры и оккупанты — освободителями и, что звучит и являет собой издевательский цинизм — миротворцами. Невольно проводятся аналогии с Отечественной войной с гитлеровской Германией — те же действия и те же определения, только исполнители ролей поменялись.

Завершается кровавый XX век. И пока мнимому благодетелю и миротворцу не дадут его настоящего имени преступника, пока его не предадут международному суду за содеянное, пока не восторжествует законность и очередной вождь не подчинится закону, в нашей стране будет литься кровь его граждан и разрушаться возведенный в прошлых столетиях этнический дом. Так с неизбывной горечью думаю я. Иссякает вера в торжество человечности и разума естественным путем — требуется вмешательство Права.

Светлана Алиева.

Махмуд Дудов

"Когда зловещая ночь нависла над народом Карачая, сосланным сталинской властью в Среднюю Азию и Казахстан, и многим изгнанникам, бесправным, униженным, казалось, что весь мир их забыл — далеко за пределами СССР, за тысячи километров от их «резервации», историки и политологи зарубежья, сострадая жертвам произвола, пытались «докричаться» до мировой общественности, рассказать о судьбе «пропавших» народов, возвысить голос в их защиту.

В 1951 году Махмуд Асланбек публикует в Мюнхене на английском и спустя несколько месяцев на русском языке статью «Истребление Советами карачаевского народа», в 1952 году выходит в Анкаре на турецком языке его книга «Трагедия карачаевских и балкарских тюрок».

В 1955 — 1956 годы, когда советская печать продолжала хранить молчание, ни словом не обмолвившись о судьбе депортированных народов, — в Мюнхене в журнале «Кавказское обозрение» выходят статьи «Советская национальная политика и геноцид» (автор — Вассан-Гирей Джабаги), «Первые вести о судьбе карачаевцев и балкарцев» (Б. Байтутан), «Геноцид на Северном Кавказе» (Р. Карча)...» («Юйге Игилик» — N8).

И Асланбек, и Карча — это одно и то же лицо — Махмуд Дудов. Карачаевец Дудаланы Махмуд (джан-детли болсун), как и чеченец А. Авторханов, широко известен на Западе. Где бы ни жил и работал Махмуд Дудов, мысли его всегда были о родном народе, о Кавказе.

...Мы начинаем публиковать труды Махмуда Дудова абсолютно в том виде, в каком они нам достались. Его знал весь мир, пусть теперь узнает и родной народ, за свободу которого он боролся всю жизнь.

Статьи стали достоянием мировой общественности благодаря Радио Свобода, где вел свою правозащитную деятельность Махмуд Дудов."

Ред. "Юйге Игилик"

Из архива Махмуда Дудова.

Из выступлений М.Дудова по "Радио Свобода"

Редакция: Северокавказская

Автор: Рамазан Карча

Дата передачи: 11 марта 1973г.

А теперь слушайте нашу вторую беседу, посвященную 20-летию Радио Свобода.

Дорогие слушатели! В прошлой беседе мы остановились на общей деятельности Радио Свобода за истекшие 20 лет и вкратце рассказали о том, как оно держало своих слушателей в курсе событий, происходящих как во всем мире вообще, так и внутри Советского Союза, в частности, сообщая факты, скрываемые советскими официальными органами массовой информации. А сегодня мы поговорим о работе северокавказской редакции, являющийся составной частью Радио Свобода, и расскажем о том, какие специфические задачи стояли перед ней и как она старалась решать их в течение минувших двух десятилетий.

А специфика задач северокавказской редакции и, следовательно, своеобразие содержания ее передач всецело определялись положением наших народов и теми политическими переменами, которые они пережили в разные периоды за последние 20 лет.

Здесь следует условно обозначить следующие три периода в жизни народов Северного Кавказа, которые наложили свой отпечаток на деятельность нашей редакции: первый период, охвативший 1953—1956 годы, когда чечено—ингушский и карачай—балкарский народы, поголовно депортированные в 1943—1944 годах, продолжали находиться в Среднеазиатской ссылке; второй период, охвативший 1957—1964 годы, когда по решению 20-го съезда КПСС и Указу Президиума Верховного Совета СССР, наши ссыльные народы были реабили—

рованы, их национальные автономии восстановлены и дана была возможность им возвращаться на родину, и, наконец, третий период, начавшийся после смещения руководства Хрущева и продолжающийся до сих пор.

Само собой разумеется, соответственно обстановке каждого из указанных периодов и старалась поставить свою работу Северо-кавказская редакция.

Так, например, в первый период, совпавший со смертью Сталина и устранением Берии с его жестокой полицейской системой, все внимание редакции было сосредоточено на то, чтобы использовать все свои возможности для облегчения тяжелого положения ссыльных северокавказцев, путем прямого обращения за помощью к советской и мировой общественности. В этих целях в программы ежедневных передач на русском и северокавказских языках включались обращения ко всем представителям советских, партийных, профсоюзных и научных учреждений и организаций, призывая их выступить в защиту прав обездоленных народов. Подобные обращения передавались в эфир и по линии других редакций Радио Свобода, в частности и особенности туркестанских, так как было известно, что наши ссыльные народы находятся на территории туркестанских республик. Это во-первых.

Во-вторых, сотрудники нашей редакции составляли меморандумы о трагическом положении ссыльных и через посредство религиозных и общественных организаций посылали их делегациям государств — членов Организации Объединенных Наций и главам государств и правительств главнейших стран Запада и Востока с просьбой повлиять на советских руководителей с тем, чтобы был положен конец дальнейшим страданиям целых народов вместе с безвинными детьми, женщинами и стариками. Такие меморандумы посылались в те страны перед тем, как уже становилось известно о том, что их посетят советские руководители, как Хрущев, Булганин и другие, которые очень часто ездили по странам и континентам в те годы. Одновременно копии подобных обращений посылались в редакции наиболее популярных газет и журналов тех же стран, где они в большинстве случаев опубликовывались и широко комментировались.

В-третьих, Северокавказская редакция, как и дру-

гие редакции Радио Свобода, широко информировали своих слушателей об откликах мировой печати относительно факта депортации целых народов, передавала подробные отчеты о литературе, издаваемой отдельными лицами и общественными организациями в различных странах на ту же тему, что, разумеется, поддерживало дух наших слушателей на родине и в ссылке.

Таким образом, в результате всех этих скромных усилий нашей редакции и всего Радио Свобода, а также активной деятельности других зарубежных организаций и обществ, мир был широко информирован о постигшем наши народы бедствии. А проснувшееся мировое общественное мнение и усиленные ходатайства представителей самих сосланных и других кавказских народов возымели свое действие — в феврале 1957-го года Президиум Верховного Совета СССР издал указ о реабилитации наших народов и калмыков...

Во второй период задача Северокавказской редакции заключалась в том, чтобы освещать в своих передачах ход практического осуществления указа о реабилитации. В своих передачах редакция указывала на неискренность и двойственность действий хрущевского руководства в этом вопросе и требовала организации своевременного возвращения из Средней Азии всех бывших ссыльных, восстановления нормальной жизни на родине и возмещения их материальных и моральных потерь. В одной из таких передач, между прочим, говорилось следующее (цитируем):

«Судьба, которая постигла чечено — ингушский и карачай — балкарский и другие народы, была самым ужасным преступлением сталинского времени. Возвращая сосланные народы на свои родины, коллективные руководители советской политики восстанавливают отчасти справедливость. Мы говорим «отчасти» потому, что необоснованное наказание, которому подверглись целые народы, обошлось этим народам десятки тысяч жертв. Вернуть жизнь погибшим никто не в состоянии. Но в каждом цивилизованном обществе виновные в каком-либо преступлении — наказываются. Поэтому мы считаем, что должны быть наказаны непосредственные руководители и исполнители сталинского решения о ссылке целых народностей» (конец цитаты).

Однако многие из этих законных требований, безус —

ловно выполнимых в правовых государствах, не были приняты во внимание правительством Хрущева, игнорируются они также и нынешними руководителями партии и правительства. Даже такой, казалось бы, простой вопрос о возвращении полностью всех сосланных в годы сталинского самовластия северокавказцев до сих пор не решен. Например, по данным переписи 1970 года, в одном Казакстане продолжало оставаться свыше 34 тысяч одних чеченцев и ингушей. А о балкарцах и карачаевцах, продолжающих жить в местах прежней ссылки, еще нет точных сведений. А между тем многие горные аулы, разрушенные в годы ссылки, до сих пор не восстановлены. Поэтому обширные площади земельных угодий, в частности альпийские и субальпийские пастбища, до сих пор не используются.

Само собой разумеется, дорогие слушатели, все это сильно тормозит восстановление национальной, экономической и морально — политической жизни наших народов. (Пауза)

Вы слушали вторую нашу беседу, посвященную 20-летию Радио Свобода.

Редакция: Северокавказская

Автор: Рамазан Карча

Дата передачи: 29 апреля 1973 года.

(Повторение от 1-го мая 1972 года)

А теперь слушайте первую беседу, посвященную 56-й годовщине образования Союза Объединенных Горцев Кавказа.

Как вам известно, два крупных события в политической истории Северного Кавказа совершились в мае этого месяца. Первое — это первый съезд представителей народов Северного Кавказа, состоявшийся с первого по девятое мая 1917-го года. Второе — образование независимой демократической республики Северного Кавказа, объявленное 11-го мая 1918-го года. Некоторые советские историки обходят эти события молчанием, как будто их и вовсе не было в нашей истории. Другие же отзываются о них отрицательно, квалифицируя эти со —

бытия как результат реакционной деятельности «буржуазных националистов». Вследствие этого современная северокавказская молодежь остается неосведомленной о фактах ближайшей истории своей страны.

Учитывая это, мы расскажем в ряде бесед о том, чем были знаменательны для нашей родины эти два события. Начнем с первого съезда народов Северного Кавказа, происходившего в мае 1917-го года. Однако, прежде чем приступить к рассмотрению роли и места этого съезда в истории Северного Кавказа, мы ознакомимся с тогдашними политическими условиями, при которых стало возможным созвать этот съезд.

Как известно, Февральская демократическая революция 1917-го года в России, была встречена народами Северного Кавказа с большой радостью и светлыми надеждами на будущее.

Революция была принята ими, главным образом, как падение царского колониального режима, при котором они были лишены, по существу, гражданских прав, разбиты на три изолированные друг от друга области (Кубанская, Терская и Дагестанская), управляемые военными начальниками, а их лучшие земли, леса, воды и другие природные богатства переданы пришлым колонистам и царской казне. И через несколько дней после отречения царя Николая от престола, а именно восьмого марта старого стиля, в городе Владикавказе была образована политическая организация под названием «Временное Правление Союза Объединенных Горцев Кавказа». В состав Правления были избраны виднейшие представители тогдашней северо-кавказской интеллигенции: юрист Рашид-хан Капланов и адвокат Башир Далгат из Дагестана, видные общественные деятели Тапа Чермоев и адвокат Ибрагим Чулик из Чечни, братья агрономы Вассан-Гирей и Магомед Джабаги из Ингушетии, драматург Ельбыздык Бритаев из Осетии, адвокат Пшемахо Коцев из Кабарды и Адыгеи и адвокат Басият Шаханов из Балкарии и Карачая. Правление ставило перед собой задачу выработать единую программу политических акций в деле воссоединения страны в единое целое и защиты общих национальных, экономических и культурных интересов Северного Кавказа в новых условиях, созданных революцией. Задача эта

нуждалась в общенациональной санкции, которую мог дать только съезд полномочных представителей всех народностей Северного Кавказа.

В день первого мая 1917 года в городе Владикавказе съехалось 400 делегатов от всех северокавказских народов на этот первый революционный съезд. Вот что писал советский исследователь Янчевский в 1927-ом году об этом съезде в своей книге, озаглавленной «Гражданская борьба на Северном Кавказе» и изданной в Ростове на Дону (цитируем):

«Первый съезд, состоявшийся с 1-го по 9-ое мая 1917-го года в городе Владикавказе был созван по инициативе Временного Центрального Комитета Союза Горцев, под председательством присяжного поверенного Б.А.Шаханова. Съезд принял Конституцию «Союза Объединенных Горцев Кавказа». По принятой Конституции Союз объединяет все горские племена Кавказа, а также ногайцев и туркмен...»

Янчевский далее отмечает, что съезду высказался за необходимость переустройства России в федеративно — демократическую республику.

А далее он пишет:

«По земельному вопросу съезд вынес следующую резолюцию:

1. Чтобы все земли и леса, занимаемые горским населением Терской, Кубанской и Дагестанской областей, Ставропольской и Черноморской губерний, теперь же, не дожидая Учредительного Собрания, были признаны собственностью перечисленных племен.

2. Чтобы земли, леса и воды, отнятые (царской) казной у горцев и прочих народностей, входящих в состав Союза Объединенных Горцев, были немедленно возвращены этим народам.

3. Чтобы все свободные земли крестьянского поземельного банка в пределах территории горского населения и смежных с ней поступили немедленно для обеспечения землею безземельных и малоземельных горцев и прочих народностей, вступивших в Союз Объединенных Горцев.

«Кроме того, — продолжает автор, — съезд постановил ввести шариатские суды и учредил муфтиат Северного Кавказа, избрав муфтием Наджмудина Гоцинского.

На съезде был избран ЦК Союза Горских Народов Северного Кавказа, в который вошли Кабарда, Осет-

тия, Ингушетия, Чечня, Карачай, Балкария, Черкесия и Дагестан».

Интересно и то, какую характеристику дает Янчевский вышеперечисленным лидерам нового национально — политического движения на Северном Кавказе. Он пишет: «Национальное и земельное угнетение при царизме спланивало горские народы вокруг наиболее влиятельных родов, буржуазной интеллигенции и духовенства, которые являлись представителями устремлений горских народных масс».

Таким образом, как видим, съезд положил начало организованному, подлинно народному, национально — освободительному движению. В этом заключается его значение и ценность в истории народов Северного Кавказа.

Вы слушали нашу первую беседу, посвященную 56-й годовщине образования Союза Объединенных Горцев Кавказа. Продолжение слушайте в следующее воскресенье в это же самое время.

Редакция: Северокавказская

Автор: Рамазан Карча

Дата передачи: 6-го мая 1973 года.

А теперь слушайте вторую беседу, посвященную 56-ой годовщине образования Союза Объединенных Горцев Кавказа.

Дорогие слушатели! В первой беседе мы цитировали из книги советского историка Янчевского часть резолюций Первого Съезда Объединенных Горцев Кавказа. В этих резолюциях Союз определил свое решение относительно государственного переустройства новой России на началах федеративной демократической республики, справедливого разрешения земельного вопроса, учреждения народных шариатских судов и общесеве-рокавказского муфтиата и, главное, принял Конституцию Союза.

В настоящей беседе мы приведем выписки из других документов, принадлежащих тому же историческому Первому Съезду в мае 1917-го года. Документы были опубликованы в 1927 году в книге «Революция и кон —

трреволюция в Дагестане» Алибека Тахо Годи, дагестанского коммуниста, расстрелянного в период «ежовщины», как буржуазный националист. Мы здесь переедадим сокращенный текст речи дагестанского делегата и соавтора проекта создания Союза Объединенных Горцев Кавказа, юриста Рашидхана Капланова, которую он произнес на одном из первых заседаний съезда. Капланов говорил, между прочим, следующее (цитируем):

«Горцы! С установлением нового строя стало ясно, что переживаемый момент должен будет определять судьбы народов России, быть может на много веков. Этот момент диктует необходимость коренного переустройства всех политических и социальных норм... Ясно, что теперь все, кто имеет силы подняться в уровень государственного строительства, должны немедленно мобилизовать свои силы. Нужно понять, что кто не станет активным, организованным в этот ответственный момент, тот будет только материалом для строительства других. В связи с этим определяются и наши задачи».

Капланов продолжал:

«Сама собой являлась мысль о необходимости объединения. Много трудностей возникло при этом. Мы лишены всех источников и возможностей культурного развития. Все эти особенности положения и трудности мы учли и не останавливались и перед тем, что у нас есть моменты, затрудняющие общую работу, — например, разность языка, — ибо мы знали, что вместе со всем этим мы имеем могучие цементирующие нас факторы: религию, право, условия экономического быта. Мы не могли не учесть и того, что не так давно, мы горцы Кавказа, бок о бок отстаивая свою свободу, орошали своей кровью наши горы. А это иногда может спаивать племена больше, чем что-либо другое. И вот все это дало нам возможность поставить на реальную почву вопрос об объединении...»

«Каковы же основные цели нашего Союза? — спрашивает докладчик. Прежде всего цель нашего Союза — чисто оборонительная. Мы говорим, кто задевает одного из нас, тот задевает всех нас, и в этом покушение на наши права, мы этого не допустим.

(Громкие аплодисменты).

(Эта часть речи Капланова была немедленно переведена на чеченский, кумыкский и кабардинский языки).

«Но, продолжает Капланов, — сохранение существующего положения нас не удовлетворяет. Мы должны добиваться удовлетворения наших требований в реальных формах. В этом смысле наш Союз наступательный ... Мы хотим только добиться осуществления наших политических, экономических и других прав...»

При этом Капланов особо отметил, что авторы проекта не должны вставлять положения, что «только мусульмане могут быть членами нашего Союза.» «Как известно, — говорил он, — часть осетин православные, часть — мусульмане, но они — горцы и их интересы — наши интересы» *(аплогисменты)*.

Рашидхан Капланов закончил свой доклад изложением конституционных основ руководящих органов Союза северокавказских народов. Он говорил, между прочим, следующее *(цитируем)*:

«Высшей инстанцией нашего Союза должны быть съезды, созываемые из расчета по одному делегату на каждые 15.000 душ населения. Постоянным органом, проводящим в жизнь постановления Съезда и его программу, должен быть Исполнительный Центральный Комитет Союза Объединенных Горцев. Вот в общих чертах тот проект Союза Объединенных Горцев, который выдвигает Временный Центральный Комитет» *(аплогисменты)*.

В книге Тахо Годи приводится и такой интересный момент Съезда. После доклада Капланова слово берет глава чеченской делегации и член ЦК Союза Тапа Чермоев и говорит: «У нас существует древний обычай закреплять свои постановления так: каждая сторона, заключающая соглашение... выбирает старейших из своей среды и они взаимными рукопожатиями утверждают соглашение».

«После этого все племена, представленные на съезде, выбирают старейшин. Около сорока убежденных седи — нами представителей племен занимают места впереди президиума и, взявшись за руки, образуют цепь... Один из мулл произносит на арабском языке слово... Затем

читаются молитвы муллами и учеными разных народов... Произносятся еще несколько речей. Затем старейшины жмут друг другу руки. В зале гром аплодисментов и громкие крики «ура».

В книге Тахо Годи мы находим и другие важные документы, как «Политическая платформа и программа Союза Объединенных Горцев Кавказа», а также следу — ющие резолюции Первого Съезда Союза: по аграрному вопросу, по созданию национальной школьной системы, по учреждению шариатских судов и общесеверокавказского муфтиата, о положении чиновников и офицеров царской службы северокавказского происхождения, о создании национальной милиции, о праве ношения оружия, о национальной печати, а также об отношении Союза Объединенных Горцев к другим народам бывшей Российской Империи и Временному правительству и так далее.

Как видим, дорогие слушатели, все эти приведенные документы, взятые из, ныне запрещенных советской цензурой, книг коммунистов Янчевского и Тахо Годи, свидетельствуют о том, что Первый Съезд народов Северного Кавказа еще задолго до Октябрьской революции провозгласил Союз Горцев, как национально — политическую единицу и избрал Центральный Комитет, как руководящий исполнительный орган. Акт этот был первой формой политического самоопределения народов Северного Кавказа. Оставаясь политически лояльным к Временному правительству, олицетворяющему высшую власть новой демократической России, и веря, что оно установит действительный справедливый порядок, Союз Горцев начал осуществлять свои национальные и культурные цели.

Вы слушали вторую беседу, посвященную 56-ой годовщине образования Союза Объединенных Горцев Кавказа.

Редакция: Северокавказская

Автор: Рамазан Карча

Дата передачи: 13 мая 1973 г.

А теперь слушайте беседу, посвященную 55-ой годовщине образования Независимой Северокавказской Республики.

Дорогие слушатели! В прошлых беседах, на основе исторических документов, извлеченных из ныне запрещенных советской цензурой книг Янчевского и Тахо Годи, мы показали, что Центральный Комитет Союза Горцев Кавказа, избранный в мае 1917 года Первым Съездом, как руководящий политический орган, стал осуществлять свои национальные, экономические и культурные задачи. В настоящей беседе мы расскажем вкратце о том, как 11-го мая 1918-го года была провозглашена независимость демократической республики Северного Кавказа.

В предыдущих беседах мы отмечали, что Центральный Комитет Объединенных Горцев Кавказа во внешней политике сохранял свою лояльность к Временному Правительству новой России, надеясь, что оно поведет страну в желанном для всех народов направлении. Однако, эта надежда не оправдалась. Временное правительство оказалось не способным своевременно решать неотложные экономические и социальные проблемы, выдвинутые революцией в условиях тяжелой продолжительной войны 1914—1918 годов. Пользуясь этой слабостью законной власти, большевики повели широкую кампанию политического разложения рабочих, крестьянских и солдатских масс. В результате этого в России образовалось двоевластие: с одной стороны, органы Временного Правительства, с другой, Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Грозовые тучи анархии и разрушения начали сгущаться над Россией. Видя такое положение, Центральный Комитет Союза народов Северного Кавказа начинает менять свою позицию в сторону обособления от России. 20-го сентября 1917-го года ЦК Союза созывает во Владикавказе Второй Съезд представителей Северного Кавказа, давший Центральному Комитету Союза полномочия Временного Правительства, могущего по своему усмотрению, в зависимости от конкретных условий, объявить отделение Северного Кавказа от России. А 30-го октября, т.е. ровно через десять дней после закрытия

Второго Съезда, созывается Третий Чрезвычайный Съезд Союза, на котором намечаются некоторые подготовительные меры по защите от надвигающегося хаоса.

Двадцать пятого октября старого стиля большевики свергают Временное Правительство и устанавливают свою власть в Петрограде. Это дает начало жестокой гражданской войне между сторонниками большевиков и т.н. «Белым движением», возглавляемым на юге царским генералом Деникиным.

Обе полярные силы России в борьбе между собой старались втянуть народы Северного Кавказа и другие нерусские народы России в эту братоубийственную войну.

Так, например, через неделю после захвата власти — второго ноября 1917 года (старого стиля) правительство Ленина опубликовало «Декларацию прав народов России», где говорилось, что будто «национальная политика советской власти, это — политика добровольного и честного союза народов России, основанного на взаимном доверии». В декларации далее давались гарантии на «равенство, самостоятельность и право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств». А через пять дней после упомянутой декларации был издан советский манифест, обращенный «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором, кроме признания прав народов на полную независимость, давалось заверение, что «отныне ваши верования, ваши обычаи, ваши национальные и культурные учреждения останутся свободными». Манифест заканчивается словами:

«Мусульмане России!... На этом пути обновления мира мы ждем от вас сочувствия и поддержки».

А командование Белой армии поступало просто: не признавая прав народов на самоопределение, оно объявляло мобилизацию и силою отправляло людей на фронт против большевиков. Так была сформирована на Западе Северного Кавказа воинская часть из черкесов, осетин и карачаевцев, вошедшая в состав Добровольческой армии.

Однако, ЦК Союза непоколебимо стояло на позициях нейтралитета, зная, что обе борющиеся русские силы одинаково чужды национальным интересам Северного

Кавказа.

В целях быстрой изоляции страны от надвигающихся ужасов гражданской войны и основываясь на законном праве народов на самоопределение, Центральный Комитет Союза одиннадцатого мая 1918-го года провозглашает, как и другие народы Кавказа (Азербайджан, Армения, Грузия), независимость Северного Кавказа от России и образует Самостоятельную Демократическую Республику Народов Северного Кавказа.

Главой правительства Северокавказской Демократической Республики был избран Тапа Чермоев (чеченец). Председателем Парламента — Вассан Гирей Джабаги (ингуш), министром иностранных дел Гайдар Баммат (дагестанец), министрами: Пшемаф Коцев (кабардинец), Асланбек Бутаев (осетин), Рашидхан Капланов (дагестанец), Зубаир Темирханов (дагестанец), Басиат Шаханов (балкарец), Ахмет Цаликов (осетин), Нух Тарковский (дагестанец), Алихан Кантемир (осетин), Айтек Намиток (адыгеец) и другие.

В правительственной декларации, переданной по радио всему миру от 16-го мая за подписями Тапы Чермоева и Гайдара Баммата сообщалось, между прочим, следующее: (мы цитируем содержание этого документа, взятого из книги Сталина, см. соч., том IV, 1947 г. изд., стр. 106).

«Народы Кавказа закономерно избрали Национальное Собрание, которое, собравшись в мае и сентябре 1917-го года, заявило об образовании Союза Горцев Кавказа, который решил отделиться от России и образовать Независимое Государство; территория его будет иметь своими границами на Севере те же самые географические границы, какие имели области и провинции Дагестана, Терека, Ставрополя, Кубани и Черного моря в бывшей Русской империи. С Запада — Черное море, с востока — Каспийское море».

Дорогие слушатели, весть об образовании независимого Северокавказского государства, быстро облетевшая все уголки страны, была встречена населением с неописуемой радостью. Да иначе и не могло быть. Потому, что народы Северного Кавказа после полувекового царского колониального режима только теперь

нашли возможность воссоединить свою страну в единое целое и воссоздать свою былую национальную государственность, созданную великим Шамилем еще в 30-х годах прошлого века.

Как известно, независимость Северокавказской Республики была признана Турцией де-юре и странами Центральной Европы де-факто. Де-факто, по существу, признало независимость Северного Кавказа и Англия в лице командующего английскими войсками на Кавказе генерала Томсона. Был заключен договор о дружбе между правительствами Северного Кавказа и Турции, по которому последняя обязалась доставить Северному Кавказу военную технику, инструкторов и предоставить денежный заем. Была начата на Северном Кавказе кипучая работа в области государственного, экономического и культурного строительства.

Однако, это не подходило интересам ни белых царских генералов, ни большевистских империалистов. И в 1919—1920 годах под ударами превосходящих вражеских сил — сперва Деникинских дивизий, затем — Красной Армии — независимая демократическая республика Северного Кавказа пала. За ней пали и другие самостоятельные республики Кавказа — Азербайджанская, Армянская и Грузинская.

Вы слушали беседу, посвященную 55-ой годовщине образования Независимой Северкавказской Республики.

А теперь передаем беседу о том, как большевики уничтожили национальную государственность Северного Кавказа.

В ряде бесед, посвященных пятидесятилетию объявления независимости Северного Кавказа в мае 1918 года, мы вкратце описали историю борьбы наших народов за свою свободу и независимое государственное существование. В этих беседах мы определили два главных этапа борьбы: первый этап — это образование в мае 1917 года Политического Союза народов Северного Кавказа как единого целого, долженствующего войти в состав

будущего демократического федеративного государства равноправных народов бывшей Российской империи; второй этап — это объявление независимости Северного Кавказа 11-го мая 1918-го года и отделение от России, где большевики незаконно свергли демократическое временное правительство и установили свою диктатуру. При этом мы подчеркивали, что акт объявления независимости Северного Кавказа, признанный целым рядом иностранных держав, а также кипучая деятельность наших народов в деле государственного строительства и вооруженной защиты страны, демонстрировали перед всем миром то, что северокавказцы желают жить в единой государственной семье и взять свою судьбу в свои собственные руки. Наконец, мы с глубокой болью в сердце констатировали, что под ударами сперва Белой армии, вторгшейся на Северный Кавказ в 1919 году, а затем предательского нападения Красной Армии в 1920 году, после тяжелой оборонительной борьбы, Независимая Северокавказская Республика прекратила свое существование. За нею одна за другой пали и остальные республики Кавказа — Азербайджанская, Армянская и Грузинская.

Падение Независимой Северокавказской республики означало потерю суверенитета и национальной государственности Северного Кавказа, так как советизация страны превращала его в одну из бесправных провинций Советской колониальной державы.

Но поскольку нынешние советские историки утверждают, что, мол, народы Северного Кавказа обрели свободу и национальную государственность только при советской власти, мы хотели бы здесь выяснить характер подобной государственности.

Как известно, национальная государственность, по международному праву, означает наличие суверенитета, т.е. наличие верховных прав в руках данной нации или группы наций и народов, объединившихся в политический союз. Иными словами, это означает: во-первых, наличие государственного строя, основанного волею нации, во-вторых, наличие независимой ни от кого внутренней и внешней политики и, в-третьих, неприкосновенность территории.

И теперь мы спрашиваем, можно ли найти в статусе наших северокавказских автономных республик и областей что — либо такое, которое могло бы соответствовать перечисленным установкам международного права о национальной государственности? Конечно, абсолютно ничего. Кем, например, установлен тот политический строй, который ныне у нас господствует? Он установлен чуждой, грубой силой, но не нашими народами. Или имеют ли наши республики право вести самостоятельную внутреннюю политику, не говоря уже о внешней? И в этом случае ответ может быть только негативным.

Экономическая система, направленная на присвоение продуктов труда рабочих и крестьян, на безвозмездную эксплуатацию природных богатств Северного Кавказа, также узаконена чуждой силой, но не нашими народами. Мы говорим о том, что северо — кавказцы, как и другие граждане СССР, лишены многих элементарных гражданских и политических прав, как — то: свободы совести, свободы слова, свободы собраний и уличных демонстраций, права на забастовки, права на организацию обществ, партий и т.д.

Наконец, еще одно: соблюдается ли у нас принцип неприкосновенности территории наших автономных республик и областей? Тоже нет, ибо вся земля, леса и воды отчуждены государством, которое распоряжается ими по своему усмотрению.

Как видим, дорогие слушатели, это беглое сравнение признаков действительной национальной государственности с т.н. правами (вернее, бесправием) наших автономных республик, ясно показывает полную фиктивность суверенитета наших, так называемых «национальных автономий». Обладаемые ими так называемые «права» никоим образом не отражают интересы наших народов, а служат лишь маскировкой колониальной политики московской коммунистической державы. Но это еще не все. Политика советского правительства на Северном Кавказе, особенно после смерти Ленина, по своим методам управления, мало чем отличалась от политики царского правительства. Как известно, царское прави —

тельство, после падения имамата Шамиля, разбило нашу страну на ряд не связанных между собой административных единиц: Дагестанскую, Терскую и Кубанскую области, и правило ими через аппарат так называемого военно — народного управления. По тому же пути пошло и советское правительство, оккупировав Северный Кавказ в 1921 году, оно тоже разделило бывшую единую Независимую республику Северного Кавказа сперва на две части — Дагестанскую и Горскую автономные советские республики, а затем, через два года, Горская республика в свою очередь была расщеплена на мелкие племенные лжеавтономии, приравненные несколько позже к рядовым областям и краям искусственно созданного Северокавказского края. Скажем прямо, что даже царские чиновники не додумывались в своей разделительной политике до таких административных трюков. И, несмотря на то, что раздробленный Северный Кавказ уже десятилетия не пользуется, фактически, никакими национальными правами, партийная пропаганда не перестает утверждать, что только, мол при советской власти наши народы обрели свой настоящий суверенитет.

Вы слушали беседу о том, как большевики уничтожили национальную государственность Северного Кавказа.

Редакция: Северокавказская

Автор: Р.Карча

Теперь слушайте беседу о беспочвенности критики, даваемой нынешними советскими историками внутренней и внешней политике лидеров правительства Независимой республики Северного Кавказа.

Прошлый раз мы указали, что нынешние советские историки, следуя инструкции кремлевской цензуры, пытаются скрыть то, что лидеры ЦК Союза и правительства Независимой Республики Северного Кавказа, явились — как это признал и цитируемый уже нами

советский автор Янчевский — «выразителями устремлений горских народных масс». В нашей сегодняшней беседе покажем, что приклеивание к именам национальных лидеров и героев таких ярлыков, как «буржуй», «помещик», «миллионер», и огульное обвинение их в «буржуазном национализме», в «связях с иностранными державами» и т.д., является ничем другим, как шаблонными уловками партийной пропаганды.

Ясно, конечно, что советские историки пытаются дискредитировать вождей национального движения Северного Кавказа в глазах современной молодежи нашей страны указанием на то, что они, мол, принадлежали к передовым, богатым слоям тогдашнего общества. Но это — напрасная попытка. Ибо всякий грамотный человек, знакомый с историей национально-освободительных движений прошлого и настоящего, знает, что ими руководили и руководят передовые слои угнетенных народов, т.е. прогрессивная интеллигенция, вышедшая, обычно, из отщепенно имущих классов буржуазии, землевладельцев, духовенства, чиновничества. В национально-освободительном движении важна не принадлежность руководителей к тому или иному общественному слою, а важно то, в какой степени эти вожди отражают в своей политике чаяния и интересы широких слоев своих народов.

А то, что лидеры ЦК Союза и Независимой Республики Северного Кавказа в своей внутренней и внешней политике отражали, именно, вековые стремления своих народов, не принадлежит ни малейшему сомнению. Разве само создание Политического Союза Народов Северного Кавказа в мае 1917-го года не было осуществлением векового стремления передовых людей нашей страны ликвидировать поддерживаемую оккупантами племенную раздробленность нашей страны и создать единое национальное государство? Или возьмем решение об установлении республиканского строя, в пределах бывшей царской империи, принятый Первым Съездом полномочных представителей страны в том же мае 1917-го года.

Разве этот акт не соответствовал исконно демократическому духу и традициям народов Северного Кавказа? Или, наконец, возьмем требование того же первого Съезда, предъявленное Временному Правительству Керенского, о возвращении хотя бы части земель, лесов и вод, захваченных у северокавказцев царским правительством в период Русско-Кавказской войны и позже, и передаче их в пользование безземельным и малоземельным труженикам страны. Разве это требование не исходило из неотложных нужд широких народных масс, ограбленных царскими колонизаторами?

Словом, ясно, что по всем этим и другим коренным вопросам внутренней политики лидеры нашей Независимой республики стояли на страже народных интересов.

Но главный огонь советской критики направлен против исторического акта объявления независимости республики Северного Кавказа и ее первых внешнеполитических шагов. Например, П.А.Лебедев, соавтор «Истории Кабарды», изданной в 1957 году Академией Наук СССР, пишет, между прочим, так (цитируем):

«Организаторы контрреволюции на Северном Кавказе летом (не летом, а весной 11-го мая — М.Д.) 1918 года создали ... «Горское правительство», представлявшее интересы горской знати. Горское правительство немедленно обратилось к турецкому султану и через него к Германии и меньшевистскому правительству Грузии за военной помощью. Вступившим на территорию Кавказа немецко-турецким захватчикам оказывали поддержку помещичье-клерикальные элементы, возглавляемые имамом Северного Кавказа и Дагестана Наджумидином Гоцинским...»

Здесь Лебедев умышленно скрывает факт объявления независимости Северокавказского государства в мае 1918-го года и признания его целым рядом иностранных держав. Замалчивая этот факт, советский историк пытается представить правительство республики, как нечто неправомочное, а его внешнеполитические акции — не законными, идущими вразрез интересам народов

Северного Кавказа. А при таком искаженном освещении факты приобретают совершенно противоположный вид: турецкие войска, пришедшие на Северный Кавказ по договору с правительством Турции для обучения и комплектования северокавказской армии, превращаются в «немецко — турецких захватчиков», и им оказывают поддержку только помещичье — клерикальные элементы», а народ, будто бы, был настроен против всего этого.

На деле же происходило совершенно наоборот. Все пожилые северокавказцы могут подтвердить, что период объявления независимости Северокавказского государства и прихода в нашу страну турецкой дивизии, состоявшей из своих же северокавказских мухаджиров, был самым светлым периодом борьбы за освобождение и наивысшего подъема патриотических чувств всего населения.

Деятели Северокавказского государства стремились создать дружественные отношения не только с соседними братскими республиками — Грузией, Азербайджаном и Арменией или Турцией и Ираном, но и с Германией, а также Англией, Францией и другими странами Антанты. Им важно было обеспечить включение молодой Северокавказской республики в семью свободных государств мира и получить от них помощь, — военную, экономическую, финансовую, техническую — для того, чтобы поскорее восстановить разрушенное хозяйство страны и защитить ее от поползновений белых и красных вражеских сил.

Теперь же, именно, эти и подобные им попытки наших тогдашних лидеров советские историки квалифицируют, как служение иностранным империалистическим державам. Но мы, однако, твердо верим, что все сознательные северокавказцы по достоинству оценивают такую явную фальсификацию нашей истории.

Вы слушали беседу по случаю исполнившегося на днях пятидесятилетия со дня объявления независимости Северного Кавказа.

Редакция: Северокавказская

Автор: Рамазан Карча

Дата передачи: 9 сентября 1973 г.

*А теперь слушайте наш комментарий на книгу
Б.О.Кашкаева — «От Февраля к Октябрю».*

Книга носит двойную марку — Института Востоковедения Академии Наук СССР и Дагестанского Государственного Университета имени Ленина и вышла в прошлом году в Москве в издательстве «Наука». Внешне работа исполнена довольно обстоятельно, включено в обработку много литературы и архивных источников, снабжена длинным именованным указателем, что очень редко встречается в трудах многих северо — кавказских историков. Работа содержит 11 глав и охватывает почти все события, которые происходили в Дагестане и других частях Северного Кавказа в период между двумя революциями, а также некоторые важные факты, имевшие место весной 1918 года.

Нам кажется, что это объемистое исследование заслуживает серьезного анализа и достойной оценки. А мы сегодня займемся кратким комментированием лишь тех мест книги, где автор высказывает свои взгляды о роли Союза Объединенных Горцев Кавказа в национальном самоопределении народов Северного Кавказа после Февральской демократической революции.

Как известно, эта политическая организация, созданная передовой интеллигенцией Северного Кавказа, сразу же после отречения царя Николая II, поставила перед собой задачу выработать единую программу политических акций в деле воссоединения Северного Кавказа в единое государственное целое и защиты его национальных, экономических и культурных интересов в новых условиях. Но так как эта сложная задача нуждалась в общенародной санкции, то в первых числах мая 1917 года был созван в городе Владикавказе Первый Съезд представителей всех народов Северного Кавказа, принявший Конституцию страны и определивший основы внутренней и внешней политики Северокавказского Объединенного Государства.

Таким образом, Первый Съезд народов Северного Кавказа еще задолго до Октябрьской Революции провозгласил Союз Горцев как национальнополитическую единицу и избрал Центральный Комитет как руководящий и исполнительный орган. Акт этот явился первой формой политического самоопределения народов Северного Кавказа. Оставаясь лояльным по отношению к Временному правительству России, Союз начал осуществлять свои национальные и культурные цели.

А теперь посмотрим, как относится автор книги к этому историческому событию.

Как явствует из текста книги «От Февраля к Октябрю», автор не видит ничего положительного в появлении такой организации на политической арене Кавказа, а в ее практической деятельности он усматривает лишь стремление буржуазно-националистической интеллигенции использовать Февральскую демократическую революцию «в интересах эксплуататорских классов». (стр.27).

Кашкаев признает, что «Во Владикавказе 6 марта 1917 года был образован Временный Комитет Горцев Северного Кавказа, который позже, в начале мая 1917 года, созвал первый съезд горцев Кавказа». (стр.28)

Однако, он считает, что этот съезд был «собранием представителей буржуазно-националистических и клерикальных элементов Северного Кавказа и Закавказья». Далее он пишет, что (цитируем): «В результате десятилетней работы было сформировано так называемое горское правительство — Центральный Комитет Союза Объединенных Горцев Северного Кавказа и Дагестана: в него входили князь Р.Капланов, чеченский нефтепромышленник А.Чермоев (Тапа), кабардинский помещик П.Коцев, князь Н.Тарковский, ротмистр Султан Каплангирей, реакционер Зубаир Темирханов и другие, которые играли роль «защитников интересов народа». А клерикал Нажмудтин Гоцинский, избранный на пост муфтия (духовный глава мусульман) возглавил шариатское правление» (стр.34—35).

Тут, как видим, Кашкаев, вынужденный соблюдать требование партийности, игнорирует принцип объек-

тивного подхода к событиям истории Северного Кавказа. Ведь каждый грамотный северокавказец знает, что при оценке роли исторических деятелей важно не их социальное положение, а их деятельность, то есть вопрос о том, в какой степени эти люди отражали чаяния и интересы своих народов. А было время, когда деятельность лидеров Союза Объединенных Горцев оценивалась объективно и весьма положительно даже советскими историками. К таким историкам можно отнести, например, советского исследователя Янчевского, автора известной книги «Гражданская борьба на Северном Кавказе», изданной в Ростове — на — Дону в 1927 году. Описывая по свежим следам события на Северном Кавказе, в частности, описывая работу Первого Съезда, где присутствовали делегаты Дагестана, Чечни, Ингушетии, Северной Осетии, Кабарды, Балкарии, Черкесии и Адыгеи, Янчевский давал тогдашним лидерам Северного Кавказа следующую оценку (*цитируем*):

«Национальное и земельное угнетения при царизме спланивало горские народы вокруг влиятельных родов, буржуазной интеллигенции и духовенства, которые являлись выразителями устремлений горских народных масс».

Справедливости ради укажем, что и сам Кашкаев не скрывает того факта, что один из главных лозунгов Центрального Комитета Союза Горцев — «Объединение для свободной жизни раскрепощенных от царизма горцев Кавказа» — был широко популярен среди народных масс. И агитация за объединение была по словам автора ... «настолько сильна и память о прошедшей Кавказской войне настолько свежа, что горцы стремились к объединению» (*стр.36*).

Теперь несколько слов об отношении Кашкаева к Горскому правительству, объявившему 11 мая 1918 года независимость Северокавказской республики, которая была признана целым рядом иностранных государств.

Странно, но факт, что в разбираемой книге нет членораздельного объяснения этого исторического события, кроме разве отдельных оскорбительных замечаний в его адрес. Так, например, в одном месте сказано,

что — де по соглашению сеймовского (закавказского) правительства с германо — турецкими интервентами на Батумской конференции в марте 1918 года, была провозглашена «Горская республика» и сформировано «Горское правительство» (стр.310). В другом месте указывается, что, мол, «Горское правительство», в состав которого входили чеченский нефтепромышленник А.Чермоев (премьер — председатель), Г.Бамматов, З.Темирханов, Р.Капланов, П.Коцев, В. Джабаги и др., было марионеткой германо — турецких оккупантов, американо — английских интервентов и внутренних белогвардейцев. В конце ноября 1918 года после поражения Германии в войне на смену германо — турецким оккупантам сюда пришли англо — американские войска, на службу к которым перешло и «горское правительство» (стр.345).

Тут, как видим, применен ловкий пропагандный прием: скрывая от читателя факт объявления независимости Северокавказской республики и признание ее целым рядом иностранных держав, автор пытается изобразить внешнеполитические акции и связи Горского правительства как незаконные и даже преступные. Однако, грамотный северокавказский читатель легко разберется в сути вопроса и поймет — где правда и где фикция.

Вы слушали наш комментарий на книгу Б.О.Кашкаева — «От февраля к Октябрю».

Редакция: Северокавказская

Автор: Рамазан Карча

Дата передачи: 10 декабря 1972г.

А теперь слушайте 12-ую беседу из нашей серии: Пятидесятилетие образования Союза СССР и национальные проблемы на Северном Кавказе.

В предыдущей беседе, касаясь некоторых сторон пропагандной статьи первого секретаря Чечено — Ингушского Обкома партии Апрыткина, посвященной 50 —

летию образования Чеченской Автономной Области, мы указывали на то, что Чечня вышла из состава Горской Автономной советской республики под давлением комиссии ЦК РКП (б).

Да и действительно, этот акт большевиков, совершенный в ноябре 1922 года, был одним из звеньев длинной цепи расчленительной политики большевиков на Северном Кавказе. Так, например, в 1920 году они разделили бывшую единую Северокавказскую республику на Дагестанскую и Горскую автономные республики; в 1921 году, они выделили из Горской республики сперва Кабарду, затем Балкарию, Карачай и Черкессию; в 1922 году — Чечню и, наконец, в 1924 году окончательно расформировали республику, разделив ее на Ингушскую и Осетинскую области.

И все это делали в административном порядке, не считаясь с волей наших народов, не спрашивая мнения даже северокавказских национальных большевиков, способствовавших оккупации Северного Кавказа Красной Армией и советизации всего края. Все решалось в зависимости от военно — политических планов ЦК РКП(б) и его секции на Кавказе — Кавказского Крайкома партии, в составе которого не было ни одного северокавказского национального коммуниста.

А между тем северокавказские национальные большевики, как Коркмасов, Самурский, Далгаат, Тахо — Годи и другие из Дагестана; Эльдарханов, Курбанов, Ошаев, Арсанукаев и другие из Чечни; Мальсагов, Зязиков, Албагачиев и другие из Ингушетии; Мамсуров, Токаев, Бутаев и другие из Северной Осетии; Энеев, Катханов и Калмыков из Кабардино — Балкарии; Алиев и Курджиев из Карачая и Хаурати из Адыгеи и Черкесии — совершенно по иному представляли себе будущее Северного Кавказа.

Основываясь на ленинской Декларации Прав Народов бывшей Российской империи на самоопределение, вплоть до отделения, а также Обращения советского правительства к мусульманам России и Востока, они надеялись на создание отдельной Горской коммунистической партии и единой Северокавказской советской

республики. Однако Кавказский Крайком РКП(б) — в лице Кирова, Орджоникидзе, Ворошилова и других — помешал осуществить их идеи.

Так, например, еще в начале 1920 — го года, в момент борьбы против вторжения деникинских войск под руководством Совета Оборона Северного Кавказа, местные национальные большевики выдвинули предложение об образовании отдельной «Горской коммунистической партии», могущей объединить большевистски настроенные группы всех народов Северного Кавказа. Но Кавказский Крайком РКП(б) отказал им в этом и в своем ответном письме, между прочим, писал следующее (*цитируем*):

«Какие же основания у вас, чтобы создать Горскую коммунистическую партию?... Повторяем... только Краевой Комитет имеет право сносится с Центром. Что же касается объединения организационно — государственной работы в Дагестане и Терской Области, то для этого не требуется Горской коммунистической партии, а достаточно организовать Терский Областной Комитет. Помимо всего, состав Бюро (горских коммунистов) в своем большинстве настолько слабенький, что по существу ему и нельзя доверять выработку общей политической линии в области применительно к местным условиям...» (*конец цитаты*).

Иначе говоря, вопрос создания партии решался, не по национально — политическому признаку, а по признаку административно — территориальному. При этом в адрес инициаторов создания Горской компартии высказывалось оскорбительное недоверие в их способности существовать как самостоятельная партия. В заключение Кавказский Крайком писал (*цитируем*):

«О вашем решении организовать Горскую компартию доведем до сведения Центра, но Краевой Комитет самым категорическим образом против организации таковой». (*Конец цитаты*).

Конечно, центр — а точнее Комиссариат по делам Национальностей во главе со Сталиным — одобрил мнение Крайкома и Горская компартия образована не была.

А что думали наши национальные большевики относительно государственного строительства на Северном Кавказе? Их взгляды на этот счет были выражены в специальной декларации, обнародованной от имени Совета Оборона Северного Кавказа 17-го февраля 1920-го года (*цитируем декларацию*):

«Приступая к работе, новый состав Совета Оборона Северного Кавказа, избранный в минуту тяжелой внешней борьбы за свободу и самостоятельность Северного Кавказа, считает себя временным органом, существующим до полного очищения территории бывшей Горской республики от врага и организации постоянной власти согласно воле всех горских народов. Как орган защиты независимости и свободы горских народов, Совет Оборона приемлет полноту верховной власти в местах, уже очищенных от врага, ставит целью своей работы освобождение остальной территории, созыв общенародного съезда трудовых горских народов Северного Кавказа для окончательного решения вопросов государственного строительства. Совет Оборона, объединяя вокруг защиты самостоятельности и свободы Северного Кавказа все живые силы страны, разрешает все текущие вопросы согласно духу шариата и революции. Исстрадавший горский народ, — говорилось далее в декларации, — стремится к миру и культурному развитию, поэтому Совет Оборона ставит задачей внешней политики сохранение мирных и добрососедских отношений со всеми республиками, граничащими с территорией Республики Союза трудовых горских народов. Совет Оборона Северного Кавказа считает себя ответственным за внешнюю и внутреннюю политику и принимает на себя всю полноту власти» (*конец цитаты*).

Как видно из этого исторического документа, обнародованного 52 года тому назад, северокавказские большевики, убитые в годы ежовщины за так называемый буржуазный национализм, хотели сохранить национально-государственное единство Северного Кавказа, созданное волею наших народов в мае 1918-го года, но на советской, социалистической основе. А нынешний

статус автономий, созданный Сталиным 50 лет назад, в корне противоречит интересам наших народов и направлен на постоянное уничтожение их национальной самобытности и всякой государственности. Поэтому часто отмечаемые на Северном Кавказе даты образования этих фиктивных автономий могут вызвать у наших многострадальных народов лишь горестные воспоминания.

Нам, кажется, дорогие слушатели, вместо устройства показных юбилеев и писания длинных пропагандных статей о них, как это сделал Первый Секретарь Чечено — Ингушского Обкома партии Априяткин, следует серьезно подумать о восстановлении разрушенного Сталиным государственного единства народов Северного Кавказа хотя бы в виде прежней Горской Автономной Советской Республики, которой Ленин давал в своем знаменитом письме «Коммунистам Кавказа» достойное место наравне с другими республиками Кавказа.

Вы слушали двенадцатую беседу из нашей серии: 50-летие образования Союза ССР и национальные проблемы на Северном Кавказе. Тринадцатую беседу слушайте в следующее воскресенье в это же самое время.

Беседа N13

Редакция: Северокавказская

Автор: Рамазан Карча

Дата передачи: 17 декабря 1973г.

А теперь слушайте тринадцатую беседу из нашей серии: "50-летие образования Союза ССР и национальные проблемы на Северном Кавказе".

Дорогие слушатели! В сегодняшней беседе мы коротко остановимся на коллективном поздравительном послании ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР, руководителям Чечено — Ингушетии по поводу выдуманного ими 50 — летия образо —

вания Чечено — Ингушской АССР. Это необходимо по — тому, что в этих документах, появившихся 7 — го декабря в «Правде», «Известиях» и других газетах, высказан целый ряд голословных утверждений, совершенно искажающих полувековую историю чечено — ингушского народа.

Прежде всего поражает то, что в этих посланиях дата образования советской автономии в Чечено — Ингушетии определена неверно. Как известно, 50 лет тому назад была образована не Чечено — Ингушская АССР, как утверждается в послании ЦК КПСС и советского правительства, а Чеченская автономная область. В это время Ингушетия вместе с Северной Осетией еще оставалась в составе Горской Республики, расформированной Ста — линым в 1924 году. А статус Чечено — Ингушской автономной республики, как и Северо — Осетинской и Ка — бардино — Балкарской республики, был установлен в 1936 году, в связи с принятием нынешней Конституции СССР. Но для чего тогда задумали такую грубую перетасовку фактов? Оказывается, неспроста: фальшивка это нужна была для того, чтобы создать у неискушенных людей иллюзию о том, что будто чеченцы и ингуши в этом месяце отмечают не одно пятидесятилетие образования Союза ССР, но одновременно и свой, так сказать, национальный праздник. И действительно, первый секретарь Чечено — Ингушского Обкома партии Апряткин в своем докладе, озаглавленном «Пятидесятилетие образования Союза ССР и 50 — ление автономии Чечено — Ингушетии», писал буквально следующее (*цитируем*): »...трудящиеся республики испытывают особую радость в связи с тем, что в эти дни всенародных торжеств по случаю полувекового юбилея СССР они празднуют и 50 — ление Чечено — Ингушской АССР». Кстати добавим, что то же повторено и в статье председателя Совета Министров республики Р.Вахаева, которая также посвящена той же дате. А между тем известно, что выделение Чечни из состава Горской Республики в отдельную область было сделано против ее воли и по настоянию специальной Комиссии ЦК РКП(б) с целью ликвидации национально — государственного единства северокавказ —

казских народов, что было достигнуто с окончательным формированием Горской Республики в 1924 году.

Но, дорогие слушатели, искажения и фальсификация истории чечено — ингушского народа этим не ограничиваются, а только начинаются. Краткий текст послания партии и правительства по поводу этого фиктивного юбилея полон голословных утверждений и фикций, носящих циничный характер. Вот, например, один из них (цитируем):

«Под руководством коммунистической партии в единой семье советских народов трудящиеся Чечено — Ингушской АССР прошли большой и славный исторический путь».

Тут, как видим, фальсификация исторических фактов перешла все вообразимые границы... Да и в самом деле, как можно назвать полувековую жизнь чечено — ингушского народа нормальной в то время, когда около трети этого периода он провел в ужасных условиях среднеазиатской ссылки, где за это время он потерял, по некоторым данным, около ста тысяч своего населения. А материальные и культурные потери его не поддаются даже приблизительному учету. Укажем лишь на то, что сотни цветущих чеченских и ингушских аулов были сровнены с землей. Были варварски разрушены их исторические и культурные памятники: древние крепости, мечети и медресе оригинальной восточной архитектуры, а также современные национальные музеи, библиотеки, клубы, театры, школы и больницы.

Следует указать и на то, что многие из этих разрушенных аулов, расположенных в горных районах республики, до сих пор не восстановлены. Поэтому обширные площади посевных, покосных и пастбищных угодий горных районов до сих пор остаются не использованными. И в то же время около 40 тысяч чеченцев и ингушей все еще остаются в Казахстане, в местах прежней ссылки.

Но авторы приветственного послания ЦК КПСС и советского правительства не замечают всего этого. Однако, дорогие слушатели, это нас не должно удивлять, так

как метод скрытия преступлений однопартийной диктатуры применяется не впервые. Не брезгал этим методом даже покойный либеральный Хрущев. Вот текст телеграммы, посланной в его время от имени ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР той же Чечено-Ингушетии в июне 1960-го года, в сороковую годовщину образования ликвидированной вскоре Горской Республики. В ней, между прочим, говорилось (*цитируем*):

«За прошедшие четыре десятилетия трудящиеся Чечено-Ингушской АССР под руководством коммунистической партии, при братской помощи русского и других народов СССР неузнаваемо изменили лицо бывшей отсталой царской колонии... Все это является ярким свидетельством торжества ленинской национальной политики, обеспечивающей широкие возможности для всестороннего развития экономики и культуры всех братских народов нашей страны».

А между тем, когда писалась эта приветственная телеграмма, полная двуличия и цинизма, в Казахстане еще находились, по данным переписи 1959 года, 126 776 чеченцев и ингушей.

Вы слушали тринадцатую беседу из нашей серии: 50-летие образования Союза ССР и национальные проблемы на Северном Кавказе. Четырнадцатую беседу слушайте в следующее воскресенье в это же самое время.

Редакция: Северокавказская

Автор: Рамазан Карча

Дата передачи: 22 февраля 1973г.

А теперь слушайте беседу, посвященную 29-й годовщине выселения чечено-ингушского и карачай-балкарского народов в Среднюю Азию и Сибирь.

Дорогие слушатели! Конец 1943-го и первая треть 44-го годов являются для народов Северного Кавказа

периодом национального траура, который мы традиции — онно отмечаем каждый год 23 — го февраля. Как известно, в это безвременье сталинское руководство Кремля, необоснованно обвинив одну треть населения Северного Кавказа в каллоборации с немцами, в том числе поголовно все коренное население Чечено — Ингушетии, Балкарии и Карачая, депортировало в Среднюю Азию и Сибирь.

В свое время этот жестокий акт советского правительства был оценен мировой общественностью как геноцид, то есть как акт народовбийства, подпадающий под соответствующие параграфы конвенции о геноциде, принятой Организацией Объединенных Наций. Указанная конвенция имеет в виду физическое истребление целых национальных, племенных, расовых и религиозных групп. И действительно, сталинское насилие над чечено — ингушским и карачай — балкарским, а также калмыцким и крымтатарским народами было задумано тогдашним руководством КПСС с целью физического уничтожения этих народов, что и было частично достигнуто, так как сотни тысяч северокавказцев — особенно стариков, женщин и детей погибло тогда от голода, холода и болезней в пути следования и в местах ссылки, климатически непривычных для уроженцев Кавказа.

Как известно, в свое время хрущевское руководство под давлением мирового общественного мнения осудило эту незаконную расправу над целыми народами. Президиум Верховного Совета СССР в 1957 — ом году реабилитировал безвинно пострадавшие северокавказские народы и формально восстановил их национальные автономии. Однако ни хрущевское правительство, ни нынешнее руководство КПСС, ничего не сделали для того, чтобы возместить нашим народам тот тяжелый моральный и материальный ущерб, какой был нанесен им в период среднеазиатской ссылки.

Не выявлены и остаются ненаказанными многие конкретные участники этого преступления. При Хрущеве вся ответственность была возложена на одного, уже умершего, тирана. А теперешнее руководство КПСС перестало признавать и этого. Напротив, оно предпри —

нимает все меры к тому, чтобы дать забвению это и другие преступления режима за весь период его больше полувекового существования, как будто их и вовсе не было. Об этом говорит появление в минувшем году таких, например, документов, как известное постановление ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования СССР».

А между тем, до сих пор остаются не устраненными многие другие тяжелые последствия сталинского преследования. Наиболее серьезным из них является то, что десятки тысяч северокавказцев все еще не возвращены из мест среднеазиатской ссылки. Например, по переписи населения 1970 года, в одном Казахстане продолжают жить 34 тысячи одних чеченцев и ингушей. О балкарцах и карачаевцах еще нет точных данных. В то же время многие горные аулы, разрушенные в период депортации населения, до сих пор не восстановлены. Поэтому обширные площади посевных, покосных и пастбищных угодий этих районов до сих пор остаются неиспользованными.

Само собой разумеется, все это сильно мешает восстановлению национальной, экономической и морально-политической жизни наших народов.

Вы слушали беседу, посвященную 29-ой годовщине выселения чечено-ингушского и карачай-балкарского народов в Среднюю Азию и Сибирь.

Редакция: Северокавказская

Автор: Рамазан Карча

А теперь передаем очередную беседу из нашей серии: "О советской политике в области национальной школы и письменности".

В прошлый раз вы выяснили политические цели Кремля в деле замены латинизированной письменности мусульманских народов русской графикой. Теперь рассмотрим вопрос о том, как проводилось это мероприятие в условиях Северного Кавказа.

Руководил и этой работой, как мы уже указывали, обкомы ВКП(б) автономных республик и областей, где сидели назначенные из Москвы новые партийные секретари и молодые неопытные местные коммунисты, привлеченные к работе на место только что репрессированной «старой гвардии» национал-коммунистов старшего поколения. Распоряжения обкомов партии иногда принимали форму директив республиканских правительств, но это не меняло существа дела, ибо и тут и там распоряжались одни и те же лица. Республиканские комиссии по составлению новых алфавитов, созданные обкомами партии, по очереди отправлялись в Москву, и под руководством русских лингвистов решали, какой должна быть структура алфавита того или иного языка. Делами оформления северокавказских алфавитов неизменно руководил ныне покойный профессор Н.Ф.Яковлев, представитель Центрального Института языка и письменности народов СССР в Москве. Кстати, он же был одним из участников разработки северокавказских латинизированных алфавитов, созданных в 1926—1928 годах. И у профессора Яковлева заранее были подготовлены проекты алфавитов для всех языков и даже диалектов и наречий Северного Кавказа. Принцип культивирования диалектов, применявшийся при создании латинизированных алфавитов, служит руководящей линией и теперь. Членам комиссии оставалось лишь выслушивать объяснения профессора о «культурно-политическом значении» нового алфавита, его соответствия фонемному составу данного языка и дать в конце свое согласие на утверждение предложенного проекта.

Подобные проекты алфавитов, принятые в кабинетах московского Центрального Института языка и письменности народов СССР, без широкого обсуждения поступали на формальное утверждение Верховных Советов автономных республик. Бывало кое-где и так, что одобренный в Москве проект вносили на обсуждение собраний учителей или работников печати. Но, услышав историю создания проекта, никто не осмеливался выступить с критическими замечаниями. Не надо забывать,

что все это происходило после только что закончившихся страшных репрессий периода «ежовщины». А республиканская печать, всецело находившаяся в руках новых партийных секретарей, продолжала держать политическую атмосферу накаленной. Характерно в этом отношении постановление Бюро Дагестанского Обкома ВКП(б), помещенное в газете «Дагестанская Правда» от 4-го февраля 1938 года, где, между прочим, сказано (цитируем):

«Бюро Дагобкома ВКП(б) отмечает огромное политическое и культурное значение перехода на новый алфавит письменности народностей Дагестана, как результат дальнейшей победы ленинско — сталинской национальной политики, сотрудничества народов нашей родины...

«Заклятые враги страны социализма, буржуазные нааационалисты вкупе с троцкистско — зиновьевскими и бухаринско — рыковскими бандитами, проводили свою подрывную работу и на фронте письменности и языка. Они изгоняли из школ язык великого братского русского народа».

Далее в постановлении говорится: (опять цитируем): «В этой, враждебной трудящимся Дагестана, практике нашла выражение вся их злобная ненависть к стране социализма и их подлое стремление оторвать трудящихся ДАССР от великой социалистической родины, отнять у них завоевания социализма, вернуть их в кабалу феодального крепостнического гнета, бесправия и нищеты.

«Введение нового алфавита на русской основе окажет трудящимся ДАССР огромную помощь в деле быстрой ликвидации всех последствий подлого вредительства фашистских буржуазно — националистических бандитов в области языка и письменности и еще более сблизить их с великой культурой народов СССР».

Заметим, кстати, что все это «враги» в кавычках, убитые в период ежовщины, после развенчания Сталина посмертно реабилитированы, и теперь их именуют не иначе, как «верные ленинцы».

И, наконец, в заключительной части постановления

говорится следующее: «Бюро Дагобкома ВКП(б) обязывает все партийные организации Дагестана развернуть широкую массово — разъяснительную и политическую работу по популяризации нового алфавита и практическому введению его в жизнь.»

Вот в каких условиях и какими методами была проведена в жизнь замена латинской письменности русским алфавитом в республиках и областях Северного Кавказа.

Мы нарочно не коснулись пока — что вопроса о полиграфических и педагогических неудобствах русского алфавита для языков Северного Кавказа. Но, объективности ради, приведем взгляды на новый алфавит молодого советского лингвиста А.Кваричелия, которые он изложил в «Учительской газете» в номере от 15-го августа 1957 года. Он пишет (*цитируем*):

«Как известно, начиная с 1936 — 1938 годов большинство народов Северного Кавказа начало переводить свою письменность с латинизированных алфавитов на русскую графическую основу. Составители алфавитов стремились уложиться, в основном, в буквенную кассу русского шрифта, чтобы в национальных республиках могли пользоваться обычным русским линотипом, пишущими машинами и т.п.

«Естественно, пишет он далее, что многие специфические звуки этих языков пришлось обозначать сочетаниями двух, трех и даже четырех букв. Количество сочетающихся букв особенно увеличилось в т.н. многофонемных языках. Например, в кабардино — черкесском алфавите — 19 двухбуквенных обозначений, 6 трехбуквенных и одно четырехбуквенное: в абазинском — двухбуквенных обозначений 28 и трехбуквенных — 12.

Автор продолжает (*цитируем*):

«Такое построение явно неудобно, педагогически и полиграфически нецелесообразно. Чем больше в алфавите сложных буквенных обозначений, тем труднее его изучить и запомнить. Назрела необходимость в усовершенствовании существующих алфавитов некоторых национальностей Северного Кавказа».

Наконец, Кваричелия, пишет (*опять цитируем*): «Следует всесторонне обсудить алфавиты родственных языков —

ков, чтобы провести возможную их унификацию с учетом всех фонетических и грамматических особенностей. Существующий разнобой в алфавитах не дает возможности свободно, без специальной подготовки читать тексты другого родственного языка.»

Как видим, дорогие слушатели, эта объективная оценка, данная советским ученым характеру руссифицированных алфавитов на Северном Кавказе, сама говорит за себя и в комментариях не нуждается.

Вы слушали продолжение нашей серии бесед на тему: О советской политике в области национальной школы и письменности.

Беседа N2

Редакция: Северокавказская

Автор: Рамазан Карча

Дата передачи: 29 апреля 1973 года.

Специфические трудности идеологической работы среди Северокавказской интеллигенции.

Дорогие слушатели! В конце нашей прошлой беседы мы обещали в следующий раз поговорить о характере тех внутренних факторов, которые, по мнению органа Дагестанского Обкома КПСС «Советский Дагестан», являются источниками национализма в СССР и в особенности на Северном Кавказе. Теперь давайте мы их разберем по порядку.

Вот, например, первый «фактор внутреннего порядка», который характеризуется журналом «Советский Дагестан» следующим образом (*цитируем*): «Речь идет, во-первых, о том, что создание материально — технической базы коммунизма ведет к наиболее интенсивному обмену материальными и духовными богатствами между всеми народами страны, к еще более тесному сближению их; значительное развитие получают общие коммунистические черты культуры, морали и быта, и это все

требует правильного разъяснения сущности объектив — ных процессов интернационализации различных сторон жизни народов» (конец цитаты).

Если освободить суть вопроса от всей этой шаблон — нопропагандной словесной шелухи, то выходит, что нынешняя политика КПСС, направленная на дальней — шее ограничение и без того суженных прав народов на самостоятельное государственно — экономическое и на — ционально — культурное развитие, является первым и главным источником недовольства национальной ин — теллигенции. И напрасно полагает журнал «Советский Дагестан», что путем разъяснения можно убедить севе — рокавказского интеллигента в справедливости того, что под видом «обмена материальными богатствами» цен — тральная казна, находящаяся в бесконтрольном ведении правящей верхушки КПСС, ежегодно присваивает мил — лиардные доходы от эксплуатации природных богатств Северного Кавказа и прибавочную стоимость труда наших народов. Еще труднее убедить северокавказского интеллигента в правомерности того, что под флагом «обмена» духовными и культурными богатствами между народами вот уже 15 лет (начиная с 1958 — го года) проводится русификация северокавказских школ путем принудительного перевода обучения с родных языков на русский. И эта шовинистическая школьно — языковая политика проводится вопреки открытым возражениям таких видных национальных коммунистов и творческих деятелей национальной культуры как кабардинский пи — сатель Алим Кешоков, долголетний первый секретарь Дагестанского обкома КПСС (ныне на пенсии) А. Дани — ялов, осетинский литературный критик Нафи Джусойти, Лауреат Ленинской премии дагестанский поэт Расул Гамзатов и другие. Их высказывания по этому поводу полны горечи и отчаяния. Слова Расула Гамзатова: «И если завтра мой (аварский) язык исчезнет, то я готов сегодня умереть» (Р. Гамзатов — «Мой Дагестан», по — весть. Книга 1, 1972 М. стр. 69) — сами говорят за себя.

Перейдем теперь к рассмотрению второго фактора, мешающего, по мнению журнала «Советский Дагестан», воспитанию советского патриотизма и пролетарского

интернационализма. О нем сказано так (цитируем):

«Во — вторых, в нашей стране... еще существуют оп — ределенные различия в уровнях экономического и куль — турного развития народов, городского и сельского на — селения, в уровне образования. Эти различия могут порождать чувство ущемленного национального само — любия, иждивенчества, местничества, если своевре — менно и глубоко не разъяснять массам трудящихся их причины и временный характер» (конец цитаты).

Наличие этого фактора общеизвестно и не нуждается в комментариях. Следует только отметить, что он обус — ловлен первым фактором, то — есть полувековой поли — тикой экономической и культурной дискриминации на — циональных республик и крестьянских окраин всей страны.

О третьем факторе в органе Дагестанского обкома КПСС мы читаем следующее (цитируем):

«... по мере роста образованности и культуры народов СССР возрастает и их национальное самосознание. Этот сам по себе положительный факт при ослаблении ин — тернационального воспитания может вызвать среди от — дельной части населения оживление национальной ог — раниченности» (конец цитаты).

Наконец, четвертый фактор, по мнению журнала «Со — ветский Дагестан», состоит в том, что (цитируем):

«В результате различных упущений в хозяйственном строительстве, отдельных нарушений принципов наци — ональной политики партии, слабой постановки интер — национального воспитания также могут иметь место проявления националистических настроений» (конец цитаты).

Тут журнал не указывает, о каких нарушениях имен — но идет речь. Очевидно имеются в виду такие общеиз — вестные факты как ликвидация северокавказской ин — теллигенции в годы ежовщины и депортации целых народов в период последней войны.

Как видим, дорогие слушатели, одно лишь перечис — ление этих четырех внутренних факторов ясно показы — вает, какой глубокий характер носит в настоящее время национальная проблема в СССР и в особенности на

Северном Кавказе. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что ни один из вышеперечисленных факторов, вызывающих, по признанию журнала «Советский Дагестан», националистические настроения среди интеллигенции и трудящихся масс, не имеет тенденции на ослабление или исчезновение в обозримом будущем, наоборот, носит перманентный характер. Даже такой общепризнанный положительный факт как рост образованности и культуры отдельных народов не способствует воспитанию советского патриотизма и интернационализма, наоборот, усиливает националистические тенденции. И это вполне естественно, дорогие слушатели, ибо чем культурнее становятся отдельные народы СССР тем глубже и яснее понимают они свое угнетенное положение, тем сильнее становится у них стремление к свободе и национальному равноправию, к устранению однопартийной государственной системы.

Но какие средства и методы предлагает орган Дагестанского обкома партии для улучшения идеологической работы среди национальной интеллигенции и других слоев населения? Кроме усиления и расширения обычных методов партийной пропаганды ничего нового он не находит. При этом характерно то обстоятельство, что издатели журнала, так хорошо знающие многие причины, вызывающие националистические настроения среди северокавказской интеллигенции и трудящихся масс, ни одним словом не обмолвились о необходимости принятия мер для устранения или ослабления самых причин — «факторов внутреннего порядка».

Надо полагать, что им не дозволено затрагивать эту сторону проблемы.

Из всего изложенного ясно, дорогие слушатели, что нынешние затруднения в идейно — политическом воспитании национальной интеллигенции Северного Кавказа вызвано вовсе не какой — то «пропагандной диверсией» извне, как обычно утверждают партийные идеологи, а факторами внутреннего порядка, заложенными в основе советской государственной системы, носящей замаскированный колонизаторский характер.

Дата передачи: 6 мая 1973г.

А теперь слушайте нашу беседу на тему: «Политика денационализации на Северном Кавказе и реакция творческой интеллигенции».

Дорогие слушатели! В предыдущих наших двух беседах относительно трудностей идеологической работы среди северокавказской интеллигенции мы, в частности, указывали на то, что нынешняя школьно — языковая политика КПСС является одним из факторов недовольства национальной интеллигенции. При этом мы говорили, что перевод обучения с родных языков на русский, начиная с первых классов начальной школы, был совершен на Северном Кавказе вопреки открытым возражениям видных представителей нашей интеллигенции...

...Как известно, в первый период после возвращения населения из средне — азиатской ссылки, школьное дело в Чечено — Ингушетии, Балкарии и Карачае находилось в критическом состоянии. Не было учебников на родном языке, не хватало национальных учительских кадров, школьных помещений, вследствие чего подавляющее большинство детей школьного возраста оставалось не охваченным обучением. По признанию газеты «Известий» (30.11.57 г.), постановление Оргкомитета по организации школ, изданию учебников и строгому осуществлению всеобщего образования оставалось на бумаге».

А между тем, северокавказская интеллигенция ожидала, что советское правительство не остановится на полпути формальной реабилитации, а фактически восстановит их автономные права в области национальной культуры, языка, школы, обещанные Лениным и зафиксированные в партийных документах и конституциях самих северокавказских республик и областей. Они ожидали:

во-первых, что будет создана авторитетная комиссия для пересмотра и устранения допущенных в период кulta личности извращений в области северокавказских языков, письменности и школы;

во—вторых, наша интеллигенция надеялась, что новое руководство КПСС даст ей возможность восстановить работу национальной школы с преподаванием на родном языке, для чего нужно было приступить к составлению учебников на родных языках и подготовке учителей для школ, особенно для школ Чечено — Ингушетии, Балкарии и Карачая.

Да, действительно, вскоре начали издаваться на чечено — ингушском и карачай — балкарском языках газеты и книги, носившие, как и всегда, пропагандный характер. Однако национальная школа, являющаяся основой национальной культуры, литературы и искусства, не была восстановлена в Чечено — Ингушетии, Балкарии и Карачае. Не были созданы условия для составления учебников для их школ, а жгучие проблемы северокавказских языков и письменности были преданы забвению. Это объяснялось тем, что национально — языковая и школьная политика Хрущева всецело находилась в руках шовинистической группы руководства КПСС. Ведь члены этой группы выдумали теорию «второго родного языка» и так называемый «принцип добровольного выбора языка обучения детей самими родителями».

Они же являются авторами теории о едином советском народе, сближении и слиянии наций в пределах СССР. Но, как известно, денационализаторская школьная политика КПСС с середины 60 — х годов начала охватывать и другие северокавказские школы: кабардинскую, осетинскую, адыгейскую и дагестанскую. Например, в январском номере журнала «Народное образование» за 1969 год, сообщалось, что «Идя навстречу пожеланиям родителей, органы народного образования (Кабардино — Балкарской республики) в 1960 году приступили к комплектованию первых нерусских классов с русским языком обучения. В 1965 — 66 учебном году все первые классы были переведены на русский язык обучения».

При этом указывалось, что «хорошее знание русского языка способствует приобщению народов Северного Кавказа к передовой социалистической культуре...». Но необоснованность такого объяснения была очевидна

каждому мыслящему северокавказцу. Ведь сорокалетний опыт обучения детей на родном языке в начальных школах Северного Кавказа нисколько не помешал появлению у нас десятков тысяч людей с высшим образованием, которыми теперь хвастается та же советская пропаганда. Нет, тут преследовались другие, далеко идущие цели, а именно — цели денационализации наших народов.

Передовая северокавказская интеллигенция хорошо поняла эту опасность и смело выступила против этой политики. И первым высказал свое мнение по этому вопросу выдающийся кабардинский писатель Алим Кешоков. В своей статье «За поворотом видеть дорогу», помещенной в январском номере журнала «Дружба Народов» за 1966 год, он писал (цитируем):

«Есть явления, которые не переносят хирургического вмешательства... Великий русский язык стал родным для всех наших народов и... его роль в совершенствовании наших литератур бесспорно. Но стоит ли опережать ход времени. Преподавание в начальной школе пока еще должно идти на родном языке, русский же следует изучать параллельно как один из важных предметов, а не наоборот».

Известный осетинский литературный критик Нафи Джусойти в своей статье «Чурек на завтра или дума о будущем», помещенной в декабрьском номере журнала «Дружба народов» за тот же 66 год, во — первых, опровергает шовинистическую теорию о том, что будто северокавказские языки являются помехой сближению советских народов. Хорошее знание русского языка, — пишет Джусойти, — необходимо всем народам страны... Однако отсюда никак не следует, что все остальные национальные языки являются помехой этому процессу. Напротив, мне думается, что сближение народов нашей страны происходит, главным образом, через национальные языки... Более того, как известно, в основе нашей ленинской концепции сближения, единения и в конечном счете слияния наций лежит мысль о том, что этот процесс происходит через максимальное культурно — историческое развитие народов. А как можно

представить себе культурное развитие народов без участия их национальных языков. Думаю, — пишет далее Джу — сойти, — что пытаться осуществить сближение народов в обход их национальных языков значит мешать прежде всего самому процессу единения. А сами высказывания об ограниченных возможностях тех или иных нацио — нальных языков отнюдь не способствуют сближению, если не наоборот». При этом Джусойти писал: «Прямое мужественное выступление дагестанского поэта Расула Гамзатова: «И если завтра мой язык исчезнет, то я готов сегодня умереть» — затронуло всех причастных к этой проблеме».

Во — вторых, Джусойти, опираясь на свой личный опыт, доказывает, что осетинский язык в качестве языка обучения отлично справлялся со своими функциями не только в начальной, но и в средней школе. Он выражает свое недовольство тем, что с начала 60 — х годов осетинские средние школы занимаются по программам русских школ, где не предусмотрено изучение осетинского языка, литературы и истории. Далее он пишет (*цитируем*):

«На знание родного языка, литературы и истории необходимо обратить особое внимание, потому что, за пределами средней школы учащийся никогда больше не встретится с их организованным изучением — высшей школы на родном языке нет ни в одной автономной республике... В этой связи всячески надо приветствовать слова первого секретаря Дагестанского Обкома КПСС А.Д.Даниялова: «Мы должны позаботиться и о том, чтобы учащиеся дагестанских школ хорошо знали родной язык и родную литературу, умели ценить культурные ценности своего народа». Такую заботу необходимо проявить во всех национальных автономиях, чтобы создать нормальные условия для развития и сближения национальных литератур» (*конец цитаты*).

Как видим, дорогие слушатели, версия о том, что будто бы денационализация северокавказских школ проводится по желанию самих народов не имеет основания. Она проводится принудительно и по настоянию великодержавных шовинистов, занимающих важные позиции в аппарате ЦК КПСС.

Беседа N1

Радио Свобода

Редакция: Северокавказская

Автор: Рамазан Карча

Дата передачи: 22 июля 1973 года

А теперь слушайте нашу беседу, посвященную проблемам Северокавказской художественной литературы.

Дорогие слушатели!

Мы хотели бы в ряде бесед рассмотреть проблемы северокавказской художественной литературы и высказать по ним свои суждения. А сегодня мы начнем свой разговор с беглого обзора тех условий, при которых проходит развитие нашей разноразличной, но в своей национально — эстетической основе единой горской литературы.

Как известно, наша литература, как и литература других народов Советского Союза, развивается в сложных условиях однопартийного режима. Писатели находятся под бдительным надзором партийной цензуры, лишены возможности свободно исследовать прошлое и настоящее своего народа и правдиво описать его сокровенные думы и стремления его к свободе. Они обязаны творить лишь в соответствии с интересами партии, ее идеологии и практической политики.

Но степень цензурного давления и контроля над литературным творчеством не всегда была одинаковой, а менялась в зависимости от изменения политического климата в стране. Следовательно, развитие литературы, изменение ее направления, объем описываемых ею жизненных явлений, степень их отражения в литературе — периодически менялись.

В этом отношении можно было бы назвать условно четыре периода в истории развития северокавказской литературы, а именно: ленинский период, то — есть, либеральные годы НЭПа, продолжавшиеся в области национальной культуры и литературы до начала 30-х годов; второй период — годы сталинского самовластия;

третий — годы хрущевской оттепели и, наконец, ныне переживаемый период.

Годы правления Ленина и его сотрудников в области культуры и литературы, как Луначарский, Покровский, Горький и другие, был периодом бурного развития национальных культур, письменности, просвещения и литературы. В те годы на Северном Кавказе появились десятки даровитых поэтов, писателей и критиков, создавших целый ряд значительных произведений.

Конечно, полной свободы им не предоставлялось. Например, нельзя было правдиво описать события, связанные с советской оккупацией Северного Кавказа, наоборот, требовалось объяснить этот акт как освобождение народов Кавказа от гнета иностранных интервентов, местной буржуазии и помещиков. Но зато им открывалось широкое поле для описания колонизаторской политики царской России, в особенности героическую борьбу наших народов за свою свободу под руководством имама Шамиля.

Второй период, то — есть, годы так называемого соцстроительства, становления и укрепления сталинского деспотизма, был черным безвременьем для литературы и всякой творческой деятельности не только на Северном Кавказе, но и во всем Советском Союзе. Начало строгой цензуры положило известное постановление ЦК ВКП(б) от 23 — го апреля 1932 — го года, по которому была распущена РАПП (Российская Ассоциация пролетарских писателей) и создан единый Союз советских писателей, контролируемый с единого партийного центра. О том, какое отрицательное влияние оказало на развитие литературы сталинское лихолетие советский публицист А. Дементьев в 1964 году справедливо писал следующие строки (цитируем):

«Культ личности сковывал развитие духовной жизни в стране и творческую активность советских людей. Его воздействие пагубно сказалось и на искусстве. Многие писатели стали жертвами необоснованных репрессий. Под влиянием культа личности в искусстве и литературе получили распространение иллюстративность и приукрашивание действительности, а в критике и литературу —

роведений — догматизм и грубые проработки. В те годы у нас было немало книг, пьес и фильмов, отмеченных печатью неправды, робостью мысли, описательностью» (конец цитаты) (См. статью: «Несколько общих соображений», ж. "Вопросы литературы", №12.1964, стр.23).

На Северном Кавказе положение было еще более потрясающим. В годы ежовского террора безвременно ушли от жизни наиболее даровитые представители горской творческой интеллигенции. Одна часть из уцелевших вынуждена была молчать или же заниматься темами далекой старины и бытового характера. Другая часть, подчиняясь требованиям соцреализма, выработанным Ждановым еще на Первом съезде писателей, сочиняла дифирамбы тирану и силилась составлять шаблонные сочинения, приукрашивающие мрачные условия, созданные в результате завершения насильственной коллективизации. А в годину национального горя братских народов Чечено-Ингушетии, Балкарии и Карачая, а также в послевоенный период, в годы шовинистической кампании в историографии по очернению героического прошлого наших народов, нашлись, к сожалению, горе-поэты и писатели, правда, единицы, которые, поддавшись наущению небезызвестных партийных инстанций, выступали с вещами, бросающими тень на освободительное движение северокавказцев, на светлое имя их прославленного вождя имама Шамиля...

Но, к счастью, наступивший период хрущевской «оттепели» положил конец подобным позорным явлениям в северокавказской литературе, а провинившиеся вынуждены были выступать перед своими читателями с горькими покаяниями. Чувствуя тяжесть своей вины, они продолжают каяться и по сей день.

Вы слушали нашу первую беседу, посвященную проблемам северокавказской литературы. Вторую беседу слушайте в следующее воскресенье в это же время.

Беседа №3

Редакция: Северокавказская

Автор: Рамазан Карча

Дата передачи: 5 августа 1973 года.

А теперь слушайте третью беседу из нашей серии — проблемы Северокавказской художественной литературы.

Дорогие слушатели! В предыдущих двух беседах мы вкратце говорили о тяжелых условиях работы северокавказских писателей в годы сталинизма и о резком ухудшении идейно — эстетического содержания тогдашней национальной литературы. А сегодня мы перейдем к краткой характеристике условий творческой деятельности наших писателей в период хрущевской оттепели и рассмотрению новых проблем, появившихся в северокавказской литературе в те годы. Это мы начнем со знакомства с некоторыми планами тогдашних руководителей северокавказских писательских организаций, стремившихся оживить развитие национальной литературы и искусства на новой, здоровой основе.

Как известно, развенчание Сталина на закрытом заседании 20 — го съезда партии в 1956 году и последовавшие после решения партии и правительства о восстановлении в стране социалистической законности и принципов ленинской национальной политики партии, сделали резкий перелом в настроении северокавказской интеллигенции, в особенности писателей. Они были уверены в том, что партия и правительство не ограничатся одним актом реабилитации и возвращения на родину сосланных чечено — ингушского и карачай — балкарского народов, а примутся за устранение также и других несправедливостей, совершенных на Северном Кавказе в годы сталинизма. Тут имелось в виду, между прочим, преодоление культурной изолированности северокавказских народов друг от друга и восстановления той связи и сотрудничества, которые существовали до середины 30 — х годов.

Ведь до этого периода наши народы, этнически и

культурно родственные друг с другом, имели целый ряд общих научных, культурных и просветительных учреждений, Горский Научно — Исследовательский Институт, Северокавказское национальное издательство, Горский музей, Северокавказский Комитет латинского алфавита, единые высшие и средние профессиональные учебные заведения, общий научно — общественный журнал «Революция и горец» и другие. Именно на базе этих учреждений объединялась ведущая часть северокавказской интеллигенции и коллективно разрабатывала общие проблемы истории, экономики, языка, письменности, просвещения, литературы и искусства нашей страны. И вопреки сталинской расчленительной политике, раздробившей единый Северный Кавказ на мелкие псевдоавтономии, это сотрудничество нашей интеллигенции на арене национальной культуры способствовало сохранению идейно — политического единства всех северокавказцев.

Тут следует напомнить нашим слушателям, особенно молодой творческой интеллигенции то, что эти полезные учреждения были закрыты в годы «ежовщины» как «гнезда северо — кавказских националистов», а их учредители — первые северокавказские большевики были расстреляны как «буржуазные националисты» и троцкистско — бухаринские прпешники». Мы имеем в виду таких национальных деятелей как Кормасов и Самурский из Дагестана, Горчханов и Зязиков из Чечено — Ингушетии, Токаев и Бутаев из Северной Осетии, Калмыков и Энеев из Кабардино — Балкарии, Курджиев и Алиев из Карачая и другие. Кстати, эти люди после 20 — го съезда были посмертно реабилитированы, и с того момента они именуются в северо — кавказской партийной литературе не иначе как «верные ленинцы». Если добавить ко всему этому тот факт, что вышеперечисленные общесеверокавказские учреждения были созданы в свое время с личного согласия Ленина и его сотрудников, — наркома просвещения Луначарского и его заместителей Надежды Крупской и академика Покровского — то правомерность восстановления их теперь не могла подлежать сомнению.

Именно так, должно быть, думали руководители северокавказских писательских организаций, выступившие в 1958 году с трибуны Первого Учредительного Съезда писателей со следующими требованиями:

Первое: создать в городе Кисловодске «Дом творчества» для северокавказских писателей, могущий способствовать трудовой дружбе и творческому контакту писателей, живущих в разных городах и республиках Северного Кавказа.

Второе: учредить общесеверокавказский литературно-художественный журнал на русском языке, могущий «Сыграть большую роль не только в дальнейшем развитии литератур, но и в укреплении дружбы братских народов Северного Кавказа, объединяя вокруг себя лучшие творческие силы автономных республик и областей Северного Кавказа».

Третье: «...создать на Северном Кавказе киностудию «Севкавфильм». В национальных республиках и областях Северного Кавказа, — говорилось в этом требовании, — выросли способные драматурги, режиссеры, актеры, которые могут создать художественные фильмы, посвященные жизни и труду своих народов, строящих счастливое будущее в братской семье народов нашей страны».

И, наконец, *четвертое требование:* регулярно организовывать «День поэзии горцев Северного Кавказа» (см. «Стенографический отчет» — 1-го учредительного съезда писателей РСФСР).

Следует отметить, что в организации творческого сотрудничества между северокавказскими писателями особенно нуждались литературы Чечено-Ингушетии, Балкарии и Карачая, только что вернувшиеся со своими народами из среднеазиатской ссылки.

Ожидалось, что эти скромные требования писательских организаций Северного Кавказа, сильно пострадавших в годы культа личности, должны были бы правильно поняты в Москве и удовлетворены в самое ближайшее время. Иного отношения к этим законным и скромным требованиям трудно было ожидать еще и потому, что одной из целей создания отдельного Союза

Писателей РСФСР официально считалось дальнейшее расширение прав национальных республик и областей, входящих в Российскую Федерацию, что было указано в решениях 20-го съезда КПСС.

Однако, как ни странно, эти ожидания не оправдались. Организаторы первого всероссийского съезда писателей встретили эти требования гробовым молчанием. Если поверить «Стенографическому отчету» съезда, то даже давнишние «кунаки» северокавказских писателей, например, писатели Николай Тихонов, Юрий Либединский, Сергей Бабаевский, Сергей Михалков и другие, хорошо знавшие тяжелое положение горской литературы, не осмеливались высказать несколько слов в поддержку северокавказских делегаций, возможно, что эти и им подобные предложения были переданы на рассмотрение новоизбранного Правления Союза писателей РСФСР; возможно также, что руководители северокавказских организаций, как Кайтуков, Кешоков, Гамзатов, Мамакаев и другие, избранные в члены этого Правления, и дальше хлопотали об осуществлении этих предложений.

Но в какой-то высшей инстанции, возможно, партийной, было наложено вето на них. И вот прошло уже 15 лет с тех пор, а на Северном Кавказе все еще нет ни «Дома творчества», ни общесеверокавказского литературно-художественного журнала, ни киностудии «Северкавфильм».

Но вопрос о том, по каким мотивам отказало либеральное руководство Хрущева восстановить те культурные учреждения, которые были уничтожены на Северном Кавказе в годы кровавых репрессий, до сих пор остается тайной. Имеются лишь предположения, но о них мы поговорим в следующей беседе.

Вы слушали третью беседу из нашей серии: "Проблемы Северокавказской художественной литературы".

Часть 10

Редакция: Северокавказская

Автор: Р.Карча

*А теперь передаем очередную беседу из нашей серии:
"О Советской политике в области национальной школы
и письменности".*

В прошлый раз мы вкратце обрисовали то, как и в какой тяжелой политической атмосфере происходила замена латинского алфавита русским на Северном Кавказе. Там же мы провели взгляды советского лингвиста А.Кваричелия, оценившего существующие уже 18 лет северокавказские алфавиты на основе русской графики как «явно неудобные, педагогически и полиграфически нецелесообразные». Теперь обратим наше внимание на то, какие перемены происходят в письменности, языке и в школьном обучении в республиках и областях Северного Кавказа в связи с переходом на русский алфавит.

На первый взгляд казалось, что тут должно было бы повториться то, что происходило в 1927—28 годах в связи с заменой арабского алфавита латинским, т.е. во — первых, переиздание прежней научно — справочной и учебно — методической литературы, в первую очередь, учебников по всем школьным дисциплинам; во — вторых, подготовка и переподготовка работников национальных издательств и печати, машинистов, стенографистов и прочих технических работников. Но в действительности теперь дело обстоит гораздо сложнее.

Дело в том, что в 1927—28 годах, то есть, тогда, когда происходила замена арабского алфавита латинским, времена были относительно спокойными — это был, так сказать, либеральный период режима. Тогда можно было многие орфографические и терминологические справочники и учебники просто переиздать с маленькими изменениями и добавлениями, т.к. их авторы и составители еще жили и считались лояльными гражданами советского государства. Теперь же, наоборот, надо было составить совершенно новые вещи, потому, что авторы всей наличной литературы, издаваемой на латинском ал —

фавите за последние 10 лет, уже были репрессированы и считались «врагами народа», а их труды были объявлены «вредительскими». Так, например, были запрещены и изъяты из употребления в школах учебники по родным языкам и литературе профессоров Б.А.Алборова и Д.А.Дзагурова в Северной Осетии, профессора Х.Яндарова и доцента Мальсагова в Чечено-Ингушетии, профессора Умара Алиева и Умара Байрамкулова в Карачае, а также многих видных авторов в Дагестане, Кабардино-Балкарии и Адыгее:

А составить учебники было все же необходимо, так как школы остались, как и в 1928—32 годах без учебников. Те же обкомы партии, вернее их школьные отделы, поэтому организуют из учителей — коммунистов авторские бригады, которые и приступают к работе по составлению «новых» учебников. Зная, что эти люди не смогут справиться с возложенной на них задачей, им разрешалось «критически пользоваться» трудами своих репрессированных предшественников. Но главная цель такого рода «критического использования» заключалась в том, чтобы исключить из словарного состава национальных языков арабские, фарские, турецкие термины, веками бытующие в этих языках и ставшие уже родными для населения, и заменить их русскими словами, а также иностранными, но в русском грамматическом оформлении.

Такие термины, как девлет — государство, хукумет — правительство, джамагат — общество, махкеме — суд, ха — ким — судья, ильму — наука, тарих — история, китаб — книга, дефтер — тетрадь, журнал, устаз — учитель, сохта — ученик, дерс — урок и другие десятки, сотни терминов заменялись русскими эквивалентами.

Характерно было и то, что даже суффиксы вводимых в национальный язык русских слов не подвергались законам данного языка. Об этом в кратком справочнике морфологии Кабардино-Черкесского языка говорится следующее (*цитируем*):

«Вместе с заимствованными из русского языка словами в Кабардино-Черкесский язык вошло значительное число суффиксов. Эти суффиксы не подвергаются

никаким изменениям и постепенно усваиваются кабардинским языком. Наиболее часто встречаются из них следующие:

- ЕЦ: комсомолец, сталинградец, стахановец;
- ИСК и ЧЕСК: коммунистическэ, социалистическэ;
- СК: комсомольскэ, советскэ. (См. Русско — Кабардинско — Черкесский словарь, М. 1955, стр.1004).

Сохраняются не только суффиксы, но и окончания имен прилагательных, что абсолютно противоречит строю кабардинского языка. Режут ухо следующие «обогащения» кабардинского языка русскими терминами:

- «Государственный строй — государствэннэ строй»;
 - «Государственные границы — государствэннэ гра — ницэхер»;
 - «Обрабатывающая промышленность — обрабатывающэ промышленность»;
 - «Суворовское военное училище — Суворовскэ военнэ училище»;
 - «Адыгейская Автономная область — Адыгейскэ автономнэ область»;
 - «Азовское море — Азовскэ море»;
 - «Алеутские острова — Алеутскэ островхэр» и т.д.
- О чем говорят эти примеры?

Как эти примеры, так и переход на письменность на основе русской графики, свидетельствует о том, что советская политика в области национальной школы и письменности направлена на то, чтобы постепенно разрушить языки и культуру нерусских народов, в частности мусульманских. Прямым результатом этой политики является то, что, начиная с конца тридцатых годов, т.е. с момента перехода на русский алфавит, состояние преподавания и изучения родных языков в школах Северного Кавказа все время ухудшается. Об этом свидетельствуют слова уже раз цитированного нами советского лингвиста А.Кваричелия, который говорит следующее:

«Преподавание родного языка стоит на низком уровне. Нередки случаи, когда учащиеся средних школ плохо читают, искажают слова, неправильно ставят ударения. От них не требуют краткости и четкости речи, ясности

и выразительности в передаче своих мыслей».

Все это объясняется тремя причинами: первая — неудобство русского алфавита, вторая — отсутствие квалифицированных преподавателей и третья — отсутствие учебной литературы. Большинство существующих учебников, пишет он, по своей структуре и содержанию почти без изменений повторяют учебники русского языка. Эти учебники требуют серьезной переделки, но ни местные, ни центральные научные учреждения не обращают на это внимание. (см. А.Кваричеллия «Все — мерно улучшить преподавание родных языков», «Учительская газета», 15.08.1957г.).

Вы слушали продолжение нашей серии бесед о Советской политике в области национальной школы и письменности.

Часть 11

А теперь передаем очередную беседу из нашей серии: "Советская политика в области национальной школы и письменности".

В прошлой беседе мы показали, что замена латинского алфавита русским ознаменовала собой прежде всего безудержное вторжение массы русских слов в словарный состав северокавказских языков, что сильно изменило их структуру и нарушило грамматический строй. Ярким примером тому служит нами уже цитированный «Русско — Кабардинско — Черкесский словарь», изданный в Москве в 1955 году. Словом, с устранением латинской письменности, как признает советский лингвист Г.А.Климов, было ликвидировано «препятствие к сближению народов Кавказа с русской культурой и русским языком» («Кавказские языки», Москва, 1965, стр.99).

Теперь мы хотели бы выяснить вопрос о другом, более важном препятствии к подобному сближению», но тоже

уже устранившем. Речь идет о позиции, которую занимали репрессированные в свое время национал-коммунисты, видные лидеры республик и областей Северного Кавказа, в отношении письменности и языка, в частности и в особенности в отношении изучения и преподавания русского языка в национальных школах. Ведь по словам советских газет 1938-го года, «буржуазные националисты, вкупе с троцкистско-зиновьевскими и бухаринско-рыковскими бандитами, проводили свою подрывную работу и на фронте письменности и языка. Они изгоняли из школ язык великого братского русского народа». («Дагестанская Правда» от 4-го февраля 1938г.). Все это, как теперь выяснилось, не соответствовало действительности. Эти люди никогда не вели никакой подрывной работы, а об изгнании русского языка из школ и не помышляли. Здесь вопрос объясняется другими обстоятельствами. Старшее поколение национальных коммунистов Северного Кавказа пришло к национальной работе при жизни Ленина и было проникнуто его идеями о развитии национальной культуры в соответствии с местными условиями и интересами народных масс, а в практической политике строго придерживалось партийных директив по национальному вопросу. А директивы, например, X съезда партии по национальному вопросу гласили следующее:

(цитируем):

В отношении нерусских народов «политика центра состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве, наконец, по возможности, русифицировать их», тогда как (опять цитируем) «задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им:

а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально бытовым условиям этих народов;

б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйст-

**ва, органы власти, составленные из людей местных;
в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное
дело и вообще культурно—просветительные учреж—
дения на родном языке».**

И вот, придерживаясь духу и букве, именно, этих решений, партийные лидеры Дагестанской автономной республики, Джемаль Коркмасов и Нажмуддин Самур — ский, с санкции Ленина, установили, что многоязычный Дагестан, помимо русского языка, как общегосудар — ственного, нуждается и в едином внутриреспубликан — ском языке, а таковым может быть кумыкский или азербайджанский диалекты тюркского языка. При этом они исходили из следующих соображений:

Первое: Три четверти населения Дагестанской рес — публики говорит или на кумыкском, или на азербай — джанском диалектах тюркского языка (см. газету «Крас — ный Дагестан», номера от 28 и 29 февраля 1928 года).

Второе: Литературы и науки на аварском, лезгинс — ком, даргинском и прочих письменных языках нет и никогда не будет, ибо создавать их для нескольких десятков или сотен тысяч человек нет смысла. Следова — тельно встает вопрос о выборе одного из двух соседних культурных языков — тюркского или русского. Хотя русский язык, говорили они, богаче и сильно впитывал в себя западно — европейскую науку, чем тюркский, мы не можем принять его, т.к. «против такого решения встает прежде всего ненависть к русскому языку, вос — питанная царской политикой угнетения и насильствен — ной русификации». А тюркский язык, как язык мусуль — манских масс, может служить оружием светской образованности, могущей, с одной стороны, «поколебать господство мусульманской схоластики и фанатизма» и с другой, служить гораздо большую службу проводника коммунистических идей на Ближнем Востоке, который «весь либо говорит на тюркском языке, либо понимает его» (Там же, см. также Н. Самурский (Эфендиев) «Да — гестан», М. 1925, стр. 118).

Третье: Русский язык как общегосударственный язык, необходим и должен преподаваться в школах как от — дельная школьная дисциплина.

Повторяем, этот курс дагестанских лидеров был одобрен Лениным и Сталиным в 1923 — 24 гг. Мало того. В 1924 году, с санкции Москвы, председатель Дагестанского Совнаркома Д. Коркмасов приглашает преподавателей из Азербайджана и Турции для работы в средних школах и педагогических училищах республики. Однако после НЭП, а в связи с т.н. социалистическим строительством, сильно обострившим политическую ситуацию в стране, Москва обвиняет турецких преподавателей в шпионаже и высылает их обратно. В 1930 году в обкоме партии Дагестана происходят острые дискуссии по проблемам языка, в результате которых, под сильным давлением представителей центра, прежний курс Дагестанского обкома обкома осуждается, как пантюркистский, а главные идеологи и лидеры Дагестана Д. Коркмасов и Н. Самурский снимаются с руководства и отзываются в Москву (тогда существовал такой обычай увольнения с поста видных национальных лидеров) Установленный же курс заключался в том, чтобы устранив тюркский язык, как внутри республиканский, культивировать племенные языки, а русский язык превратить не только в государственный, но и в внутриреспубликанский язык. Самой собой разумеется, с заменой латинского алфавита русским в 1938 году этот курс резко усиливается. К тому же в том же году Москва издает специальное постановление об обязательном преподавании русского языка в национальных школах.

Итак, дорогие слушатели, национальные лидеры Дагестана, как и других республик и областей Северного Кавказа в своей культурной политике старались учитывать культурные традиции своих народов, их психологию, их политические настроения, следуя в этом учению Ленина, и хотели осуществлять школьную программу партии более гибко и в соответствии с интересами народов.

Причиной же их осуждения и расстрела служили не какие-либо вредительские деяния в области языка и письменности, как это писалось прежде, а их сопротивление против антинародного самовластия Сталина и, главное, их связь с оппозиционными группами Троцкого и Бухарина.

Вы слушали продолжение нашей серии бесед о советской политике в области национальной школы и письменности.

А теперь передаем очередную беседу из нашей серии: "О советской политике в области национальной школы и письменности".

В настоящей беседе мы остановимся, как было сказано в прошлый раз, на основных недостатках алфавитов северокавказских и тюркских народов, отмеченных Мусаевым в его брошюре «Алфавиты языков народов СССР».

Прежде всего нельзя не отметить того обстоятельства, что Мусаев совершенно неискренен в толковании вопроса о причинах, вызвавших нынешнюю неразбериху и хаос в системе руссифицированной письменности. Он умалчивает о том, что проекты этих алфавитов составлялись в Москве и утверждались некомпетентными комиссиями местных партийных органов, без широкого обсуждения на местах и в условиях избиения национальной интеллигенции. По версии Мусаева выходит, что во всем повинны местные национальные кадры, они, мол, осуществили переход на русский алфавит в разные сроки в разных республиках, что «привело к разнообразным результатам, в частности к отсутствию унификации». А когда принцип "не выходить за рамки русского алфавита привел в тупик, то, мол, представители каждой национальной республики и области начали вводить в свои алфавиты дополнительные буквы или знаки к буквам «без учета опыта других республик и без консультации с учеными центральных учреждений (Алфавиты языков народов СССР», стр.21).

Но вряд ли кто-либо поверит этой версии Мусаева, стремящегося обелить антинациональную, руссификаторную политику сталинского руководства Кремля.

Каковы же главнейшие и действительные недостатки современных алфавитов тюркских и северокавказских (иберийско-кавказских) языков?

Первый и главный недостаток состоит в отсутствии унификации при обозначении аналогичных звуков родственных языков. Он выражается в разном при обозначении знаками для обозначения специфических фонем, что особенно проявляется в алфавитах тюркских и северокавказских языков. Например, в тюркских языках существуют 10 специфических фонем, которые отсутствуют в русском языке и для которых требуются особые знаки. Это фонемы — о, у, а, ɟ, ɣ, с, и другие — при унификации могли быть обозначены десятью знаками, а ныне для них употребляются 26 отдельных и 7 двубуквенных знаков, а в общей сложности 33 знака.

Эти и другие им подобные различия в алфавитах порождают, по словам Мусаева, большие затруднения. Во — первых, эти различия препятствуют взаимному использованию достижений народов, говорящих на родственных языках, в области культуры, науки, так как чтение литературы на близко — родственных языках затруднено разнообразием в алфавитах, что в свою очередь «служит определенным тормозом в процессе сближения наций и национальных культур» («Алфавит народов СССР», стр.56). Во — вторых, вызванное этими различиями в алфавитах отсутствие унифицированных пишущих машинок и типографского оборудования приводит к тому, что печатание текста на каком — либо языке возможно только в той республике или области, где распространен этот язык.

Второй, главный недостаток нынешних алфавитов состоит в обозначении одной фонемы сочетанием нескольких букв. Например, в некоторых северокавказских алфавитах количество сочетаемых букв доходит до четырех, в адыгейском и кабардино — черкесском алфавитах обычны трехбуквенные обозначения фонем. В лезгинском алфавите из 42 — х фонем 32 выражаются двухбуквенными сочетаниями, а 8 фонем — сочетанием трех букв. В аварском алфавите имеется 13 двухбуквенных и четыре четырехбуквенных сочетания. То же самое происходит в чеченском, абазинском, др. северокавказских языках.

Такая бездумная система изображения фонем бук —

восочетаниями наносит огромный материальный вред издательскому делу. Хакасские языковеды подсчитали, рассказывает Мусаев, что только употребление сочетания твердого знака со знаком Н (НЪ), обозначающего одну фонему, увеличивает размеры текста на 10 процентов, таким образом, в книге, объемом в 10 печатных листов, твердый знак занимает один лист... «А сколько листов составляет дополнительные знаки северокавказских языков, где двубуквенные и трехбуквенные знаки являются нормой?!» — спрашивает Мусаев. Кроме того, эти буквосочетания сильно осложняют процесс школьного обучения не только родным языкам, но и русскому.

Автор указывает и на такие недостатки, как обозначение одной буквой нескольких фонем или употребление одного знака в различных функциях (кабардино-черкесском, казахском, каракалпакском языках); включение в алфавиты на русской графической основе букв других алфавитов, главным образом латинского; графическое несовершенство некоторых букв, а также наличие многочисленных надбуквенных знаков; отсутствие единого образа в расположении букв в алфавите и т.д.

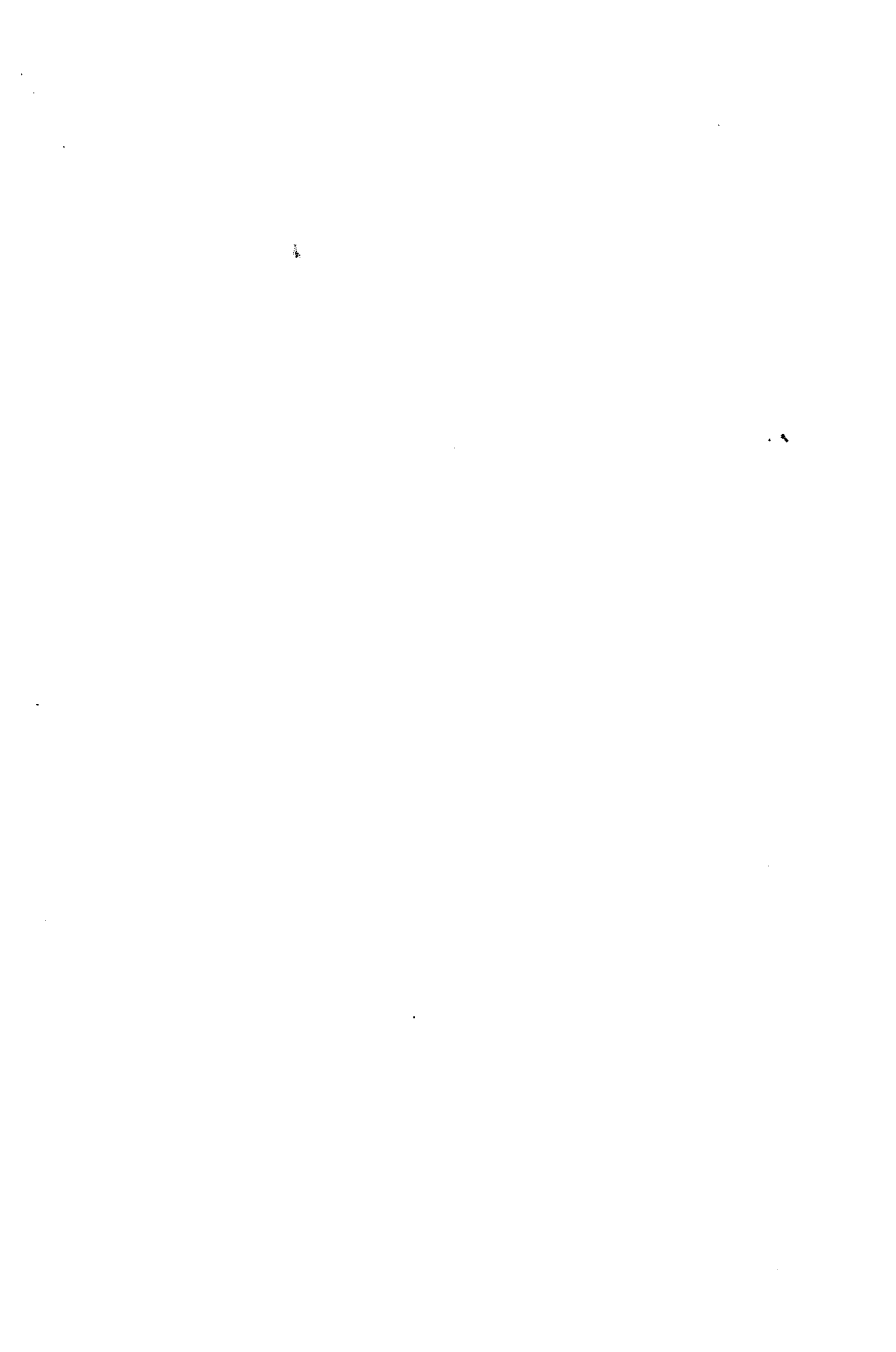
Как видим, принудительное введение русского алфавита взамен латинского, привело письменности тюркских и других народов к таким результатам, которые противоречат элементарным требованиям современной полиграфии и педагогики, что сильно задерживает развитие письменной формы литературных языков и школьное обучение.

Но зато политика Кремля в области письменности, направленная на разъединение народов родственных культур и общих национально — политических стремлений, дает свои плоды. Мусульманские народы, веками пользовавшиеся арабским алфавитом, а затем унифицированными латинскими алфавитами, теперь вынуждены употреблять свыше 30 разных алфавитов на основе русской графики. Так, например, тюркские народы ныне имеют 20 различных алфавитов, как — то: азербайджанский, алтайский, балкарский, башкирский, гагаузский, казахский, каракалпакский, карачаевский, киргизский,

крымско-татарский, кумыкский, ногайский, тувинский, туркменский, узбекский, уйгурский, хакасский, чувашский и якутский. А северокавказские, т.е., собственно кавказские языки, имеющие тождественный фонемный состав, пользовавшиеся унифицированным латинским алфавитом, теперь вынуждены употреблять десять различных алфавитов. Это — абазинский, аварский, адыгейский, ингушский, кабардино-черкесский, лакский, лезгинский, табасаранский, чеченский языки.

Словом, классический принцип завоевателей: «разделяй и властвуй» проводится и в области письменности.

Вы слушали продолжение нашей серии бесед о Советской политике в области национальной школы и письменности.

*А.Коваленко, доктор
юридических наук, профессор*

ПРАВОВАЯ ЭКСПЕРТИЗА

опроса населения Карачаево-Черкесской Республики по вопросу о сохранении единой Карачаево-Черкесской ССР в составе Российской Федерации и способа реализации права Карачаевского народа на самоопределение

Решение вопросов, связанных со способом существования народов, должно основываться прежде всего на международных актах, закрепляющих принцип их самоопределения. В частности, одним из таких актов является международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, принятый на XXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 г. и ратифицированный Президиумом Верховного Совета СССР 18 сентября 1973 г. В соответствии с ним "Все народы имеют право на самоопределение" и "в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие" (статья 1).

Как известно, карачаевский народ в 1926 году самоопределился в форме Карачаевской автономной области, что было закреплено юридически постановлением ВЦИК РСФСР 26 апреля 1926 года.

2 ноября 1943 года Карачаевская автономная область была незаконно упразднена, а ее народ подвергся депортации.

Прекращение политики произвола и беззакония, практиковавшейся на государственном уровне по отношению к карачаевскому народу ознаменовалось изданием в январе 1957 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР "О преобразовании Черкесской автономной

ной области в Карачаево — Черкесскую автономную область".

Однако он оказался насквозь противоречивым и в правовом отношении несостоятельным. И прежде всего потому, что пунктом 1 Указа предусматривалось восстание национальной автономии карачаевского народа, которое так и не состоялось. А пунктом 2 предусматривалось "рекомендовать Президиуму Верховного Совета РСФСР рассмотреть вопрос о преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево — Черкесскую автономную область..."

В итоге получилось, что несозданная Карачаевская автономная область была преобразована в Карачаево — Черкесскую автономную область путем объединения с Черкесской автономной областью.

К тому же решение подобного вопроса могло быть осуществлено лишь на основе волеизъявления карачаевского и черкесского народов, а не рекомендации со стороны Президиума Верховного Совета СССР.

Стало быть, создание Карачаево — Черкесской автономной области в 1957 году с самого начала было незаконным и алогичным.

С принятием Закона РСФСР "О реабилитации репрессированных народов" 26 апреля 1991 года карачаевский народ получил реальную возможность восстановления исторической справедливости по отношению к нему. Речь идет прежде всего о восстановлении его автономной области. Это вытекает из содержания статьи 3 Закона, в соответствии с которой "реабилитация репрессированных народов означает признание и осуществление их права на восстановление территориальной целостности, существовавшей до антиконституционной политики насильственного перекраивания границ, на восстановление национально — государственных образований, сложившихся до их упразднения..."

Как видим, указанная статья не предусматривает какого — либо волевого подтверждения со стороны репрессированных народов на восстановление их национально — государственных образований, а указывает на необходимость признания и осуществления этого права.

Лишь статья 6 Закона предполагает учет волеизъявления указанных народов. Но здесь речь идет не о национально — государственных образованиях, а только о восстановлении национально — территориальных границ, существовавших до их антиконституционного насильственного изменения. Короче говоря, указанная статья касается территориальной реабилитации репрессированных народов, т.е. возвращения под их юрисдикцию ранее принадлежавших им земель.

Таким образом, в соответствии с Законом РСФСР от 26 апреля 1991 года "О реабилитации репрессированных народов" должна быть восстановлена национальная государственность карачаевского народа.

Что же касается опроса населения Карачаево — Черкесской Республики по вопросу о сохранении единой Карачаево — Черкесской ССР, то он не согласуется ни с правовыми, ни с национально — специфическими факторами существования народов, населяющих территорию республики.

Во-первых, такая постановка вопроса неправомерна хотя бы уже потому, что недопустимо вести речь о сохранении политического образования, которое было создано в нарушение действовавшего в то время законодательства. Главное здесь заключается в том, что объединение Карачаевской и Черкесской автономных областей в 1957 году в единую автономную область было юридически фиктивным, т.к. Карачаевская автономная область, несмотря на предписание Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года, так и не была восстановлена. Никто народы (карачаевский и черкесский) не спрашивал, а желают ли они этого. Все было сделано по "рекомендации" Президиума Верховного Совета СССР, а не на основе волеизъявления указанных народов.

Во-вторых, сам способ опроса не соотнобразовывается с правом народов на самоопределение. Ведь осуществление этого права — собственное дело того или иного народа, которое не должно связываться с волей других народов. Иначе говоря, каждый из народов принимает автономное решение относительно своего политического бытия.

В Карачаево — Черкесской же республике опрос был проведен без учета национально — специфического фактора, т.е. поголовно среди всего населения. Национальная принадлежность в данном случае не принималась в расчет. А это — грубое нарушение права народов на самоопределение. Если бы проведенный опрос и имел бы какую — то юридическую значимость, то следовало провести раздельное голосование среди карачаевцев и черкесов, ибо речь шла о волеизъявлении двух народов. И только на таком основании можно было бы делать соответствующие выводы.

Инициаторы опроса проигнорировали тот факт, что если практиковать опрос в подобной форме, то малочисленные народы, не составляющие большинства населения в местах их традиционного проживания, лишены возможности реализовать свое право на самоопределение. Они же окажутся в меньшинстве в общей массе населения.

Этим и объясняется, почему право народов на самоопределение означает учет именно их воли, выявляемой путем проведения национального референдума, а не путем суммирования общего количества голосов избирателей.

Попытка же проведения общереспубликанского опроса без разграничения народов по национальному признаку является демагогической уловкой, фальсифицирующей голосование и его результаты.

Надо отметить, что и арифметика подсчета голосов в результате проведения всеобщего опроса населения Карачаево — Черкесской Республики не выдерживает критики. Взять хотя бы такие факты. В Малокарачаевском районе в список для голосования было внесено 22.476 человек, а приняли участие в голосовании лишь половина, т.е. 11.690. И на основании того, что "за" проголосовало 11.159 граждан делается вывод о том, что 95,4 процента высказалось в пользу единой Карачаево — Черкесской Республики. Аналогичным образом дело обстоит и с голосованием в г.Черкесске. В список для опроса было внесено 80 869 человек, а приняли участие в нем лишь 47 981 человек. Еще более поразительным

было голосование в г.Карачаевске. Общее количество избирателей в нем составляет 21 832, а в списки для голосования было внесено 4 847 граждан. Приняло же участие в голосовании всего 3 859 человек, т.е. лишь 20% общего числа всех избирателей. А ведь здесь проживает значительная часть карачаевского народа. Вот и спрашивается: как можно всерьез принимать подобное голосование, когда решается вопрос чрезвычайной важности: о политическом статусе карачаевского народа.

В-третьих, юридически несостоятельна и форма — лировка вопроса в бюллетене для голосования. Она, как известно, сводится к следующему: "Согласны ли Вы при полной реализации Закона "О реабилитации репрессированных народов" сохранить единую Карачаево — Черкесскую ССР в составе Российской Федерации, образующую на принципах равноправия всех народов".

Инициаторы опроса явно проигнорировали одно принципиальное положение: когда речь идет о полной реализации указанного закона, то ко всему прочему, она предполагает "признание и осуществление их права на восстановление национально — государственных образований, сложившихся до их упразднения" (статья 3 Закона).

А осуществление такого права есть юридический процесс, который не требует его предварительной санкции. Оно должно быть реализовано в целях восстановления исторической справедливости.

Отсюда следует, что вначале необходимо восстановить национальную государственность карачаевского народа, а уж затем выяснять (путем референдума) желает ли он реформировать свой политический статус. В противном случае нельзя вести речь о полной реабилитации карачаевского народа.

В пользу своей национальной государственности неоднократно высказывался и карачаевский народ в лице своих представителей. Так, 4 октября 1989 года и 9 июня 1990 года состоялся I и II Съезды народов Карачая, которые заявили о необходимости восстановления своего национально — государственного образования.

12 ноября 1990 года было проведено совещание ру —

ководителей из числа лиц карачаевской национальности, которое приняло аналогичное решение. 17 ноября 1990 года прошел Съезд депутатов всех уровней Советов народных депутатов, на котором присутствовало 1 412 депутатов, представляющих интересы народов Карачая. Все они проголосовали за восстановление национальной государственности карачаевцев. В июне 1991 года был созван чрезвычайный Съезд народов Карачая, который периодически собирался на свои заседания в конце 1991 года и в начале 1992 года. Он однозначно высказался за скорейшее восстановление своей государственности. Решением сессии Карачаево — Черкесского областного Совета народных депутатов от 3 декабря 1991 года признана необходимость скорейшего восстановления государственности карачаевского народа в статусе республики в составе Российской Федерации.

Таким образом, и с данными обстоятельствами нельзя не считаться. Хотя для восстановления национальной государственности не требуется подобных подтверждений. Это вытекает прямо из содержания Закона РСФСР "О реабилитации репрессированных народов".

Все же иные суждения о необходимости сохранения единой, неделимой Карачаево — Черкесской Республики, недопустимости разделения ее на несколько частей, о якобы тяжелых последствиях национально — государственного разграничения карачаевского и черкесского народов не имеют юридической значимости. Любые же попытки препятствовать восстановлению исторической справедливости в отношении карачаевцев ведут к осложнению межнациональных взаимоотношений в этом регионе.

Государство обязано выполнить свой долг

**Интервью с доктором юридических наук
А.Коваленко**

Главный редактор газеты "Юйге Игилик" встретился с автором Закона Российской Федерации "О реабилитации репрессированных народов", доктором юридических наук А.Коваленко и обратился с просьбой ответить на ряд вопросов.

— Анатолий Ильич, разработка и принятие Закона Российской Федерации "О реабилитации репрессированных народов" вызвали национальную активность в регионах, пострадавших от сталинских репрессий и породили надежду на восстановление в кратчайшие исторические сроки справедливости в отношении репрессированных народов. Как с Вашей точки зрения "работает" разработанный Вами закон?

— Прежде всего хочу сделать одно уточнение. Немаловажную роль в разработке указанного закона сыграл депутат Верховного Совета Российской Федерации И.Костоев, который предоставил мне необходимые материалы, пояснял какое содержание должно быть вложено в те или иные положения закона и почему, поэтому я считаю, что он является его соавтором. А теперь по существу Вашего вопроса. Закон "работает" плохо. И дело не в самом законе, а в противодействии тех сил, которые всячески противятся его реализации. При этом они руководствуются различными соображениями. Но каковы бы они не были, они аморальны, ибо препятствуют восстановлению исторической справедливости в отношении жестоко пострадавших в годы сталинского режима народов. Я уверен, что, если бы они оказались на месте репрессированных, то заняли бы совершенно иную позицию.

— Как бы Вы могли прокомментировать интервью, данное заведующим отделом правовых проблем национально-государственных отношений Института зако-

ногательства и сравнительного правоведения, доктором юридических наук Б.Крыловым корреспонденту П.Семенченко и опубликованное в газете Карачаево—Черкесской ССР "День республики" 5 июня этого года? Я надеюсь Вы с ним ознакомились?

— Да, мне прислали из Карачаево—Черкесии эту газету. Ознакомившись с интервью, был крайне возмущен. В нем он пытается оспаривать право карачаевцев на самоопределение. Хотя ему, как никому, должно быть известно, что право на самоопределение — это их собственное право. И никто не вправе за них решать вопрос об их политическом статусе.

— Анатолий Ильич, и все же мне бы хотелось, чтобы Вы конкретизировали свою позицию по отношению к взглядам Б.Крылова. А чтобы нашим читателям была ясна суть проблемы, я, с Вашего позволения, сформулирую ряд вопросов, связанных с указанным интервью.

В нем, как известно, Б.Крылов утверждает, что "Любая вражда, а тем более разделение на новые государственные образования, наносит ущерб всем народам, лишает их привычных условий жизни". Что Вы можете сказать на этот счет?

— Б.Крылов, видимо, плохо знаком с содержанием Закона РФ "О реабилитации репрессированных народов". Если бы он заглянул в статью 3 Закона, то сделал бы для себя открытие, что "реабилитация репрессированных народов означает признание и осуществление их права на восстановление национально—государственных образований, сложившихся до их упразднения". Вот и спрашивается: причем здесь "разделение на новые государственные образования", когда речь идет о восстановлении некогда существовавшего национально—государственного образования карачаевского народа? А словочетание "привычные условия жизни" — просто фраза, лишенная реального смысла и содержания.

— В своем интервью Б.Крылов подвергает Вас критике за якобы некомпетентную правовую экспертизу, которую Вы сделали в отношении опроса населения относительно судьбы Карачаево—Черкесской Республики. Он, в частности, говорит, что его "удивляет появившиеся в

последнее время в средствах массовой информации ссылки на, так называемую, "правовую экспертизу". Мне лично кажется несостоятельной попытка принизить значение опроса. Тем более, что во время этого опроса карачаевцы еще раз подтвердили свое стремление к сохранению единой государственности в рамках Карачаево-Черкессии. Выражение воли народа прямо соответствует его праву на самоопределение". Как Вы можете прокомментировать это заявление?

— Видите ли, Борису Сергеевичу Крылову "кажется". А ведь юрист, да и к тому же доктор юридических наук, должен четко формулировать свою мысль и основы — ватысь только на нормативно — правовых актах.

А Закон РФ "О реабилитации репрессированных народов" вовсе не предлагает какой — либо предварительной санкции (даже в форме референдума) на восстановление национально — государственного образования репрессированных народов. В законе прямо и недвусмысленно сказано, что "реабилитация репрессированных народов означает признание и осуществление их права на восстановление национально — государственных образований, сложившихся до их упразднения". Вот и спрашивается: причем здесь опрос?

К тому же, к сведению Б.Крылова, опрос юридически не предусмотрен действующим законодательством, а значит не имеет правовой значимости. Поэтому "принизить значение опроса" или возвысить — это не относится к правовой стороне дела.

Довольно смехотворным выглядит утверждение Б.Крылова, что в этом опросе выражено право карачаевского народа на самоопределение. Я не касаюсь вопроса о том, сколько граждан республики участвовали в голосовании и были ли фальсифицированы результаты опроса. Скажу одно: как можно утверждать, что опрос, а вернее его результаты, соответствуют праву карачаевского народа на самоопределение, если он проводился поголовно, без учета национальной принадлежности граждан. Представьте себе, если бы скажем, проводился референдум в Башкортостане по вопросу о сохранении или упразднении там республики и принимались во

внимание результаты всеобщего голосования. Поскольку башкиры составляют абсолютное меньшинство к общей численности населения, то результаты могли бы оказаться не в пользу их. Разве можно в этом случае утверждать, что такой референдум соответствует праву башкирского народа на самоопределение? Достаточно так сформулировать вопрос, чтобы убедиться в беспочвенности позиции Б.Крылова.

— Борис Сергеевич в своем интервью заявляет, что "несостоятельным выглядит утверждение автора "Правовой экспертизы" о противоречиях в Указе Верховного Совета о преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область (1957г.). И далее, как утверждает он "в Указе ясно выражена мысль о праве карачаевцев — свободно решать свою судьбу". Что Вы можете сказать по этому поводу?

— Такое заявление Б.Крылова только свидетельствует о том, что он вообще не знаком с этим Указом, иначе не допускал бы столь опрометчивых высказываний.

К сведению Крылова, в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 г. (N 149/12) ничего не сказано "о праве карачаевцев — свободно решать свою судьбу". В нем — (пункт 1) — прямо предписывается: "Признать необходимым восстановить национальную автономию карачаевского народа". Иначе говоря, Указом предусматривалось образование незаконно упраздненной в сталинскую эпоху Карачаевской автономии.

Была ли она восстановлена? Нет, не была. Об этом видимо до сих пор не знает Крылов. Причем никто не вспомнил о праве карачаевского народа на самоопределение.

Об этом красноречиво свидетельствует и пункт 2 Указа, в котором рекомендовалось "Президиуму Верховного Совета РСФСР рассмотреть вопрос о преобразовании Черкесской области в Карачаево — Черкесскую автономную область".

Во-первых, как можно давать подобные рекомендации, не считаясь с волеизъявлением карачаевского и черкесского народов.

Во-вторых, вторым пунктом Указа уже упразднялась

предусмотренная первым пунктом автономия карачаевцев. И в этом Б.Крылов не усматривает противоречие Указа. Удивительная "принципиальность" доктора юридических наук.

А практика реализации указанного акта оказалась более чем странной. Поскольку автономия карачаевцев так и не была восстановлена, то фактически получилось, что территория карачаевского народа просто была включена в состав Черкесской области, а сама эта область была переименована в Карачаево — Черкесскую: Вот вам и право народов на самоопределение в официальном варианте. И после всего этого, Б.Крылов берет на себя смелость рассуждать "о праве карачаевцев — свободно решать свою судьбу". Что может быть более кощунственнее?

— И наконец, Анатолий Ильич, последний, может быть, не очень для Вас приятный вопрос. В своем интервью Борис Сергеевич упрекает Вас в том, что Вы подписались под правовой экспертизой как член Консультативно-экспертного Совета Комиссии Верховного Совета Российской Федерации по репрессированным и депортированным народам. А такой Совет, по его словам, еще не утвержден. Вот что он по этому поводу заявил: "Только на прошлой неделе на заседании Комиссии по репрессированным и депортированным народам Совета Национальностей Верховного Совета Российской Федерации был утвержден председатель комиссии, которому, в данном случае мне, предстоит предложить состав совета..." Как Вы прокомментируете это заявление?

— О том, что я являюсь членом этого совета меня известил депутат Верховного Совета, член Комиссии по депортированным и репрессированным народам И.Костоев. К тому же в отделе Верховного Совета РФ, занимающегося проблемами этих народов, мне показали список членов совета, где значилась и моя фамилия.

Но дело даже не в этом. Меня удивляет с каким самодовольством Б.Крылов рекламирует себя в качестве председателя совета, которому де "предстоит предложить состав совета". Через Вашу газету я бы хотел задать

ему вопрос: а где он был, когда разрабатывался Закон "О реабилитации репрессированных народов?" Не имея к нему никакого отношения, он еще поучает, как его понимать.

К тому же он берет на себя смелость возглавлять совет по репрессированным и депортированным народам, не включая в него разработчика этого закона. Это в духе научной номенклатуры.

Я обойдусь без указанного Совета, но, как автор Закона Российской Федерации "О реабилитации репрессированных народов", буду решительно отстаивать интересы этих народов, вопреки всяким номенклатурным игрищам.

Три статьи профессора А.И.Коваленко в защиту справедливости

1. Антиреабилитационные настроения министра юстиции

Обсуждая сложившееся положение с реализацией Закона РФ "О реабилитации репрессированных народов" на территории Карачаево — Черкесии, мне было небезынтересно ознакомиться с трактовкой этого закона министром юстиции Российской Федерации Н.Федоровым. Такой интерес обусловлен двумя обстоятельствами. *Во-первых*, мне как разработчику указанного закона важно было выяснить позицию министра юстиции относительно правового содержания его основополагающих статей. *Во-вторых*, как известно, Н.Федоров возглавляет правительственную комиссию по реализации Закона "О реабилитации репрессированных народов" на территории Карачаево — Черкесской республики, т.е. является главным действующим лицом в этом отношении.

Его выступление в марте с.г. на встрече с руководителями общественных объединений в г.Черкесске по инициативе главы администрации КЧССР В.Хубиева, является образцом антиреабилитационной трактовки указанного Закона. Вкладывая в него произвольное содержание, он по сути выхолащивает его смысл и характер. При этом министр юстиции оказывается не в ладу с правовыми понятиями.

В начале своего выступления он уверяет присутствующих, что необходимо обеспечить полную реабилитацию репрессированных народов и что это является для руководителей Российской Федерации "нравственным, человеческим, политическим и профессиональным долгом, обязанностью, жизненным долгом". Но дальнейшие его слова заставляют усомниться в искренности его позиции.

Сводя проблему реабилитации репрессированных

народов к процедуре реализации закона, Н.Федоров совершает явный подлог. Но при этом он со всей категоричностью заявляет, что "по вопросу о процедуре реализации "Закона о реабилитации" надо действовать по Закону и исключительно по Закону". Но дальнейшие его рассуждения, пояснения иначе как издевательством над Законом не назовешь.

В начале он воспроизвел содержание статьи 3 Закона в той части, которая предписывает, что "в процессе реабилитации репрессированных народов не должны ущемляться и права и законные интересы граждан, проживающих в настоящее время на территориях репрессированных народов". При этом министр не удержался от нравоучений относительно "правильного" понимания Закона. Он, в частности, заявил, что "закон надо воспринимать в целом, а не только те статьи, которые нравятся или понятны".

Призывая "воспринимать закон в целом", Н.Федоров почему-то акцентировал свое внимание на отдельных его фрагментах. Взять хотя-бы статью 3 Закона. Воспроизведя его последний абзац, он сопровождал его комментариями о необходимости предоставления полных юридических, политических и человеческих гарантий некоренным народам. Помимо всего прочего, министр юстиции "обогащает" юриспруденцию, вводя новое понятие "человеческие гарантии". Но главное заключается в том, что он "забыл" первый абзац указанной статьи, согласно которому "реабилитация репрессированных народов означает признание и осуществление их права на восстановление национально-государственных образований, сложившихся до их упразднения". Столь выборочный подход к статье 3 Закона свидетельствует только о том, что Н.Федоров стремится уйти от проблемы возвращения карачаевскому народу его государственности. Отсюда и его манипуляции с Законом.

Как неискренен был Н.Федоров с представителями общественных объединений, разительно показывает, между прочим, его трактовка статьи 6 Закона "О реабилитации репрессированных народов". Преднамеренно умалчивая тот факт, что в ней идет речь исключи-

тельно о территориальной реабилитации, он пытается подвести под нее и политическую реабилитацию, т.е. восстановление национально — государственных образований репрессированных народов. Скороговоркой воспроизведя ее содержание (опять же фрагментарно), Н.Федоров делает "открытие": "В процедуру полной реабилитации входит проведение или референдума или опроса по определению воли народов, живущих на этих территориях. Это одновременно входит в процедуру реализации Закона о реабилитации. Это элементарное, но необходимое разъяснение для того, чтобы Закон не трактовался искаженно, чтобы не уродовали содержание Закона".

Так вот, чтобы читатель не пребывал в заблуждении относительного "элементарного разъяснения", даваемого Н.Федоровым, воспроизведем текстуальное содержание статьи 6 Закона. "Территориальная реабилитация репрессированных народов, — гласит она, — предусматривает осуществление на основе их волеизъявления правовых и организационных мероприятий по восстановлению национально — территориальных границ, существовавших до их антиконституционного насильственного изменения".

Как видим, министр сам нуждается в разъяснении для него указанной статьи Закона.

Во-первых, под территориальной реабилитацией понимается возвращение репрессированным народам их земель, незаконно отторгнутых в годы сталинского режима. Решение этой проблемы осуществляется на основе их волеизъявления. Вот и спрашивается, причем здесь карачаевский народ, когда у него нет никаких территориальных претензий к сопредельным республикам и народам? Поэтому ссылка Н.Федорова на необходимость проведения референдума или опроса по вопросу о восстановлении национальной государственности репрессированных народов просто недобросовестна. Более того, Н.Федорову следовало бы не забывать предписание статьи 3 Закона, которая без всяких предварительных оговорок и условий требует "признание и осуществление их права на восстановление наци —

онально — государственных образований, сложившихся до их упразднения". Но он, видимо, решил обогатить Закон своими домыслами и соображениями, обставляя возвращение репрессированным народам их национально — государственных образований референдумом или опросом. И все это выдается за правильное понимание Закона.

Во-вторых, Н.Федоров, увязывая решение вопроса о восстановлении национальной государственности карачаевского народа с проведением референдума или опроса по определению воли всех народов, проживающих в Карачаево — Черкесии, проявляет тем самым элементарное правовое невежество. При чем здесь другие народы, когда речь идет о судьбе карачаевцев, о восстановлении по отношению к ним исторической справедливости? К тому же, министру следовало бы знать, что в силу Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах "все народы имеют право на самоопределение" и "в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус". А стало быть, никто не вправе вмешиваться в их самоопределение. Карачаевский же народ окончательно самоопределился еще в 1926 году в форме автономии, которая в 1943 году была незаконно упразднена. Поэтому Законом РФ "О реабилитации репрессированных народов" и предусмотрена его политическая реабилитация, которая не нуждается ни в каком подтверждении. Н.Федоров же все время рассуждает так, как будто бы речь идет не о возвращении национально — государственного образования карачаевскому народу, а просто о дальнейшей судьбе Карачаево — Черкесии, народы которого якобы должны самоопределиться. Вот его собственные слова: "судьбу народов Карачаево — Черкесии, в соответствии с Законом о реабилитации (!!) должны решить сами народы Карачаево — Черкесии. Для этого предусмотрен институт свободного волеизъявления и этот принцип надо осуществлять".

Здесь налицо смещение понятий, т.е. принятие одного за другого. И, вообще, понимает ли министр, о чем говорит? Какое отношение имеет Закон РФ "О реابي —

литации репрессированных народов" к самоопределению других народов? Уже одно его название свидетельствует о том, что он имеет своей целью лишь реабилитацию репрессированных народов, т.е. восстановление в отношении их исторической справедливости. И было бы нелепо и безнравственно ставить эту реабилитацию в зависимость от результатов опроса, да к тому же еще и нерепрессированных народов Карачаево — Черкесии, как это делает Н.Федоров. Что это: элементарное непонимание, или преднамеренное игнорирование сути и содержания Закона?

Цепляясь за опрос, Н.Федоров окончательно запутывает проблему политической реабилитации карачаевского народа тем, что искусственно увязывает ее с возможностью образования на территории Карачаево — Черкесии национально — государственных образований абазин, казаков, ногайцев. При чем здесь другие народы, когда речь идет исключительно о восстановлении исторической справедливости в отношении карачаевцев, т.е. возвращении им их национальной государственности. И здесь не может быть альтернативы. Разве можно оспаривать необходимость восстановления исторической справедливости в отношении жестоко пострадавшего в годы сталинизма народа? По Н.Федорову получается, что можно.

Да и самоопределение в его понимании не выдерживает никакой критики. Он считает вполне допустимым, чтобы оно решалось на основе опроса, не предусмотренного законодательством, да к тому же путем суммирования общих результатов опрашиваемых, т.е. без учета их национальной принадлежности. Самоопределение же (буквально: сам определяю) означает, что каждый народ в отдельности и независимо от других народов решает вопрос о политической форме своего существования.

Довольно односторонней является позиция Н.Федорова по вопросу о сохранении Карачаево — Черкесии. Это единство оно мыслит только в форме безгосударственного существования карачаевского и черкесского народов в рамках ныне существующей республики. А почему такое единство не может возникнуть на базе

национально — государственных образований этих народов? Разве существующие в Российской Федерации национальные республики не образуют тесного единства между собой? Ведь всем очевидно, что восстановление национальной государственности карачаевского народа вовсе не выводит ее за рамки Российской Федерации.

И в заключении остается еще отметить лишь то, что подобная трактовка Закона РФ "О реабилитации репрессированных народов", которую дает Н.Федоров, только нагнетает, а отнюдь не разрешает межнациональных противоречий в Российском многонациональном государстве.

2. О мнимых и действительных защитниках карачаевского народа.

То, что в Карачаево — Черкесии противники реабилитации карачаевского народа активизировали свою деструктивную деятельность, особенно после очередного заседания Чрезвычайного съезда карачаевского народа, состоявшегося 25 июля с.г. (ред. 1992г.) в г. Карачаевске, доказывать нет нужды. Достаточно просмотреть публикации в газете Карачаево — Черкесской ССР "День республики" за август месяц. И это понятно, ибо его заседание вызвало большой общественно — политический резонанс в республике. Ведь очевидно, когда предметом обсуждения является вопрос о немедленном и безусловном восстановлении национально — государственного образования карачаевцев, общественность КЧССР не может оставаться безучастной. Ну, а когда Чрезвычайный съезд карачаевского народа решительно заявил: что народ больше не потерпит аппаратных игр и будет бороться за реализацию Закона РФ "О реабилитации репрессированных народов" на территории Карачаево — Черкесии, то его непримиримые оппоненты всполошились.

Ни для кого не является секретом, что могущественные силы, препятствующие восстановлению истори —

ческой справедливости в отношении карачаевцев, поставлены властными структурами и сомкнувшимися с их антиреабилитационной позицией различного рода общественными объединениями. Причем им свойственен обычный для них "разоблачительный" тон и типичный для номенклатуры набор неблагоприятных приемов — без фактов, аргументов и доказательств.

Взять хотя бы заявление Совета общества "Джамагъат" (* Общество "Джамагъат" во главе с Урусовым А.Г. борется против восстановления государственности карачаевского народа. Просим его не путать с демократической организацией "Джамагъат".) Этот "документ", опубликованный в газете "День республики" от 7 августа 1992 года, под грифом "официально", и содержащий злобные нападки на "Национальный Совет Карачая" и "Демократическую организацию "Джамагъат", вызывает одновременно и недоумение и возмущение.

Недоумение — потому, что утверждение Совета общества "Джамагъат" явно свидетельствует о том, что его членам присуща правовая неграмотность. Возмущение — потому, что в его заявлении передергиваются факты, преднамеренно искажается процедура проведения и характер состоявшегося съезда. К тому же ими еще и провоцируются властные структуры Карачаево — Черкесии на принятие более жестких мер в отношении "Общенационального Совета Карачая" и "Демократической организации "Джамагъат".

Остановимся на наиболее явных правовых просчетах, которые допускает Совет общества "Джамагъат".

Без тени сомнения он выдвигает следующие обвинения — доводы по дискредитации Чрезвычайного съезда карачаевского народа:

- мероприятие под названием "съезд" в своей основе противоречит волеизъявлению карачаевского и других народов Карачаево — Черкесии, выраженному на всенародном опросе и подтвержденному в статье 71 Конституции Российской Федерации;

- проведение "съезда" неправомерно, так как не согласовано с местными органами власти;

- в голосовании участвовало 34 человека с "манда —

тами", якобы представлявшие интересы народов "Карачая".

Печально, но именно с этой правовой точки зрения, наиболее слабые доводы, обусловленные незнанием законодательства членами Совета и положены в основу обвинения организаторов съезда карачаевцев.

Смысл таких "аргументов" вполне ясен: накануне кампании по формированию Верховного Совета КЧССР необходимо любой ценой изыскать правовое основание для разгона "Общенационального Совета Карачая", "Демократической организации "Джамагъат".

Правовая же несостоятельность приведенных Советом общества "Джамагъат" обвинений — доводов сводится к следующему:

К сведению членов Совета общества "Джамагъат", в г. Карачаевске состоялся не "съезд" народов Карачая, а очередное заседание Чрезвычайного съезда карачаевского народа. Вот и спрашивается, причем здесь волеизъявление народов Карачаево — Черкесии, когда речь шла на указанном съезде о восстановлении национально — государственного образования карачаевского народа?!

Это собственное дело карачаевцев, вытекающее из их права на самоопределение и к тому же из содержания статьи 3 Закона РФ "О реабилитации репрессированных народов". Воинственному Совету, видимо, это неизвестно. Подобная претензия, предъявляемая им, равносильна тому, как если бы кто — то решал свои семейные проблемы, а его обвинили в том, что он проигнорировал мнение соседей.

В своих доводах против реабилитационной деятельности указанных объединений, Совет общества "Джамагъат" использует в качестве отправного пункта результаты опроса. Но ему бы следовало бы помнить, как звучал вопрос в бюллетене и сделать из этого соответствующие выводы. А он был сформулирован так: "Согласны ли Вы при полной реализации закона "О реабилитации репрессированных народов" сохранить единую Карачаево — Черкесскую ССР в составе Российской Федерации, образованную на принципах равноправия всех народов?"

А что такое "полная реализация" указанного Закона?

Ведь это, помимо всего прочего и восстановление в соответствии с его 3 статьей национально — государственных образований репрессированных народов. Вот и получается, что Совет общества "Джамагъат", вопреки своей воле, (отстаивая результаты опроса), неизбежно признает (хотя и не осознает) необходимость восстания национальной государственности карачаевцев. Но в качестве поборника "единой Карачаево — Черкесской ССР", он в то же время против этого, ибо такая позиция сама по себе исключает возвращение карачаевцам их национально — государственного образования. Как видим, сколько — нибудь разумной связи между первой и второй частью вопроса, поставленного на голосование, нет. Стало быть, Совет Общества "Джамагъат", как впрочем и все приверженцы "единой и неделимой" Карачаево — Черкесии, одновременно оказались на двух взаимоисключающих позициях. И здесь никакими словесными ухищрениями ни обойти, ни преодолеть это противоречие. Вот почему смешна и бессмысленна их слепая приверженность к результатам указанного опроса. Ибо, исходя из содержания первой части вопроса можно сделать только один вывод: все население КЧССР высказалось за полную реабилитацию карачаевского народа, а следовательно, и за восстановление его национальной государственности. Как не крутись, а факт остается фактом. Вот это и проглядели инициаторы опроса.

Но столь бесспорен и другой факт. С сугубо юридической точки зрения ссылка членов Совета общества "Джамагъат" на результаты "всенародного опроса" просто неуместна, т.к. он не имеет правовой значимости в силу того, что не предусмотрен действующим законодательством. Выдать же опрос за референдум, как это делает Председатель Областного Совета В.Савельев, по меньшей мере невежественно, ибо в республике еще нет своего закона о референдуме, а общероссийский предусматривает его проведение только в масштабах всей федерации.

Помимо всего изложенного, приверженцам опроса

следовало бы также знать, что недопустимо было его проводить без учета национальной принадлежности опрашиваемых.

Следовательно, члены Совета общества "Джамагъат" не поняли даже самого простого положения: коль речь идет о судьбе определенного народа, другие народы не вправе решать его судьбу путем ли их опроса или референдума.

И наконец, абсолютно беспочвенна ссылка его членов на статью 71 Конституции Российской Федерации, кото — рая перечисляет республики, входящие в состав Федерации. От того, что в ней значится Карачаево — Черкесская республика, равным счетом ничего не меняется, ибо ее появление (в результате появления автономной области), не увязывалось с волеизъявлением карачаевского и черкесского народов. А сделано было это механически.

Здесь мы снова видим, как ребячески слаб, беспомощен и бессодержателен в своих напаках на съезд Совет общества "Джамагъат".

А что такое "проведение "съезда" неправомерно, так как не согласовано с местными органами власти"? Подобное обвинение проистекает просто от правового невежества. Пусть столь "юридически подкованные" члены Совета укажут где, в какой статье закона "Об общественных объединениях" говорится о таком согласовании. Отсюда следует вывод, что функционеры общества "Джамагъат" даже не удосужились заглянуть в этот закон. Напротив, указанным законом предусмотрено, что "вмешательство государственных органов и должностных лиц в деятельность общественных организаций, равно как и вмешательство общественных объединений в деятельность государственных органов и должностных лиц не допускается" (ст.5 Закона). Попутно заметим, что такое вмешательство как раз и исходило от руководства Карачаево — Черкесии (и прежде всего от В.И.Хубиева), пытавшегося во что бы то ни стало сорвать съезд карачаевского народа. Помимо всего прочего, оно выразилось в его указаниях соответствующим должностным лицам не предоставлять "Общенациональному Совету Карачая" и "Демократической организации

"Джамагъат" помещения для проведения заседаний Чрезвычайного съезда карачаевского народа, в результате чего он проходил под открытым небом на центральной площади г. Карачаевска.

Удивляет и поражает своей бестактностью отсутствие на съезде (несмотря на официальное приглашение), представителей властных структур. Этим самым они в полной мере проявили и свое "гостеприимство" по отношению к присутствующему на съезде Президенту Чеченской республики Джохару Дудаеву.

Чего Совет общества "Джамагъат" не понимает, так это разницы между съездом общественного объединения и его очередным заседанием. Опираясь на эту путаницу, он обвиняет организаторов съезда в том, что его делегаты не избирались, а "мандаты вручались на месте устроителями "неустановленным лицам".

К сведения членов Совета общества "Джамагъат": очередное заседание съезда общественного объединения вовсе не предполагает формирование нового состава делегатов, подобно тому, как очередная сессия Совета народных депутатов отнюдь не предполагает переизбрание его депутатского корпуса. Делегаты же Чрезвычайного съезда карачаевского народа были избраны еще год назад.

И наконец, по меньшей мере несерьезно звучит утверждение столь "проницательного Совета" о вручении мандатов "случайным людям". Если бы дело обстояло таким образом, то активисты общества "Джамагъат" не преминули бы воспользоваться такой возможностью, чтобы оказаться среди "случайных лиц" с целью дискредитации съезда.

Применение аналогичного приема мы видим при фиксации Советом численного состава делегатов съезда. Как он уверяет, "в голосовании участвовало 34 человека с "мандатами", якобы представляющие интересы народов Карачая". По замыслу Совета общества "Джамагъат", это замечание должно было звучать как насмешка, но фактически оно же оборачивается против него же самого. В самом деле какой счетовод от данного общества умудрился насчитать такое количество делегатов, если

оно не было представлено на съезде, и если снятый на видео и киноленту материал свидетельствует совершенно об обратном. Я уже не ссылаюсь на очевидцев и на собственные впечатления.

Угождая руководству КЧССР, Совет общества "Джамагъат" насаждает подобные домыслы, чтобы преподнести своим могущественным покровителям приятные для них выводы.

Вообще невозможно отрицать, что такие наскоки на инициаторов съезда карачаевского народа в значительной мере обязаны своим происхождением тому, что функционеры Общества "Джамагъат" пресмыкаются перед властными структурами Карачаево — Черкесии, пытаются снискать их снисходительное одобрение.

И после всего этого, сей Совет берет на себя смелость заявлять, что "участники съезда предали интересы карачаевского народа". А не наоборот? Разве не Совет общества "Джамагъат" отказался от признания исторической правомерности и необходимости восстановления национально — государственного образования карачаевского народа, в то время как "участники съезда" еще раз подтвердили на нем свою решимость бороться за возвращение народу отобранной у него государственности?

Поэтому иначе как лицемерным не назовешь утверждение Совета о том, что "он выступает за последовательную реабилитацию карачаевского народа в соответствии с Законом Российской Федерации "О реабилитации репрессированных народов".

Что понимает Совет под "последовательной реабилитацией", сказать очень трудно, а для него самого даже невозможно.

Зато он прекрасно понимает, что делает, когда постановляет: "считать мероприятие, проведенное 25 июля 1992 г. в г. Карачаевске, не отражающим позицию карачаевского народа и не являющимся съездом".

Такая безапелляционная установка говорит только о том, как мало осознал Совет свой общественный статус. В самом деле, как, на каком основании он присваивает себе функции государственного органа?! Ему ведомек,

что одна общественная организация не вправе выносить вердикт о недействительности съезда, проведенного другой. Здесь налицо бессмыслица, ибо общественное объединение не обладает властными полномочиями, исполнение велений которых обязательно для всех.

К проанализированной установке примыкает еще следующая, согласно которой, действия "Национального Совета Карачая", "Демократической организации "Джамагъат" по созыву съезда объявляются сознательно провокацией, направленной на расшатывание стабильности многонациональной республики и нагнетание межнациональных отношений".

О каком "расшатывании стабильности многонациональной республики" может идти речь, если съезд карачаевского народа выступает за восстановление его государственного образования, предусмотренного статьей 3 Закона "О реабилитации репрессированных народов"? Достаточно так сформулировать вопрос, чтобы убедиться в недобросовестности руководства общества "Джамагъат".

Поистине возмутительной и провокационной является наигранная претензия Совета общества к председателю областного Совета народных депутатов и администрации КЧССР за "попустительство с их стороны" на "незаконные действия" руководителей указанных общественных формирований, которые "подменяют (!) законные органы власти на местах".

Ошибаетесь, если думаете, что заблуждаются товарищи из данного Совета. Напротив, они предпринимают все от них зависящее (вплоть до использования противоправных средств), чтобы свести на нет стремление "Национального Совета Карачая" и Демократической организации "Джамагъат" восстановить карачаевскую государственность.

Вообще постановка вопроса Советом общества "Джамагъат" невольно наводит на мысль о предварительном сговоре между ней и руководством Карачаево-Черкессии. Собственно, подобный прием широко практиковался в мрачные времена тоталитарного режима, когда власти были "вынуждены" реагировать на инспириро-

ванные ими же требования "трудящихся" о применении террора в отношении оклеветанных граждан.

Нелепым является и обвинение руководителей ука — занных организаций в том, что они "подменяют закон — ные органы власти на местах". Но в чем это выражается, проявляется — ответа, естественно, в заявлении Совета не находим. То, что фактически является тайной всего этого вздора, высвечивается в следующем его постанов — лении: "просить руководство КЧССР обсудить вопрос о прекращении незаконной деятельности "Общенацио — нального Совета Карачая", и "Демократической орга — низации "Джамагъат".

Итак, вот где зарыта собака! Оказывается, Совету общества попросту хочется прикрыть деятельность не устраивающих его организаций. А в чем, собственно, заключается их "незаконная деятельность", об этом — ни слова. Вот вам и политический плюрализм в понима — нии Совета, ревностно выполняющего заказ руковод — ства республики.

С откровенно антиреабилитационных позиций вы — ступает в газете "День республики" и депутат областного Совета А.Кубанов. Приведем лишь фрагмент из его заметки "Как проходила встреча с президентом Чечни" ("День республики", 1992, 7 августа).

"Мы хотим обратить внимание на то, — заявил А.Кубанов, обращаясь к Д.Дудаеву, — что карачаевский народ ведет длительную борьбу за свою полную реаби — литацию. В этом вопросе мы встречали много препятст — вий, однако после длительной конфронтации, попытки расчленения области на 5 национальных образований, нашим народам удалось преодолеть все трудности и прийти к выводу о сохранении единой Карачаево — Черкесской республики". И далее: "Иначе и трудно представить себе, как можно отделиться, если карача — евцы живут с русскими — казаками в каждом населенном пункте Прикубанского, Усть — Джегутинского, Зелен — чукского и Урупского районов, в городах и рабочих поселках. При такой смешанности народов в сложной ситуации было бы невозможно отделиться и создать свою республику".

Великолепное обоснование! Оно под стать школьнику.

Во-первых, напрасно А.Кубанов причисляет себя к сторонникам полной реабилитации карачаевского народа, ибо она предполагает, как мы указывали выше, и восстановление его государственного образования. А А.Кубанов с этим явно не согласен.

Во-вторых, ссылка "на предотвращение попытки расчленения области на 5 национальных образований", как на основание сохранения единой Карачаево — Черкесии, просто несерьезна, ибо субъектообразующими народами являются только карачаевский и черкесский. Мало ли кому что заблагорассудится.

Это равносильно тому, как если бы татары, русские, башкиры и другие национальности, проживающие в Удмуртии, потребовали бы расчленения республики на соответствующие национально — государственные образования на том основании, что им тоже хочется быть субъектообразующими образованиями. В таком случае исчезли бы все ныне существующие субъекты Российской Федерации.

В-третьих, А.Кубанову "трудно представить" как "можно отделиться" при "смешении народов". Да собственно, все процессы формирования ныне существующих национально — государственных образований в Российской Федерации происходили в условиях "смешанности народов". Пусть А.Кубанов пытается отыскать хоть одну национальную республику, население которой не было бы многонациональным. И смею заверить, это ему не удастся. Вот и спрашивается, почему государственность не может быть многонациональной и гарантировать равноправие всем национальностям, которые будут проживать на ее территории?! И незачем запугивать население КЧССР "отделением", если оно будет осуществлено в рамках Российской Федерации. Ведь, само собой разумеется, что границы между Карачаевской и Черкесской республиками не будут иметь такого значения, как между независимыми государствами.

К травле "Национального Совета Карачая" и "Демократической организации "Джамагъат" подключился

и прокурор Карачаево — Черкесии Ю. Лушников. В связи со состоявшимся Чрезвычайным съездом карачаевского народа он тут же отправляет в адрес председателя Общенационального Совета Карачая Батчаева Б.С. грозное предостережение о несвоевременном предоставлении прокуратуре и отделу юстиции документов и материалов съезда. И все это делается с оповещением населения в газете "День республики" за 8 августа с.г.

Подтекст документа очевидный: припугнуть руководство указанных организаций, заблокировать их деятельность с помощью всякого рода придилок.

А вот то, что в соответствии со ст.5 Закона "Об общественных объединениях" "государство обеспечивает соблюдение прав и законных интересов общественных объединений в соответствии с Конституцией гарантирует условия для выполнения ими уставных задач" прокурор КЧССР "начисто" забывает. Вместо того, чтобы сделать не одно представление в адрес тех, кто путем использования всевозможных средств, стремится парализовать уставную деятельность "Общенационального Совета Карачая" и "Демократической организации "Джамагъат", он и сам не прочь поиграть в аппаратные игры.

В этой связи выскажу одно сугубо личное мнение. На мой взгляд, в такой сложившейся обстановке Чрезвычайный съезд карачаевского народа не без основания принял решение обратиться в Конституционный суд Российской Федерации с ходатайством вынести решение о безусловной и полной реализации Закона "О реабилитации репрессированных народов". Тем более, что и в Верховном Совете РФ находятся лица, которые препятствуют этому процессу.

Хотя и обнадеживает заявление Председателя Комиссии Совета Национальностей Верховного Совета Российской Федерации по репрессированным народам А.Аникеева, в котором говорится, что "...обязаны твердо провести до конца процесс как политической реабилитации, так и восстановление их гражданских прав". И он абсолютно прав, когда отмечает, что "несвоевременность, безответственность в решении национальных во —

просов приводят к росту недоверия репрессированных и депортированных народов к правительству и Верховному Совету, нагнетанию межнациональной напряженности, ставится под сомнение жизненность только что заключенного Федеративного договора, возможность парламентского решения национальных проблем ("Российская газета", 1992, 4 августа).

И это, пока не поздно, прежде всего должны осознать властные структуры Карачаево — Черкесии. Карачаевский народ должен быть полностью реабилитирован. Другой альтернативы этому нет.

3. Закон категоричен: восстановить карачаевскую государственность!

Будучи приглашенным на Чрезвычайный съезд карачаевского народа, состоявшегося 25 июля с.г., я просмотрел республиканскую прессу по вопросу восстановления его национально — государственного образования. В моем поле зрения оказались газеты "День республики" и "Вестник Кавказа".

Судя по их высказываниям, судьба карачаевского народа должна основываться не на Законе Российской Федерации "О реабилитации репрессированных народов", предписывающего "признание и осуществление их права на восстановление национально — государственных образований, сложившихся до их упразднения", а на результатах опроса по вопросу о будущем устройстве Карачаево — Черкесии, проведенного 28 марта 1992 года.

Инициаторам опроса невдомек, что никуда не деться от того факта, что в отличие от Закона опрос не имеет юридической значимости, а обладает лишь социологическим содержанием (выяснение общественного мнения и только). К тому же им следовало бы знать, что выше — названным Законом не предусмотрено какое — либо подтверждение права репрессированных народов на восстановление их национально — государственных образований. Без каких — либо условий он обязывает вернуть этим народам незаконно отнятую у них наци —

ональную государственность. Это непосредственно от — носится и к карачаевскому народу, пострадавшему от сталинских репрессий.

Поэтому безусловно прав председатель Совета общественной организации черкесов "Адыге Хасэ" М.Психомыхов, когда заявил: "Мы не должны препятствовать делу реабилитации карачаевского народа" ("Вестник Кавказа", 1992, май).

Этого явно не хочет понять некто В.Панов, опубликовавший в "Вестнике Кавказа" свою заметку "Народы сказали — да!" В ней он победоносно извещает, что черкесская "Хасэ" с ее ортодоксальным руководителем М.Психомыховым потерпела полнейшее фиаско, ибо "целыми аулами, при почти стопроцентной явке на избирательные участки черкесы голосовали "За" единство республики, что равнозначно "Против" политиков из "Хасэ" ("Вестник Кавказа", 1992, май).

На основании сказанного можно судить о мудрости нашего восторженного оппонента. Его слова лишь свидетельствуют о том, что В.Панов ничего не понимает в освещаемой им проблеме и впадает в самую безотрадную путаницу. Он не сознает даже того, что руководство Карачаево — Черкесии преднамеренно смешивает два совершенно различных вопроса: один из них исключительно касается карачаевского народа, ибо речь идет о восстановлении его государственности. Вот и спрашивается: причем здесь черкесы?! Это собственное дело самих карачаевцев. Суть же второго — о единой республике. Но прежде чем ставить второй вопрос, надо предварительно снять первый: на основе Закона "О реабилитации репрессированных народов" вернуть карачаевцам незаконно отнятую у них государственность. А затем уже, исходя из права народов на самоопределение, позволить им самим решить, желают ли они вместе с другими народами осуществлять свою жизнедеятельность в рамках одной республики. Только совпадение их воли является основанием образования такой республики, подобно тому, как основанием заключения брака служит согласие каждой из сторон, вступающих в него.

В одном, сделанном В.Пановым замечании, — правда, это осталось неосознанным для автора, мы сталкиваемся с его сомнением относительно значимости опроса. Он, в частности, отмечает: "ведь не референдуму решать в конце концов судьбу автономии Карачая, а органам законодательной и исполнительной власти. Которая, разумеется, учтет результаты референдума" ("Вестник Кавказа", 1992, май).

Мы оставляем без внимания то обстоятельство, что В.Панов не отличает опрос от референдума, как впрочем и руководство Карачаево — Черкесии. Пусть это будет на их совести. Но нам очевидно, что в этой фразе содержится, в сущности, тот же фокус: восстановление нации — официально — государственного образования карачаевского народа, если и не зависит от результатов опроса, то наверняка зависит от некоторых органов законодательной и представительной власти. Получается, что народ здесь не причем. Его судьба — дело высочайших инстанций. В таком случае, как это увязать с правом на самоопределение, с Законом "О реабилитации репрессированных народов"? И почему непременно должны быть учтены результаты "референдума", а вернее опроса, если он не имеет юридической значимости, да ко всему еще проводился без учета национальной принадлежности опрашиваемых?! Достаточно так сформулировать вопросы, чтобы убедиться в полной несостоятельности позиции В.Панова. Здесь он весь перед нами, этот поборник единства народов. Может быть и не стоило столько внимания уделять его "глубокомысленным рассуждениям", если бы не одно обстоятельство. Его заметка — это своего рода социальный заказ руководителей Карачаево — Черкесии автору.

Занимаясь политическим интриганством, они пытаются ввести в заблуждение многонациональное население республики.

Эти хитрецы спланировали так: если провести тотальный опрос граждан КЧССР и обеспечить нужный им суммарный результат, то на этом основании можно и отказать карачаевцам в восстановлении их государственности. А то, что опрос не имеет правового значения,

не столь важно. Главное, сделать вид, что имеет. Именно эти соображения и определяют позицию руководства Карачаево — Черкесии. Здесь перед нами блестящий образец его иезуитских приемов.

Оно не считается даже с Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 года, согласно которому "все народы имеют право на самоопределение" и "в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус" (статья 1 Пакта).

Карачаевский народ, как известно, самоопределился еще в 1926 году и установил "свой политический статус" в форме автономной области. Но вследствие сталинских репрессий все это было предано забвению. Теперь же народу надо вернуть то, что ему по праву принадлежит. Но не тут — то было. В этом упорствует руководство республики, ссылаясь на итоги опроса. Это тот конек, на котором оно неумоимо разъезжает на гребне межна — национальных проблем. А ведь недавно оно занимало по карачаевскому вопросу позитивную позицию. Напомню ему, что еще "3 декабря 1991 года в г. Черкесске прошла внеочередная сессия Совета народных депутатов области. Был рассмотрен вопрос об общественно — политической ситуации в республике и практических мерах по реализации Закона "О реабилитации репрессированных народов". В принятом решении просят Верховный Совет РСФСР рассмотреть вопрос о полной реабилитации карачаевского народа и восстановить незаконно упраздненную Карачаевскую область в статусе Республики. Это фрагмент из "Материала к проекту Закона Российской Федерации", завизированное заместителем председателя Государственного комитета Российской Федерации по национальной политике В. Соболевым и опубликованного в газете "День республики" 3 марта 1992 года.

Как видим, руководство Карачаево — Черкесии в декабре 1991 года еще стояло на позиции безусловного восстановления национально — государственного образования карачаевского народа, не помышляя ни о каком опросе. За три последующих месяца его позиция в корне

изменилась. Теперь вопрос уже стоит так: никакой государственности карачаевцам. Во что бы то ни стало надо отстоять "единую и неделимую" Карачаево — Черкесию. Затевается фарс с укзанным опросом. Помимо всего прочего, в высшей степени нелепа и сама формулировка вопроса в бюллетене для опрашиваемых. Вот как она звучала: "Согласны ли Вы при полной реализации Закона "О реабилитации репрессированных народов" сохранить единую Карачаево — Черкесскую ССР в составе Российской Федерации, образованную на принципах равноправия всех народов?"

Здесь инициаторы опроса забыли даже то простое соображение, что если речь идет о полной реализации указанного Закона, то карачаевцам, в соответствии со статьей 3 Закона, надо возвращать их государственное образование. А стало быть неуместно было ставить вопрос о сохранении единой Карачаево — Черкесской ССР.

В этой формулировке содержится в сущности вся премудрость руководства республики, которое проглядело в ней явное противоречие.

Пытаясь опрокинуть правовую основу политической реабилитации карачаевского народа — восстановление его государственности — оно вовлекает в пропагандистскую кампанию "народного избранника", депутата Верховного Совета РФ А.Урусова. Изворачиваясь, сей депутат, да к тому же еще и карачаевец, заявил накануне опроса буквально следующее: "Я подтверждаю законность назначенного референдума. Я призываю карачаевцев и другие народы принять участие в нем и высказаться о будущем устройстве Карачаево — Черкесии. Да, в Законе "О реабилитации репрессированных народов" говорится о восстановлении утраченной ими государственности, но в том Законе есть и положение, при котором надо учитывать и нынешние реалии" ("Вестник Кавказа", 1992, май).

Полноте, уважаемый А.Урусов! Не надо лукавить. Как разработчик Закона, я утверждаю, что Вы преднамеренно вводите в заблуждение население республики. В этом не трудно убедиться, если обратиться к тексту

Закона, в котором нет абсолютно никаких положений, обставлявших какими — либо условиями восстановление национально — государственных образований репрессированных народов.

Полюбившаяся руководству Карачаево — Черкесии затея с опросом населения, нуждалась в авторитетном санкционировании сверху. И это понятно, чтобы дело предоставить таким образом, будто инициатива опроса исходила не от руководства Карачаево — Черкесии, а от высших должностных лиц Верховного Совета России.

И вот 12 февраля 1992 года появляется директивная записка первого заместителя председателя Верховного Совета Российской Федерации С.А.Филатова, адресованная Р.Г.Абдулатипову, А.В.Аникееву, С.А.Ковалеву, Г.С.Жукову, В.И.Брагину следующего содержания: "Прошу рассмотреть проекты Закона и Постановления Верховного Совета Российской Федерации по Карачаево — Черкесии. Предоставляется целесообразным решение по этому вопросу принять после получения результатов опроса населения" ("День республики", 1992, 3 марта).

Другими словами сей документ означает, что восстание карачаевской государственности ставится в зависимость от результата опроса всего многонационального населения КЧССР.

Если воспроизведенная директивная записка не являлась подложной, то остается только удивляться, как на уровне одного из высших должностных лиц российского парламента попирается Закон "О реабилитации репрессированных народов" и предается забвению право народов на самоопределение.

Неблаговидную позицию во всей этой непрглядной "истории" занимает председатель государственной комиссии по реализации Закона РФ "О реабилитации репрессированных народов" на территории Карачаево — Черкесии В.Федоров. Вместо того, чтобы следовать букве Закона и духу данного Закона, он вместе с руководством КЧССР всячески препятствует возвращению карачаевцам их национально — государственного образования.

Аргумент тот же — ссылка на результаты, не имею —

щего правовой значимости, опроса. Вот Вам и министр юстиции Российской Федерации.

Но особенно усердствует в этом отношении исполняющий обязанности главы администрации Карачаево — Черкесии В.И.Хубиев. В своем "Обращении" как главы администрации КЧССР, опубликованном в газете "День республики" 31 июля 1992 года, он заявил, что "мои позиции всегда были и остаются неизменными — сохранение единства республики, дружбы наших народов, мира и согласия между ними, обеспечения благополучия каждой семье". Свое "мои позиции" В.И.Хубиев продемонстрировал в полной мере. Это мы видим по всему характеру его деятельности (упорное навязывание населению республики опроса, давление на глав администраций на местах, преследование сторонников восстановления исторической справедливости в отношении карачаевского народа и т.п.). В арсенале его приемов и методы силового давления, которые в полной мере испытывали на себе жители Карачая. И все это прикрывается тем, что де "в чрезвычайно нервной общественно — политической ситуации", сложившейся в КЧССР, "необходимо было проявить твердость, мужество, принципиальность в отстаивании своего убеждения, своих позиций" (Из "Обращения главы администрации КЧССР", "День республики", 1992, 31 июля).

Вот и спрашивается: а кто создал такую "чрезвычайно нервную общественно — политическую ситуацию" в республике, как не само руководство Карачаево — Черкесии своей деструктивной политикой?

В.И.Хубиев может изворачиваться и изловчаться, как ему угодно. Но он не в силах опрокинуть правовую основу политической реабилитации карачаевского народа — статью 3 Закона "О реабилитации репрессированных народов" и придать правовую значимость проведённому, да к тому же еще и фальсифицированному опросу. Поэтому его заявление о том, что "за сохранении единой Карачаево — Черкесии ... высказалось большинство населения" глупо. Если эта, последняя, заключительная фраза из его "Обращения" и имеет какой-нибудь смысл, то он сводится только к тому, что глава

администрации Карачаево — Черкесии будет по — преж —
нему упорствовать в своей безрассудной политике.

Прикрываясь крикливой фразеологией, В.И.Хубиев заинтересован в том, чтобы скрыть неблагоприятные последствия восстановления карачаевской государственности для себя и для своих приспешников (потеря руководящих должностей, утрата привилегий и всевозможных льгот и преимуществ, извлекаемых из их нынешнего положения и т.п.) — с одной стороны; с другой стороны; чтобы выпячивать как можно активнее свои интернациональные намерения. В этом ключе и выдержана фраза, что де "не надо считаться со своим личным спокойствием и благополучием, а выше всего поставить коренные жизненные интересы наших народов". При помощи такой демагогии он пытается дезориентировать население республики относительно своих подлинных позиций и действительно интернационального способа решения межнациональных проблем в республике.

Чтобы окончательно заблокировать проблему восстановления национально — государственного образования карачаевского народа, руководство Карачаево — Черкесии решило прибегнуть к еще одной уловке: "узаконить" наряду с карачаевцами и черкесами в качестве субъектообразующих народов республики абазин, абазинцев и русских. Расчет прост. В результате проведения такой акции территория карачаевцев "расщепляется" на территориальные единицы "субъектообразующих народов", которые будут вправе ставить вопрос о своем политическом статусе". Да и в Верховном Совете КЧССР они будут мощным противовесом карачаевцам, ибо их облагодетельствовало руководство республики. В итоге карачаевский народ начисто лишается возможности вернуть себе свою государственность. Поэтому не случайно появилось заявление атамана г.Усть — Дзегуты М.Буткова: "Если республику — карачаевцам, республику и черкесам, республику — абазинам, республику — абазинцам, и республику — казакам" ("Вестник Кавказа", 1992, май).

Здесь преднамеренно смещены все акценты, а проблема субъектообразующих народов вульгаризирована.

Если руководствоваться подобной "концепцией", то национальные республики, входящие в состав Российской Федерации, не вправе быть таковыми, ибо они многонациональны по своему населению. Причем во многих из них народы, давшие имя республикам, даже не составляют большинства населения. Так давайте в таком случае отменим их наименования и превратим иноязычные в субъектообразующие народы этих республик. Вот до какого абсурда можно дойти в своих эгостических амбициях.

Но это игра с огнем. И руководство Карачаево-Черкесии явно пренебрегает мудрой пословицей: "Кто посеет ветер, тот пожнет бурю". Своими номенклатурными играми оно дестабилизирует внутривнутриполитическую обстановку в республике и неизбежно нагнетает межнациональную напряженность, последствия которой непредсказуемы.

Закон РФ "О реабилитации репрессированных народов"

и

проблемы его реализации

Думаю не ошибусь, если скажу, что Закон Российской Федерации "О реабилитации репрессированных народов" фактически не действует. В чем дело? Неужели его смысл и содержание не соответствует реалиям сегодняшнего дня? Думается, дело не в этом, а в неспособности властных структур Российской Федерации восстановить историческую справедливость в отношении репрессированных народов. Уклоняясь от реализации указанного закона, они тем самым способствуют нагнетанию межнациональной напряженности, вызывают чувство глубокого разочарования у репрессированных народов в проводимой ими национальной политике. Наглядное тому подтверждение — драматические события в Северной Осетии. Вот уже и Президент Российской Федерации пытается представить их как дело рук ингушских экстремистов, а не как результат той исторической несправедливости, которая была допущена в отношении ингушского народа.

Мне, как разработчику Закона РФ "О реабилитации репрессированных народов", хорошо известна историческая подоплека нынешнего вооруженного конфликта между осетинами и ингушами. Об этом не может не знать ни Президент Российской Федерации, ни другие высокопоставленные лица России. Но и в своих заявлениях, рассуждениях они предпочитают об этом умалчивать. Хотя в процессе принятия Верховным Советом РФ указанного закона все они дружно голосовали за территориальную реабилитацию репрессированных народов, а стало быть и ингушского. Но в дальнейшем ими не было принято конкретных шагов в этом направлении. И фактически территориальный вопрос был переведен в

плоскость "спорных территорий", хотя репрессированным народам безусловно должны быть возвращены незаконно отторгнутые у них земли.

Как могут высшие должностные лица Российской Федерации и руководство Северной Осетии ставить вопрос о сохранении территориальной целостности последней и о неизменности ее границ, когда в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР "О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории" от 7 марта 1944 года в состав Северо-Осетинской АССР был незаконно включен Пригородный район, принадлежавший Ингушетии. Я уже не говорю о том, что еще раньше 1 июня 1933 года г.Владикавказ, являвшийся до этого совместной столицей двух сопредельных автономий — Ингушской и Северо-Осетинской, без всяких на то оснований был передан под исключительную юрисдикцию Северо-Осетинской автономной области. Разве это не произвол и беззаконие?

Казалось бы, что по логике вещей, после отмены всех незаконных актов и реабилитации ингушского народа должна быть восстановлена его территориальная целостность. Но не тут — то было. Пока, вначале руководство СССР потворствовало руководству Северной Осетии, их неправомерным амбициям, а затем отмалчивались высшие должностные лица Российской Федерации, властные структуры Северо-Осетинской ССР перешли в наступление. Они даже силой стремятся удержать чужую территорию. Все разумные доводы ими не воспринимаются. Тем самым руководство Северной Осетии вовлекает свой народ в межнациональную войну. А ингушский народ, разуверившись в мнимом интернационализме российского руководства и его желании восстановить по отношению к нему историческую справедливость, берется за оружие. Поэтому, стремление властных структур Российской Федерации и Северной Осетии уйти от справедливого решения территориального вопроса мира в этом регионе не принесут. Разумеется нельзя было оставаться безучастным к вооруженным столкновениям между ингушами и осетинами.

Поэтому, в данном случае применение силы оправдано. Но развести противостоящие друг другу вооруженные формирования следовало по границе Пригородного рай — она, который является исконной территорией ингушей и этот район взять под особое управление. Тем самым бы гарантировались права и свободы лицам неингушской национальности и была бы заложена конструктивная основа для поэтапного решения вопроса о передаче Пригородного района Ингушетии. Разве североосетин — ский народ не понял бы, что во имя восстановления исторической справедливости надо рано или поздно вернуть ингушам принадлежавшую им территорию?! И было бы безрассудно насильно удерживать ее под своей юрисдикцией. Но руководство Северной Осетии не может понять этой прописной истины. Упорствуя в своей твердолобой политике, оно следует худшим стереотипам прошлого. Еще в 50 — х годах прежнее руководство Северной Осетии прибегает к неправомерным акциям в отношении статуса Пригородного района. Достаточно привести только один факт: появление конфиденциального предписания Совета Министров СОАССР за N 063 от 1956 года. Согласно ему запрещалось "...учреждениям и частным лицам продавать дома или сдавать жилплощадь под квартиры ингушам, возвращающимся из поселения, а в отношении лиц, уже приобретших дома, признать документацию купли — продажи недействительной". Нетрудно заметить, что такой акт не только антиконституционен и националистичен, но и антигуманен.

Вместо того, чтобы объявить подобные акты как противозаконные, бывшее руководство СССР санкционирует их. Взять хотя бы постановление Совета министров СССР за N 183 от 5 марта 1982 года, в соответствии с которым запрещалась прописка ингушей, прибывших в Пригородный район на постоянное место жительства.

Вот и спрашивается: на каком основании властные структуры бывшего СССР так ревностно стояли на страже противоправных акций руководства Северной Осетии? Разве это разумная, интернациональная поли —

тика в отношении народов Российской Федерации? Пора уже давно отказаться от "практических" соображений в решении межнациональных проблем, и руководствоваться исключительно принципом справедливости.

И по сей день продолжается эта безрассудная политика. Вместо поисков путей справедливого решения территориального вопроса как руководство Северной Осетии так и высшие должностные лица Российской Федерации всячески препятствуют возвращению Ингушетии ее исконной территории. В связи с этим, иначе как безответственным не назовешь заявление вице-преьера российского правительства Г.Хижи о том, что "о переделе территорий речь не может идти, если мы хотим избежать гражданской войны в России". Кто же в таком случае остается в выигрыше? Разумеется, Северная Осетия, незаконно удерживающая под своей юрисдикцией ингушскую территорию. По замыслу Г.Хижи все должно остаться так, как оно есть. А как быть с восстановлением исторической справедливости?! Видимо, его это не волнует. К слову, вице-премьеру следовало бы знать, что в данном случае речь идет не о переделе территорий, а о возвращении ингушам их земель.

Сторонники сохранения так называемой "территориальной целостности" Северо-Осетии любят ссылаться на статью 80 Конституции РФ, согласно которой территория республики, входящей в Российскую Федерацию, не может быть изменена без ее согласия.

Надуманность этого довода очевидна, ибо в указанной статье идет речь о собственных территориях республик. Те же, которые были к ним насильственно присоединены, таковыми не являются. Разве не понятно, что изгнание ингушей со своих земель и передача их Северной Осетии было противоправным актом?! Достаточно так сформулировать проблему, чтобы убедиться в беспочвенности позиции тех, кто препятствует восстановлению территориальной целостности Ингушетии. Стремясь подвести под свою амбициозную политику правовую базу, руководство Северной Осетии ссылается

на волеизъявление населения проживающего на территории, принадлежавшей до 1944 года Ингушетии. Спрашивается: причем здесь волеизъявление населения?! С таким же успехом можно было бы утверждать, что решение вопроса о суверенитете прибалтийских республик связан с политическим изъятием русскоязычного населения, а не исключительно с волей литовского, латышского и эстонского народов.

Следовательно, вывод должен быть однозначным: восстановление территориальной целостности — законное и справедливое требование ингушского народа. И чем быстрее это свершится, тем быстрее будет устранен опасный очаг межнациональных конфликтов в этом регионе.

Подчинив свою деятельность одной основной задаче — навечно закрепить Пригородный район за Северной Осетией, ее руководство решило использовать надуманную проблему о так называемых "насильственно переселенных народах". И вот уже появляется проект закона, в соответствии с которым "насильственно переселенными признаются исторически сложившиеся культурно — этнические и территориальные общности людей и группы населения, принадлежащие к различным народам, которые без учета их свободного волеизъявления, в принудительном порядке переселялись в места традиционного проживания репрессированных народов или на другие территории".

Замысел такой постановки вопроса предельно ясен: территория репрессированных народов не может быть им возвращена, ибо на ней уже проживают насильственно переселенные народы, которые в этом не виноваты. Такая аргументация под стать школьнику.

Если народы вопреки своей воле были насильственно переселены со своих территорий на чужие, то очевидно, что после краха тоталитарного режима они вернулись бы в родные места, как это сделали карачаевцы, ингуши, чеченцы и другие народы, подвергшиеся депортации. В этой связи не могу не сослаться на еще одно обстоятельство. Чтобы разработать закон "О насильственно переселенных народах", который бы отражал действи —

тельное положение дел, сложившееся в ту историческую эпоху, требуются бесспорные документальные материалы, соответствующие правовые акты, на основе которых можно было бы четко определить, что из себя представляют "насильственно переселенные народы" и в каких насильственных формах осуществлялась их принудительное переселение. Пока, насколько мне известно, таких документальных свидетельств не обнаружено. Зато есть убедительные архивные материалы, свидетельствующие о депортации репрессированных народов, о творимом в отношении их произволе.

Поэтому, более чем странным, выглядит утверждение сопредседателей Координационного комитета по защите прав насильственно переселенных народов и движения за сохранение существующих административно — территориальных границ в РСФСР в письме на имя Б.Н.Ельцина от 29.10.91 года о том, что проживающие на территориях репрессированных народов "...люди уже в течение полувека, неоднократно подвергались насильственному переселению и пострадали не меньше признанных репрессированных народов". Что может быть более кощунственное, чем приравнивание репрессированных народов к населению, проживающему на их территориях?

Подлинный смысл указанной фразы не вызывает никакого сомнения: отказать репрессированным народам в их территориальной реабилитации.

Как видно из вышеизложенного, ни в центре, ни на местах властные структуры не в состоянии или не хотят последовательно провести в жизнь Закон РФ "О реабилитации репрессированных народов". Примером тому является и ситуация, складывающаяся в Карачаево — Черкесии. Там также вызревает межнациональный конфликт из — за нежелания администрации КЧССР и правительственной комиссии по реализации Закона "О реабилитации репрессированных народов", возглавляемой министром юстиции РФ Н.Федоровым, вернуть карачаевцам их государственность.

Используя надуманные доводы и ссылаясь на не имеющих юридическую значимость опрос всего насе —

ления республики, они отказывают карачаевскому народу в реализации его права на восстановление своей национальной государственности. Причем, начисто игнорируется статья 3 Закона "О реабилитации репрессированных народов", которая безоговорочно предусматривает "признание и осуществление их права на восстановление национально-государственных образований, сложившихся до их упразднения".

Противников политического самоопределения карачаевского народа понять нетрудно, их мотивы продиктованы стремлением сохранить свое привилегированное положение, всевозможные льготы. Взять хотя бы исполняющего обязанности главы администрации Карачаево-Черкесской ССР В.И.Хубиева. Карачаевец по национальности, он прекрасно понимает, что в случае восстановления национальной государственности карачаевского народа, вряд ли ему удастся в ее властных структурах занять руководящий пост. Карачаевцы хорошо понимают, как он блокировал и блокирует восстановление национально-государственного образования карачаевского народа. Сознывая бесперспективность своего положения в случае реализации Закона РФ "О реабилитации репрессированных народов", он и ратует за сохранение единой и неделимой Карачаево-Черкесии. А то, что своему народу надо вернуть отнятую у него государственность, его мало волнует. Более того, в своей статье "Экстремисты перешли все грани дозволенного", опубликованной в Российской газете, он упрекает меня в том, что я ставлю под сомнение результаты опроса населения Карачаево-Черкесской ССР. Он так и пишет: "Непонятно, зачем А.Коваленко пытается опровергнуть результаты проведенного в марте 1992 года опроса населения республики, ставит под сомнение его правомерность, называя "демагогической уловкой".

Вздор! В.И.Хубиев прекрасно все понимает. Во-первых, о каком опросе может идти речь, если статьей 3 Закона "О реабилитации репрессированных народов" прямо предписывается восстановление их национально-государственных образований. Никаких предварительных санкций для этого не требуется. Во-вторых,

опрос юридически не предусмотрен действующим законодательством, а стало быть, не имеет правовой значимости. Поэтому ссылка на его результаты неуместна. В — третьих, как можно утверждать, что опрос, а вернее, его итоги, свидетельствуют о том, что "79,4 процента высказались за сохранение единства Карачаево — Черкесии" (В.И.Хубиев), если он проводился без учета национальной принадлежности граждан, т.е. поголовно? Уж если был затеян фарс с опросом, то в соответствии с правом народов на самоопределение следовало его провести среди карачаевцев и черкесов как субъектов образующих народов отдельно, а не вовлекать в него все население республики. В — четвертых, помимо всего прочего, нелепа и сама формулировка вопроса в бюллетене для опрашиваемых. Вот как она звучала: "Согласны ли Вы при полной реализации Закона "О реабилитации репрессированных народов" сохранить единую Карачаево — Черкесскую ССР в составе Российской Федерации, образованную на принципах равноправия всех народов?" Здесь инициаторы опроса проглядели то обстоятельство, что если речь идет о полной реализации указанного Закона, то карачаевцам, согласно статье 3 Закона, надо возвращать их государственность. В то же время, если ставить вопрос о сохранении единой Карачаево — Черкесской ССР, то, напротив, карачаевскому народу следует отказать в ее восстановлении. Получается, что население одновременно голосовало за две взаимоисключающих части формулировки вопроса. Вот тут действительно непонятно, как инициаторы опроса не заметили этого противоречия. Поэтому нелепым звучит утверждение В.И.Хубиева о том, что "хотелось бы, чтобы все государственные и общественные организации республики сделали правильные выводы из результатов опроса и внесли соответствующие коррективы в главное направление своей деятельности — в том, чтобы сохранить территориальную целостность Карачаево — Черкесии, дружбу и единство ее народов, свято оберегать права и свободы всех граждан". "Правильные выводы из результатов опроса могут быть только одни: опрос неправомерен, ибо не предусмотрен действующим законодательством, да и к тому же еще проводился без учета

национальной принадлежности граждан, а его форму — лировка глупа, ибо содержит два взаимоисключающих вывода.

Видимо, осознав то обстоятельство, что в соответствии со статьей 3 Закона "О реабилитации репрессированных народов" карачаевскому народу без всяких условий должна быть возвращена его государственность, руководство Карачаево — Черкесии инспирирует фронтальную атаку на указанный Закон. И вот уже в "Российской газете" появляется статья доктора экономических наук Кайсына Хубиева под интригующим названием "Акт реабилитации таит зерно новых репрессий". Вот, в частности, что он пишет: "рычагом дестабилизации обстановки в Карачаево — Черкесии явился, как это ни странно, Закон "О реабилитации репрессированных народов". Именно в нем содержалась бомба замедленного действия, но большой разрушительной силы". Чтобы доказать недоказуемое, К.Хубиев далее проделывает большие теоретические манипуляции, становясь вдруг глубокомысленным юристом. Лавируя среди собственной внутренней путаницы понятий, он утверждает, что "содержание Закона оказалось значительно шире, чем предполагалось. ...В этом не было бы ничего особенного, если бы Закон ограничивался юридической, экономической и политической реабилитацией. Но в нем предусматривается территориальная и национально — государственная реабилитация с восстановлением на момент репрессий национально — государственных образований". Великолепное объяснение! К сведению К.Хубиева, политическая и национально — государственная реабилитация — это не различные, а тождественные понятия. Достаточно взглянуть в Закон, чтобы убедиться в этом.

Но важнее всего в устах мудреца К.Хубиева следующее высказывание: "Разработчики закона не учли одного: территориальные и национально — государственные вопросы, как свидетельствует история, не могут в одном законе решаться одинаково для всех народов".

Такое утверждение в корне неверно, так как в законе предусмотрено, что законодательством Российской Федерации могут устанавливаться особенности примене —

ния настоящего закона к отдельным народам и национальным группам. К.Хубиеву следовало только заглянуть в раздел закона, касающегося его действия и особенностей применения, чтобы не допускать подобного вздора. Как автор закона, я постоянно отстаивал позицию в комитетах и комиссиях Верховного Совета Российской Федерации, согласно которой реабилитация каждого народа, репрессированного в прошлом, должна осуществляться на основе дополнительных правовых актов, учитывавших бы особенности его существования. Что же касается закона, то в силу своей природы он не может быть индивидуализирован. Еще К.Маркс в свое время заметил, что "юридический закон должен быть однородным и должен абстрагироваться от индивидуальности" (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.2 С.197).

А теперь обратимся к рассуждениям К.Хубиева, которые по его замыслу опрокидывают Закон о реабилитации репрессированных народов. "Поскольку в число репрессированных народов Карачаево — Черкесии попали не только карачаевцы, но и казаки, — пишет он, — то по Закону о реабилитации и те и другие могут выбрать удобный для себя промежуток времени, начиная с 1917 года и предъявить свои претензии, в том числе и территориальные". И как вывод: "различные движения, представляющие казачество и карачаевский народ на равном законном основании претендуют на одни и те же территории".

На основании сказанного можно судить о мудрости нашего умничающего оппонента, возмнившего, что ему удалось показать несостоятельность закона.

Открытие К.Хубиева, что казачество и карачаевский народ на равном основании могут претендовать на одни и те же территории, не выдерживает никакой критики. Ему следовало знать, что политическая реабилитация карачаевского народа означает признание и осуществление его права на восстановление его национально-государственного образования, существовавшего до его насильственного упразднения. Что же касается казачества, то оно не имело своей автономии. А стало быть его политическая реабилитация означает лишь восста —

новление его территориального статуса, обеспечение его равных с карачаевцами и другими национальностями возможностей в осуществлении его прав и свобод, гарантируемых действующим законодательством. Иначе говоря, в рамках восстановленной национальной государственности карачаевского народа, казачеству будут обеспечены права и свободы, территориальная компактность проживания. Кстати, это нашло отражение в резолюции 5-го заседания Чрезвычайного съезда карачаевского народа от 25 июля 1992 года. В частности, в ней было указано о необходимости разработки в строгом соответствии с государственными и международными правовыми актами проекта нормативно-правового документа, гарантирующего права казачества на территории Карачая.

Немеешь от изумления от следующих рассуждений К.Хубиева: "В результате отделения Карачая карачаевцы станут жителями сразу нескольких республик со спорными границами и территориями. А бесспорными границами Карачая будут один — два района". После этих рассуждений К.Хубиев продолжает: "Лично я считаю: государственное отделение Карачая будет не актом реабилитации, а фактом новых репрессий. После возвращения на родину в 1957 году карачаевцам были возвращены все прежние земли и выданы новые. Население выросло более чем вдвое (по сравнению с довоенным периодом) и расселилось по всей Карачаево — Черкесии, компактно проживая в новых районах". В связи с этим он задает риторический вопрос: "Неужели некоторые активисты хотят подвергнуть испытаниям народ, который только — только начал обустраиваться?".

Здесь квинтэссенция всей ложной мудрости этого "глубокомысленного ученого".

Во-первых, откуда К.Хубиев взял, что в результате восстановления карачаевской государственности карачаевцы станут жителями нескольких республик? Ведь, согласно закону о реабилитации репрессированных народов предполагается существование только двух республик: карачаевской и черкесской, ибо только карачаевский и черкесский народы имели свои национально — государственные образования в прошлом.

Во—вторых, о каких спорных границах и территориях может идти речь, если восстановление карачаевской государственности должно осуществить в границах 1943 года, т.е. на момент их депортации. Насколько мне известно, у карачаевского народа нет территориальных притязаний к сопредельным республикам. Об этом не — однократно заявляли и лидеры карачаевского движения.

В—третьих, почему государственное отделение Карачая будет непременно фактом новых репрессий для части народа? И кто же будет осуществлять эти репрессии? Видимо, К.Хубиев полагает, что репрессии против карачаевцев, оказавшихся в другой республике (наверно подразумевается Черкесская) будут развязаны властными структурами этой республики. Вот до какого чудовищного вздора можно договориться.

Разве К.Хубиев не знает, что все республики, входящие в Российскую Федерацию, являются многонациональными. Причем во многих из них компактно проживают довольно многочисленные национальные группы и никто их не притесняет. Так почему обязательно будут притеснять карачаевцев на территории другой республики?

Подводя итог всей этой галиматье, направленной против возвращения карачаевскому народу его государственности, можно сказать, что К.Хубиев выполняет социальный заказ руководства Карачаево — Черкесии, которое во имя сохранения своих привилегий боится, как черт лаdana, восстановления карачаевской государственности.

Как тут не сказать о его злонамеренной выходке на недавней сессии областного Совета Карачаево — Черкесии. Опасаясь, что оно не сможет овладеть депутатскими мандатами при формировании Верховного Совета республики в связи с повышением статуса Карачаево — Черкесии, В.И.Хубиев и его К^о навязали Совету решение о придании областным депутатам статуса депутатов республики. Вот это трюк, не имевший аналога в истории. В сравнении с этим меркнут все иные злоупотребления, которые практиковались на депутатском уровне как в центре так и на местах.

Таким образом, руководство Карачаево — Черкесии медленно, но верно ведет республику к национальной катастрофе. А ее драматические последствия будут трактоваться официальными структурами как происки неких экстремистов, паразитирующих на национальных предрассудках. Фактически ответственность за это ляжет на плечи руководства Карачаево — Черкесии и общенациональных органов Российской Федерации, не желающих взглянуть объективно на складывающуюся обстановку в Карачаево — Черкесии.

То же самое происходит и в Кабардино — Балкарской республике. Не смотря на то, что балкарцы путем референдума выразили свою решимость обрести самостоятельный национально — государственный статус, Верховный Совет Российской Федерации, как впрочем и президент России, не проявляет желания пойти на встречу балкарскому народу. Складывается парадоксальная ситуация: опрос, проведенный в Карачаево — Черкесии и не имеющий юридической значимости, принимается во внимание властными структурами Российской Федерации, а результаты референдума, предусмотренного конституционным законодательством Кабардино — Балкарии, начисто игнорируется. Вот и спрашивается, почему национальный референдум среди балкарцев, реализованный посредством системы местных референдумов и предусмотренный Законом РФ "О местном самоуправлении в РСФСР" и Законом КБССР "О всенародном голосовании (референдуме) КБССР" предается забвению?

А ведь балкарский народ относится к разряду репрессированных народов и подпадает под действие Закона РФ "О реабилитации репрессированных народов".

Все это свидетельствует только о том, что руководство Российской Федерации вольно или невольно затягивает узел межнациональных противоречий, своей беспринципной позицией способствует национальному сепаратизму и авантюризму. Тем самым продолжают опасные очаги межнациональных конфликтов.

Вполне естественно, что при такой национальной политике российскому многонациональному обществу

не избежать в дальнейшем жесточайших потрясений. Только решение всех межнациональных проблем на подлинно интернациональной основе, на принципах равенства, справедливости и уважения законных интересов всех народов, населяющих территорию Российской Федерации, приведет к нормализации межнациональных отношений, стабилизации политической обстановки в национальных регионах России.

О проекте Конституции Карачаево-Черкесской ССР

Попытки руководства Карачаево — Черкесии во что бы то ни стало протащить разработанный по его заказу Б.Крыловым и его единомышленниками проект Конституции не может не вызвать тревогу у демократических сил республики. С принятием этой Конституции будет положен конец чаяниям карачаевского народа на восстановление его государственности и самостоятельного политического развития. Такая "конституционная" политика властных структур Карачаево — Черкесии, направленная против Закона РФ "О реабилитации репрессированных народов", свидетельствует об их полном забвении предписания Закона о восстановлении исторической справедливости в отношении карачаевцев, подвергшихся чудовищным преследованиям в годы сталинизма.

Как известно, в первое время после принятия Закона РФ "О реабилитации репрессированных народов" администрация КЧССР, возглавляемая В.Хубиевым, в осуществление своих антиреабилитационных намерений прибегала к замаскированным формам их проявлений. Она стала его реализацию обставать всевозможными условиями. А использование так называемого опроса по вопросу о сохранении единой Карачаево — Черкесии обнажило его замыслы.

Проведение этого опроса, который не имеет юридической значимости, да ко всему еще был фальсифицирован, изображается администрацией В.Хубиева как референдум, с которым нельзя де не считаться. В народном подчеркивании его суммарных результатов, выражающих якобы волю всего населения республики, без труда обнаруживается стремление властных структур Карачаево — Черкесии свести на нет процесс реабилитации карачаевского народа, отказать ему в возвраще —

нии незаконно упраздненной государственности. Грубо попирая статью 3 Закона "О реабилитации репрессированных народов", предписывающую безусловное признание и осуществление их права на восстановление их национально — государственных образований, руководство КЧССР форсирует "конституционное" закрепление "единой и неделимой" республики.

И оно делает все, чтобы создать атмосферу "всеобщего подъема", "безоговорочной поддержки" и "полного одобрения" навязываемой населению Конституции.

Принятие Основного Закона стало для Карачаево — Черкесии важнейшей задачей, так как дальнейшее осуществление ее замыслов не может быть достигнуто без "законных" ссылок на конституционные нормы, оправдывающие ее антиреабилитационную деятельность. В этих политических планах выражается не что иное, как стремление высокопоставленных чиновников сохранить свои должности и привилегии.

Весьма характерно, что они старательно обходят правые доводы и аргументы, приведенные мною в "Правовой экспертизе опроса населения КЧССР" и многочисленных статьях против их противоправных манипуляций с действующим законодательством. Отмалчиваясь на этот счет, В.Хубиев и его "сподвижники" прибегают в то же время к пустой фразеологии и откровенной демагогии, призванных создать у населения республики впечатление о якобы их интернациональных устремлениях и намерениях. И все это сопровождается гонениями на инакомыслящих, отстаивающих подлинные интересы народов Карачаево — Черкесии. Вряд ли бы так безнаказанно орудовала администрация республики, если бы не мощная поддержка со стороны высокопоставленных лиц Российской Федерации. Далеко не последнюю роль в этом играет министр юстиции РФ Н.Федоров, который по иронии судьбы возглавил государственную комиссию по реализации Закона РФ "О реабилитации репрессированных народов" на территории Карачаево — Черкесской ССР. Вне всякого сомнения, что по согласованию с ним, Б.Крылов столь ретиво взялся за разработку Основного Закона респуб —

лики, представив его вариант в августе с.г. (ред. 1992) И думаю, что не ошибусь, если скажу, что администрация Карачаево — Черкесии весьма щедро оплатила его "творческие усилия". Однако текстуальное содержание проекта Конституции, выданное Б.Крыловым, свидетельствует о том, что она несколько переоценила его способности. Несмотря на всю кажущуюся научность и обоснованность, проект Основного Закона страдает неустраняемыми пороками.

Уже сама преамбула указывает на его несостоятельность. Она до такой степени неправильно сформулирована, что из нее невозможно сделать правильные выводы. В ней, как известно, провозглашается, что "... народ Карачаево — Черкесии, объединивший на этой земле карачаевцев, черкесов, русских, абазин, ногайцев, представителей других народов" принимает Конституцию Республики Карачаево — Черкесия.

Уже здесь наталкиваешься на противоречие: с одной стороны дело представляется таким образом, что в республике сложился "народ Карачаево — Черкесии" путем объединения карачаевцев, черкесов, русских абазин и других народов. А стало быть различные народы исчезают в понятии некой абстракции "народ Карачаево — Черкесии". С другой стороны все же предполагается наличие национальных различий, ибо речь идет и "представителях других народов", а стало быть недопустимо ставить вопрос о "народе вообще". Тем более, что уже одно заглавие конституции как Основного Закона республики Карачаево — Черкесия указывает на несостоятельность использования указанной абстракции. Иначе говоря, в соответствии с этим названием речь может идти не о народе Карачаево — Черкесии, а о карачаевском и черкесском народах, и только. Вот почему порочна фраза о том, что "народ республики Карачаево — Черкесия осуществляет свою власть непосредственно, а также через систему государственных органов и местное самоуправление..." (ст.2). Иначе говоря, речь должна идти о двух субъектообразующих народах с закреплением за другими народами и национальными группами равных возможностей в осуществлении ими государственной власти.

В вопросе о "системе государственной власти" (ст.8) у авторов Конституции также нет ясности. По их убеждению, "система государственной власти в Карачаево — Черкесии основана на разделении законодательной, исполнительной и судебной власти...". Прежде чем так формулировать статью, прежде всего надо было для себя уяснить, а что такое система вообще? Выяснив, что система — это совокупная связь элементов, авторам Конституции следовало задаться вопросом: а какие элементы образуют систему государственной власти? Но это так и осталось тайной для них.

Но наиболее наглядно мы встречаемся с конституционным крестинизмом при сопоставлении статей 9 и 27 Основного Закона. Так, согласно статье 9 "Территория Республики Карачаево — Черкесия не может быть изменена без ее согласия" и "изменение границ Республики Карачаево — Черкесия, влекущее изменение ее территории, может быть произведено только на основании волеизъявления народа, выраженного посредством референдума". В противоречие этому (статья 27) "территория Республики Карачаево — Черкесия целостна и неотчуждаема". Вот и получается, что статья 9 допускает изменение границ республики путем референдума, а 27 запрещает "отчуждаемость" ее территории. Ко всему еще, непонятно, почему изменение границ Карачаево — Черкесии должно осуществляться в сторону уменьшения ее территории?

Весьма своеобразно формулируется статья 10 Конституции. Согласно ей "земля и ее недра, воды, растительный и животный мир на территории Республики Карачаево — Черкесия являются достоянием (собственностью) проживающих в республике народов". Здесь уже в отличие от преамбулы предполагается наличие не одного, а многих народов. С чего бы это? Ну а если предположить, что коренными народами в Карачаево — Черкесии являются не только карачаевский и черкесский, то получается, что республика не имеет права на существование в качестве Карачаево — Черкесской. Более того, каждый народ, обладая правом собственности на землю и ее недра, воды, растительный и животный мир, наряду

с карачаевским и черкесским народами, может поставить вопрос о своем политическом обособлении. Иначе говоря, постановка вопроса о том, что природные ресурсы являются собственностью проживающих в республике народов, является потенциальным обоснованием для ее территориального передела. Скажем, казачеству заблагорассудится политически отделиться от Карачаево — Черкесии. И оно, в связи с этим, может сослаться на указанную статью Конституции, которая признает за ним право собственности на территорию его компактного проживания. А поскольку право собственности означает право владения, пользования и распоряжения, а, стало быть, и ее отчуждения, то не исключается возможность юридического отчуждения Карачаево — Черкесии. Это вытекает из права собственности вообще. Вот до какого абсурда можно прийти, игнорируя территориальную целостность карачаевского и черкесского народов.

Но главное противоречие рассматриваемого проекта Конституции заключается в следующем: выхолащивая национально — специфическое содержание республики, субъектообразующими народами которой являются только карачаевский и черкесский, Б.Крылов и другие "отцы" Конституции пытаются сконструировать некий орган (Комитет республики по правам человека и межнациональным отношениям), который "призван поддерживать дружбу и сотрудничество народов, проживающих в Карачаево — Черкесии, а также защищать права и свободы человека" (статья 53 Конституции). Фактически же учреждение этого органа призвано лишить указанные народы статуса субъектообразующих народов. Об этом красноречиво свидетельствует статья 52 Конституции, касающаяся способа формирования указанного комитета. "Верховный Совет Республики тайным голосованием, — гласит статья, — избирает из своего состава (из числа депутатов) Комитет Республики по правам человека и межнациональным отношениям в составе 30 человек". И далее: "Национальные группы депутатов Верховного Совета, состоящие из депутатов, считающих себя соответственно карачаевцами, черке —

сами, русскими, абазинами, ногойцами, выдвигают каждая по пять кандидатов в члены Комитета Республики по правам человека и межнациональным отношениям, которые списком избираются Верховным Советом. Верховный Совет избирает также списком пять депутатов из числа лиц, причисляющим себя к другим национальностям, также образующим одну национальную группу".

Не требуется особой проницательности, чтобы заметить, что в этой статье предпринята гнусная попытка устранить субъектообразующий статус карачаевского и черкесского народов, что неизбежно ведет к исчезновению Карачаево — Черкесской Республики. Обезличивая ее особое национальное содержание, Крылов и К° тем самым устраняют изначальную связь между карачаевцами и черкесами с одной стороны и ныне существующей КЧССР — с другой. Теперь уже карачаевский и черкесский народы согласно Конституции, перестают играть основополагающую роль в Республике. А это неизбежно влечет за собой устранение исторически сложившихся наименований "Карачай" и "Черкесия". И прежде всего потому, что другие народы и национальные группы, населяющие Республику, на основании Конституции могут потребовать изменения Карачаево — Черкесии, так как они наряду с карачаевцами и черкесами объявлены субъектообразующими. Но при такой постановке вопроса ни одна из национальных республик, входящая в Российскую Федерацию, не могла бы существовать, ибо на ее территории проживает многонациональное население. А стало быть, беспредметно вести речь о федеративном устройстве Российского государства. Вот до какой бессмыслицы доводит псевдоинтернациональная политика руководства Карачаево — Черкесии.

После всего сказанного, мы уже заранее можем сказать, как Б.Крылов и К° разрешат вопрос о процедуре голосования в Комитете Республики по правам человека и межнациональным отношениям. "Голосование в Комитете по правам человека и межнациональным отношениям, — по их замыслу, — проводится по национальным группам, каждая из которых имеет один голос"

(статья 54 проекта Основного Закона).

Здесь перед нами авторы Конституции все как на ладони. Во — первых, карачаевцы и черкесы уже не принимаются в расчет как субъектообразующие народы республики. Как будто бы последняя возникла и существует не в связи с карачаевцами и черкесами, а сама по себе, т.е. безотносительно к ним. Во — вторых, карачаевский и черкесский народы обладают только одним голосом, как и национальная группа, состоящая из представителей "других национальностей", которые не являются даже народами. Что же означает эта галиматья? Ничего иного, кроме того, что карачаевскому и черкесскому народам отказывают в их праве на собственное национально — государственное существование и на решающую роль в решении собственных проблем на своей территории.

Таким образом, узловой пункт, вокруг которого вращаются тайные помыслы руководства Карачаево — Черкесии и его "научных" исполнителей, это — отстоять порочную идею аморфной псевдоинтернациональной республики путем лишения карачаевского и черкесского народов их субъектообразующего статуса во имя сохранения своих льгот и привилегий, извлекаемых из их нынешнего положения.

До какого пренебрежения и забвения нынешнего статуса карачаевского и черкесского народов, как субъектообразующих наций, дошло руководство республики, показывает следующее положение статьи 54 проекта. "Решение Комитета, — гласит оно, — считается принятым, если оно собрало не менее четырех голосов (вариант — не менее трех голосов)". Таким образом, способ существования карачаевцев и черкесов, решения проблем их развития ставится в зависимость от суммарных результатов голосования национальных групп, входящих в Комитет по правам человека и межнациональным отношениям. Но таким большинством на уровне Верховного Совета можно вообще прекратить существование республики. Скажем, депутатам, представляющим в парламенте интересы других народов и национальных групп, заблагорассудится до основания "интернацио —

нализировать" Карачаево — Черкесию путем упразднения ее национально — государственного статуса и при — соединения к Ставропольскому краю — и это им удастся. Ибо для этого необходимо получить большинство в парламенте. Пусть читатель в полной мере представит себе роковые последствия для карачаевцев и черкесов такого "интернационального" подхода руководства КЧССР к так называемому "правовому равноправию" народов и национальных групп в законодательном органе республики. На возмущенные заявления сторон — ников этого равноправия, что подобное никогда не случится, я отвечу словами Мирабо: "Не говорите мне это слово "невозможно". Разве еще два года назад мы могли предположить, что бывший Советский Союз будет сотрясать вооруженные межнациональные конфликты и начнется противостояние бывших союзных республик?! Вот уже и Украина ставит решение о ликвидации ядерного оружия, находящегося на ее территории, в зависимости от гарантий безопасности своего существования от России. А Президент Украины Кравчук, в прошлом коммунистический лидер, за такими гарантиями обращается к блоку НАТО.

Таким образом, в проекте Конституции КЧССР карачаевский и черкесский народы целиком исключаются из числа единственных субъектообразующих народов. Теперь уже таковыми являются все народы и национальные группы, населяющие территорию республики. А все межнациональные проблемы решаются по простому большинству голосов. А карачаевскому и черкесскому народам остается только подчиниться этому большинству, ибо они лишены своего особого национального статуса, а стало быть их территория и республика уже не являются таковыми.

Правда, можно возразить, что решение важнейших вопросов существования карачаевцев и черкесов будет увязываться с результатами проводимых референдумов в республике. Но и этот довод не выдерживает критики, ибо в проекте Конституции речь идет о республиканском референдуме, т.е. поголовном голосовании всего населения по каким — либо вопросам государственной и об —

щественной жизни. Иными словами, по замыслу руководства КЧССР национальная принадлежность голосующих не будет приниматься в расчет, в связи с чем карачаевцы и черкесы опять окажутся под прессом суммарных итогов проводимых референдумов. То, что дело будет обстоять таким образом, сомневаться не приходится. Об этом красноречиво свидетельствует опрос населения Карачаево — Черкесской Республики по вопросу о сохранении единой Карачаево — Черкесской ССР, проведенный в марте с.г. Он, как известно, был проведен без учета национально — специфического фактора, т.е. поголовно среди всего населения. Национальная принадлежность была преднамеренно проигнорирована. А ведь это — грубое нарушение права народов на самоопределение.

Уж если бы проведенный опрос и имел какую — то юридическую значимость, то по логике вещей следовало провести раздельное голосование среди карачаевцев и черкесов, ибо речь шла о выявлении воли двух субъектов — тообразующих народов. Но замыслы инициаторов опроса были направлены на то, чтобы обеспечить нужный им результат. Отсюда и вовлечение в процесс голосования всего населения республики и забвение того очевидного правового факта, что Карачаево — Черкесская Республика обязана своим возникновением и существованием только двум народам — карачаевскому и черкесскому. Вот почему только за ними может быть решающий голос в решении проблем КЧССР.

Но руководство КЧССР прибегает ко всякого рода манипуляциям во имя сохранения своих кресел и привилегий. И я уверен, что и в дальнейшем, под прикрытием крикливой фразеологии и откровенной демагогии, оно попытается околпачить карачаевский и черкесский народы путем конструирования такого конституционного механизма, который бы юридически устранил их решающую роль в решении проблем республики. Ну а карачаевскому народу будет вообще отказано в его реабилитации и прежде всего в возвращении ему его национально — государственного образования. Поэтому борьба демократических сил за подлин —

ные интересы карачаевцев и черкесов при одновременном уважении прав и свобод других народов и национальных групп, населяющих республику, может быть успешной лишь при условии, если она будет вестись с позиции национального самоопределения народов, их свободного национального развития на основе широкой разъяснительной работы гнусных замыслов нынешнего руководства КЧССР.

Кто же защитит ингушский народ?

Вооруженный межнациональный конфликт между Ингушетией и Северной Осетией является драматическим следствием нежелания или неспособности руководства Российской Федерации восстановить на основе Закона РФ "О реабилитации репрессированных народов" историческую справедливость в отношении ингушского народа.

Уклоняясь от реализации этого закона, оно тем самым способствует нагнетанию межнациональной напряженности, вызывает чувство глубокого разочарования у ингушей в проводимой им национальной политике. Ну а когда российские власти в указанном конфликте приняли сторону Северо-Осетии, то стало очевидным, что рассчитывать ингушскому народу на поддержку российским руководством его справедливых требований не приходится.

Руководство же Северной Осетии вопреки здравому смыслу насильно удерживает под своей юрисдикцией Пригородный район, который до депортации ингушского народа в 1944 году являлся его территорией. Проявляя явное нежелание возвратить Ингушетии Пригородный район, руководство Северной Осетии тем самым придает правовую значимость противозаконным действиям сталинского режима по территориальному переделу в этом регионе. А это означает ничто другое, как фактическое одобрение с его стороны сталинской политики депортации народов и присоединения их территории к сопредельным национально-государственным и административно-территориальным образованиям.

Приходится только удивляться близорукой политике властных структур Северной Осетии и Российской Федерации, препятствующих территориальной реабили-

тации ингушского народа. Они не только не считаются с Законом РФ "О реабилитации репрессированных народов", но и предают забвению бесспорные исторические факты, свидетельствующие о тяжелой и трагической участи, постигшей ингушский народ. Обратимся к истории.

В условиях бурного послеоктябрьского подъема национально-освободительного движения кавказских народов, пришедшие к власти большевики "даруют" ингушскому народу политический статус, но в государственно-правовом содружестве других кавказских народов, т.е. в форме автономной Горской Советской республики. В Постановлении ВЦИК от 20 января 1921 г. провозглашалось: "Образовать Автономную Горскую Социалистическую Советскую Республику как часть Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, в состав коей включить территорию, занимаемую ныне чеченцами, осетинами, ингушами, кабардинцами, балкарцами и карачаевцами и живущими между ними казаками и иногородними".

При этом, Постановлением предусматривалось, что "Автономная Горская Социалистическая Советская Республика делится на 6 административных округов, каждый со своим окружным исполкомом: 1) Чеченский, 2) Ингушский, 3) Осетинский, 4) Кабардинский, 5) Балкарский и 6) Карачаевский".

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в соответствии с указанным Постановлением "города Владикавказ и Грозный с нефтяными промыслами выделяются в самостоятельные административные единицы, подчиняющиеся непосредственно Центральному исполнительному комитету и Совнаркому Горской Социалистической Советской Республики".

Такая постановка вопроса относительно этих городов в условиях многонационального сообщества, оформившегося в единую республику, представляется правомерной, ибо устраняло почву для межнациональных трений при решении не только хозяйственных, но и административных проблем.

Поэтому образование Горской Автономной Респуб —

лики было воспринято с энтузиазмом и ликованием всеми народами, которые политически оформились в ее рамках. Ведь после бесправного положения при царизме обретение своего политического статуса было шагом вперед по пути их свободного самоопределения. Да и Декларация Учредительного съезда Советов Горской АССР о вхождении в нее горских народов Кавказа, принятая 22 апреля 1921 года, вселяла уверенность в их политическое будущее. Разве могли остаться безучастными горские народы к таким ее положениям, как "измученные веками истории и мачехой — судьбой, терзаемые злодеями — самодержавными царскими сатрапами — палачами, помещиками и князьями, таубиями и беками, фанатичными шейхами и купцами, эти горцы отныне свободны и освобождены от тяжелых испытаний и пыток истории навсегда". Обращает на себя внимание и такое завлекательное заверение, содержащееся в Декларации: "Отныне раз и навсегда уничтожаются и умирают межнациональные и неприязненные отношения в центре Кавказа. Все трудящиеся ГАССР — сотрудники и соратники по борьбе и творчеству, благополучия всех и каждого". Чувство восторженности вызывает и фрагмент Декларации, касающийся перспективы развития национальной культуры. Разве можно было в то время ставить под сомнение такое ее положение: "Все народы ГАССР самостоятельны и свободны на пути развития и поднятия родной культуры и творчества, веками сдавленные в тисках голых скал, невежества и отсталости, (горцы) теперь должны выйти на светлую дорогу возрождения и созидания новой культуры".

В процессе дальнейшего развития северокавказских народов осуществляется их национально — государственное размежевание. В 1921 — 22 годах из состава Горской Республики выделяются Кабардино — Балкарская, Карачаево — Черкесская и Чеченская автономные области.

Постановлением ВЦИК от 7 июля 1924 года Автономная Горская же Республика упраздняется. На ее основе, в соответствии с национальным признаком, создаются две автономные области — Северная Осетия и Ингушетия и одна автономная административная единица —

Сунженский Округ с правами губернского исполнительного комитета. А г.Владикавказ выделяется в самостоятельную административную единицу.

Образование двух вышеназванных автономных областей — эта правовая акция — бесспорно отвечала интересам ингушского и североосетинского народов. Был сделан еще один значительный шаг по пути их свободного самоопределения и национального развития.

В соответствии с Постановлением ВЦИК об упразднении Автономной Горской Республики "установление границ автономных областей Северной Осетии и Ингушетии, Сунженского Округа и гор.Владикавказа и их административного деления, передача аппаратов управления, а также разрешение всех споров, возникающих из распределения учреждений и предприятий бывшей автономной Горской Советской Социалистической Республики между автономными областями Северной Осетии и Ингушетии, Сунженским Округом и гор.Владикавказом производится особой смешанной комиссией под председательством члена ВЦИК, назначаемого Президиумом Всероссийского Центрального Исполнительного комитета".

Таким образом на согласительной основе был разработан механизм территориального размежевания между Северной Осетией и Ингушетией, что явилось стабилизирующим фактором в межнациональных отношениях между ними.

Среди принципиальных положений, возводимых на правовой уровень указанным Постановлением, следует указать на п.2, согласно которому "Автономные области Северная Осетия и Ингушетия входят в состав Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и имеют свой административный центр в гор.Владикавказе". Причем, в соответствии с п.5 Постановления г.Владикавказ объявлялся самостоятельной административной единицей, подчиненной непосредственно Всероссийскому Центральному Комитету.

Такое закрепление правового статуса г.Владикавказа отражало его межнациональное положение. Исторически сложилось так, что на территории расселились и

ингуши и североосетины. Собственно об этом в то время широко писала печать, всячески поддерживая статус г.Владикавказа как "вольного города". Достаточно привести две выдержки из газеты "Горская правда" тех лет. В частности, обосновывая необходимость его особого правового положения, в одной из них отмечалось, что это связано с тем, что "Осетия и Ингушетия в одинаковой степени связаны с г.Владикавказом, как с единственным культурным и экономическим центром, в котором сосредоточены все культурные учреждения, промышленные и торговые предприятия".

В другом номере та же "Горская правда" подчеркивает, что как Северная Осетия "не может потерять свои экономические и культурные связи с городом" так и "Ингушетия порвать с городом тоже не может из-за экономических и культурных связей".

В связи с этим Центральная Комиссия по разделу бывшей Горской Республики разработала комплекс мероприятий по учету интересов ингушского и североосетинского населения по отношению к г.Владикавказу. В частности принимаются решения о разделе хозяйственных ценностей между автономными областями в городе, об его административно-территориальном разграничении. Все это оформляется документально, т.е. протоколом №2 совещания Комиссии по вопросам Горской Республики от 28 июня 1924г. и протоколом №2 заседания Центральной Комиссии по разделу бывшей Горской Республики от 21 августа 1924г.

В соответствии с протоколом совещания Комиссии между Ингушским и Осетинским Окрисполкомами были распределены здания, "представляемые под партийные, советские, хозяйственные учреждения, учебные и лечебные заведения". За Ингушским Окрисполкомом в итоге было закреплено 11 зданий, за Осетинским — 13.

Особую значимость представлял протокол Центральной Комиссии по разделу бывшей Горской Республики, которым документально закреплялись предприятия за Ингушским и Осетинским Окрисполкомами. Ведь на его основе формировалась материальная база двух народов в г.Владикавказе.

В соответствии со списком предприятий, передаваемых Ревкомам от управления местного хозяйства ГССР, под юрисдикцию Ингушского ревкома были отданы один мыловаренный завод, один лесопильный завод, типография, четыре мельницы, госкожзавод, винзавод, крахмальный завод, кирпичный завод и т.п. Суммарная стоимость основных и оборотных средств составила 749.978.49 рублей.

Осетинскому ревкому были переданы мыловаренный завод, типография, 7 мельниц, пивзавод, кирпичный завод, крахмальный завод и т.д. Стоимость переданных предприятий была определена в сумму 848.314.87 рублей.

Как видим, материальные ценности, переданные под юрисдикцию Ингушского и Североосетинского ревкомов были довольно внушительными и являлись как бы вещественным выражением тех устойчивых и исторически сложившихся отношений, которые связывали ингушей и североосетин с Владикавказом.

Демократическая и социально-экономическая ситуация, сложившаяся к этому времени в г.Владикавказе, характеризовалась следующими показателями. В городе проживали 57% русских, 10% осетин, 2% ингушей. Удельный вес Северной Осетии в местной промышленности Владикавказа составил 15,4%, Ингушетии — 17,7% и самого города — 66,9%. На долю рабочих — осетин, занятых на местных предприятиях, приходилось 25%, рабочих — ингушей — 15%, остального населения — 60%.

Разумеется, нельзя сказать, что административное и производственное размежевание г.Владикавказа между Ингушетией и Северной Осетией осуществлялось гладко, без конфликтов и противоречий. Архивные материалы и документально — официальные акты тех лет свидетельствуют о том, что этот вопрос решался чрезвычайно тяжело. Достаточно ознакомиться со стенограммой общегородского партактива Ингушской Автономной области от 18.10.1923г., чтобы убедиться в этом. И тем не менее на компромиссной основе удалось погасить межнациональные конфликты, связанные со статусом г.Владикавказа и обеспечить в этой связи реализацию законных интересов Ингушетии и Северной Осетии.

Казалось бы с таким трудом выстроенное здание

национального согласия, в дальнейшем будет укрепляться и оберегаться. Но этого не произошло.

Все последующее развитие страны ознаменовалось политикой беззакония и произвола по отношению к Ингушетии. Первым ее проявлением была передача г.Владикавказа под юрисдикцию Северо-Осетинской области. Это было "узаконено" Постановлением ВЦИК от 1 июня 1933 года. Причем, никаких правовых доводов в пользу этого решения не приводилось. Инициатором же лишения особого административно-правового статуса г.Владикавказа в интересах Северной Осетии выступил Северо-Кавказский крайком партии.

Безжалостно растоптав хрупкое национальное согласие между ингушами и североосетинами, поправ законные интересы Ингушетии, был создан опасный очаг межнациональных конфликтов в этом национальном регионе. Партийные лидеры остались абсолютно равнодушными к судьбам ингушей, населявших территорию г.Владикавказа, как впрочем и к существованию Ингушской автономной области.

Возникает вопрос: почему все же было отдано предпочтение североосетинам, путем ущемления интересов ингушей при изменении статуса г.Владикавказа? Об этом приходится только гадать.

Инициаторов передачи г.Владикавказа Северной Осетии не смутило то обстоятельство, что принятое решение создало юридический тупик в национально-государственном статусе двух автономных областей. Ингушская Автономная область призвана была управляться из г.Владикавказа, который стал составной частью территории Северо-Осетинской автономной области. А ведь другого административного центра, который мог бы взять на себя роль столицы, у ингушей не было. Не говоря уже о том, что часть населения г.Владикавказа — ингуши оказались не по своей воле в другой Автономной области и под юрисдикцией осетинского руководства.

Отсюда само собой понятно, что лишение ингушей своей столицы (часть г.Владикавказа) и передача всего города под юрисдикцию Северной Осетии являлось ничем иным как посягательством на их территориальную целостность.

Руководство страны не посмотрело на то обстоятельство, что подобный произвол явно попирает статью 13 Конституции РСФСР 1925 года, провозгласившую "совершенно несовместимым с законами Республики какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничения их равноправия и тем более установление или допущение каких то бы ни было (прямых или косвенных) преимуществ для отдельных национальностей". Разве не такие преимущества были сделаны в пользу осетинского населения, когда г.Владикавказ был лишен своего двойственного национально — государственного статуса и передан под исключительную юрисдикцию Северной Осетии?

Поэтому беспредметно оспаривать противозаконный характер указанной акции.

Последующее политическое развитие Ингушской Автономной Области ознаменовалось также произволом по отношению к Ингушскому народу. 19 декабря 1933 года ВЦИК принимает Постановление "О порядке созыва Чрезвычайных Съездов Советов Чеченской и Ингушской автономных областей Северо — Кавказского края". Целью Постановления являлось намерение руководства страны лишить Ингушский народ национально — государственного статуса путем объединения его с Чеченским народом в рамках одной государственности. При этом его принятие сопровождалось с нарушением всех демократических процедур путем опроса членов Президиума ВЦИК. Никакого голосования на этот счет не было. Вот как обосновывалась необходимость такого решения. "Вследствие невозможности созыва районных Съездов Советов Чеченской и Ингушской автономных областей Северо — Кавказского края..."

Во — первых, руководство Ингушской автономной области даже не испрашивала такого разрешения, ибо созыв чрезвычайного съезда Советов должен был основываться на волеизъявлении ингушского народа, выраженного либо непосредственно (референдум), либо через своих представителей.

Во — вторых, почему надо было обставлять эту проблему таким смехотворным доводом как "невозмож —

ностью созыва районных Съездов Советов... в короткий срок". Разве подобные вопросы могут быть решены в кратчайшее время? И почему члены Президиума ВЦИК не вспомнили о народах, судьбу которых решили путем опроса?

В-третьих, кто дал право принимать Постановление "в изъятие действующего законодательства"?

Как видим, указанное Постановление было насквозь противозаконным и противоречащим интересам как Ингушского так и Чеченского народов.

И здесь тогдашнее руководство еще раз продемонстрировало полное пренебрежение как к действующему законодательству, так и к судьбам народов.

Проделав подобную манипуляцию с созывом "чрезвычайных съездов" Чеченской и Ингушской автономных областей, Президиум ВЦИК принимает новое постановление "Об образовании объединенной Чечено-Ингушской автономной области". При этом, в нем лицемерно утверждается, что "в согласии с выраженной волей трудящихся населения Чеченской и Ингушской автономных областей, Президиум ВЦИК постановляет: автономную область Ингушетии объединить с Чеченской автономной областью, образовав Чечено-Ингушскую автономную область, с центром в городе Грозном, входящую в состав Северокавказского края".

Не вдаваясь в анализ фактических обстоятельств появления данного Постановления, обратим внимание на его противоправный характер.

Прежде всего обращает на себя внимание тот очевидный факт, что оно явно противоречило статье 13 Конституции РСФСР 1925 года, которая провозглашала право за отдельными национальностями на выделение в автономные области. Ни о каком слиянии или объединении автономных областей в Конституции РСФСР и речи не было.

Стало быть и в этом случае руководство страны нарушило действующее законодательство.

Трагическую страницу в историю Ингушского, как и других репрессированных народов, вписало сталинское руководство в марте 1944 года.

Оно издает чудовищные акты, направленные против целых народов. В частности, Ингушский народ подвергается гонениям и геноциду на основе Указа Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 года. Получивший название "О ликвидации Чечено — Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории", он обосновывал репрессивные акции против чеченцев и ингушей тем, что якобы "многие чеченцы и ингуши изменили Родине, переходили на сторону фашистских оккупантов, вступали в отряды диверсантов и разведчиков, забрасываемых немцами в тылы Красной армии..." При этом, Указ помимо всего прочего, вменял чеченцам и ингушам вину в том, что они де "в течение продолжительного времени" были "...не заняты честным трудом".

Эти нелепые и демагогические обвинения сталинского руководства в отношении целых народов обнажили его подлинную сущность и показали всему миру его подлинное лицо.

Сознавая бесчеловечный характер указанного акта, руководство страны обозначило его грифом "без публикации". И в самом деле, как его можно было опубликовать, если в п.1 предписывалось "всех чеченцев и ингушей, проживающих на территории Чечено — Ингушской АССР, а также в прилегающих к ней районах, переселить в другие районы СССР, а Чечено — Ингушскую АССР ликвидировать". Территория же, на которой издавна проживали ингуши, и чеченцы, согласно Указу расчленялась между Дагестанской, Северо — Осетинской АССР, Ставропольским краем РСФСР, Грузинской ССР.

Во исполнение Указа Совет Министров СССР издает Постановление, которым в местах обязательного расселения репрессированных народов вводился режим спецпоселений с жесткой системой надзора со стороны спецкомендатур. В соответствии с ним, спецпоселенцы обязаны были дважды в месяц отмечаться в них. Им под страхом уголовного наказания было запрещено покидать спецпоселения или удаляться от них на расстояние свыше 3 километров. Использование рабочей силы в

этих местах относилось к компетенции спецкомендатур.

Но и этого для большевистского руководства показало мало. 24 ноября 1948 года появляется Постановление Совета Министров СССР за N4367 — 172сс "О выселенцах" с грифом "совершенно секретно" и с предписанием "снимать копии и делать выписки запрещается". В нем отмечалось, что "установленные Уголовным Кодексом РСФСР меры наказания за побег с мест поселения (ст.82 УК РСФСР) — лишение свободы до трех лет и за укрывательство (ст.59 — 13 УК РСФСР) — лишение свободы до одного года, являются явно недостаточными".

Особенно поражает своим цинизмом п.1 Постановления, согласно которому предписывалось, что "...переселение в отдаленные районы Советского Союза чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др. произведено навечно, без права возврата к их прежним местам жительства".

Реакционность и чудовищность данной нормы не нуждается в пространных комментариях.

Вновь обращаясь к Указу Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1944 года, важно подчеркнуть, что он даже в правовом отношении не вписывался в действующее в то время законодательство. И прежде всего потому, что он является подзаконным актом. А такие акты не вправе решать вопрос о создании либо ликвидации национально — государственных образований. Это прерогатива только законов.

Нелепыми и противоправными являлись и те положения Указа, которые "санкционировали" территориальный передел автономных образований.

В полном противоречии со статьей 59 п."б" Конституции РСФСР 1937 года, закрепившей за автономными республиками право на определение своего административно — территориального устройства с последующим утверждением Верховным Советом РСФСР и статьей 15 Конституции Чечено — Ингушской АССР, провозгласившей, что "территория ЧИАССР может быть изменена только с согласия ЧИАССР", Президиум Верховного Совета СССР своим Указом расчленил территорию ЧИАССР.

В соответствии с ним Пригородный район, принадлежавший Ингушетии, был "подарен" сталинским решением Северной Осетии.

Как видим, репрессивные акты, изданные сталинским руководством, бесцеремонно нарушали конституционное законодательство. Они даже не согласовывались с определенной исторической последовательностью их появления и осуществления. Ведь как свидетельствует вышеназванный Указ, ликвидация Чечено-Ингушской АССР и депортация народов, населявших ее территорию, осуществлялись на его основе. Казалось, с этого момента, т.е. с 7 марта 1944 берут начало территориальные манипуляции сталинского режима. Однако, фактически разграбление территорий Чечено-Ингушской АССР началось "в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 марта 1944 года", когда г.Моздок и Пригородный район были введены в состав Северо-Осетинской АССР. Короче говоря, еще не был издан Указ о ликвидации ЧИАССР, а уже ее территория передавалась Северной Осетии. Такая правовая несбалансированность вышеназванных Указов поразительна и возмутительна. Она дает наглядное представление о противоправной деятельности тогдашнего руководства страны.

В этой связи, обращает на себя внимание и постановление СНК СССР от 14 октября 1943 года, которое появилось еще до издания вышеупомянутых Указов. Оно уже предусматривало комплекс мероприятий о депортации репрессированных народов и их расселение на территории Казахстана и Киргизии. Иными словами, это постановление было разработано, а вопрос о ликвидации национально-государственных образований депортированных народов еще не был оформлен на уровне Президиума Верховного Совета СССР. И в этом наглядно проявилась антиконституционная политика сталинского руководства.

Как видим, существовавший в то время тоталитарный режим не считался ни с какими правовыми предписаниями государства. Еще более чудовищной была его практическая деятельность в этом направлении.

Лишь в 1956 году начинается эпоха "осмысления" руководством страны неправомерного характера своих акций в отношении репрессированных народов. В частности, появляется Указ Президиума Верховного Совета СССР "О снятии ограничений по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны".

Но и он носил половинчатый характер. Прежде всего обращает на себя внимание формулировка Указа, согласно которой "...существующие ограничения в правовом положении, находящихся на спецпоселении чеченцев, ингушей, карачаевцев и их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны с Северного Кавказа, в дальнейшем не вызываются необходимостью...". О какой такой необходимости шла речь, Указ не разъясняет.

Не может не вызвать возмущения и п.2 Указа, который предписывал, что "снятие ограничений по спецпоселению... не влечет за собой возвращения их имущества, конфискованного при выселении" и что спецпоселенцы "...не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены".

Как видим, вина с репрессированных народов не снималась, а даже предполагалась. К тому же им было отказано в материальной и территориальной реабилитации. Это еще раз подтвердило тот факт, что большевистское руководство страны беспринципно в своей политике и привержено старым догмам.

Усеченным оказался и Указ Президиума Верховного Совета РСФСР "О восстановлении Чечено-Ингушской АССР и упразднении Грозненской области". Он не восстановил территориальную целостность Ингушетии, существовавшую до депортации народа, а лишь частично ее обозначил путем возвращения под юрисдикцию Чечено-Ингушской АССР некоторых ее территорий. Указ обошел молчанием вопрос о возвращении Ингушетии Пригородного района. Юридически же это было обставлено такой фразой: "поручить Президиуму Верховного Совета Северо-Осетинской АССР и Организационному комитету по Чечено-Ингушской АССР

внести на утверждение Президиума Верховного Совета РСФСР описание границы между Северо — Осетинской АССР и Чечено — Ингушской АССР с учетом упразднения территориальной разобщенности Моздокского района от основной территории Северо — Осетинской АССР".

Как видим, Указом не предусматривалось восстановление территориальной целостности ингушского народа в ее прежнем варианте, создание ингушской автономии, упраздненной незаконно в 1934 году и возвращение г. Владикавказу его двойственного статуса. И по сей день, несмотря на принятие Закона "О реабилитации репрессированных народов", ингушский народ не восстановлен в своих правах. Прежде всего не решается вопрос о его территориальной целостности. На фоне бездействия руководства Российской Федерации Северная Осетия всячески пытается удержать под своей юрисдикцией Пригородный район, принадлежащий Ингушетии. Еще в 1956 году Совет Министров СОАССР в своем конфиденциальном письме за №063 категорически запретил "...учреждениям и частным лицам продавать дома или сдавать площадь под квартиры ингушам, возвращающимся из поселения, а в отношении лиц, уже приобретших дома предписал "документацию купли — продажи" признать недействительной.

Затем 5 марта 1982 года подобную противозаконную акцию предпринял Совет Министров СССР. Своим постановлением №183 "Об ограничении прописки граждан в Пригородном районе Северо — Осетинской АССР" он запретил прописывать граждан, вновь прибывающих сюда на постоянное жительство.

С тех пор власти Северной Осетии всячески насаждают эту антиконституционную политику. Чтобы во что бы то ни стало удержать под своей юрисдикцией Пригородный район, они постоянно вводят на его территории чрезвычайное положение.

Все это не согласуется с нормами ни международного, ни внутригосударственного права.

Восстановление территориальной целостности Ингушетии — законное требование ингушского народа. Оно прежде всего вытекает из статей 3 и 6 Закона Российской Федерации "О реабилитации репресси-

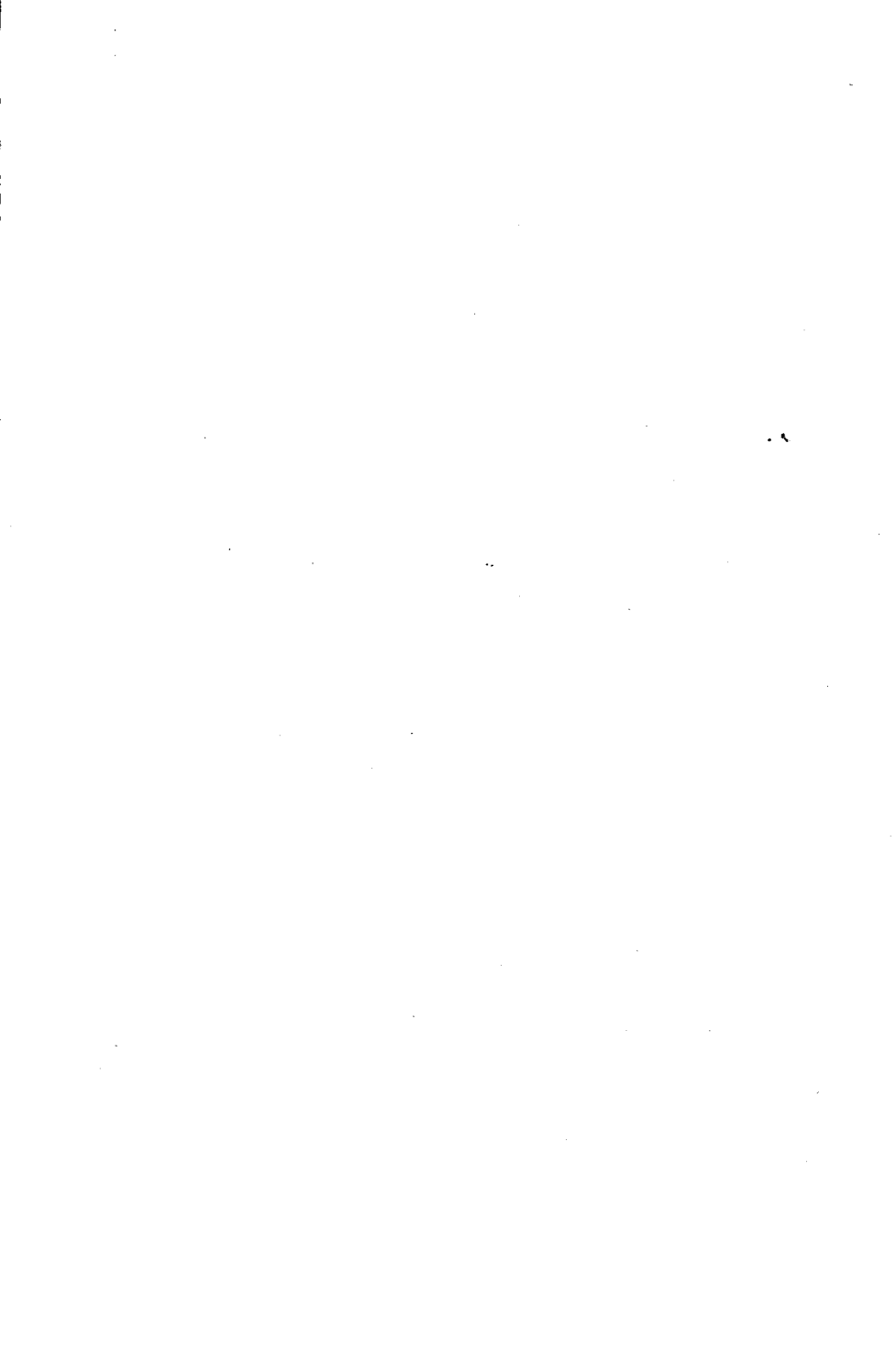
рованных народов", которые провозглашают их право на восстановление их территориального пространства, существовавшего до его антиконституционного насильственного изменения.

Чтобы воспрепятствовать этому, власти Северной Осетии используют такой демагогический прием, как несоответствие указанных статей Закона "О реабилитации репрессированных народов" статье 80 Конституции Российской Федерации, провозгласившей, что территория республики не может быть изменена без ее согласия.

Надуманность этого довода очевидна, ибо в указанной статье идет речь о собственных территориях республик. Те же, которые к ним были насильственно присоединены, таковыми не являются. Разве не понятно, что изгнание ингушей со своих земель и передача их Северной Осетии было антиконституционным актом?! Достаточно так сформулировать вопрос, чтобы убедиться в беспочвенности позиции тех, кто препятствует восстановлению территориальной целостности Ингушетии.

Разумеется, решение этой проблемы должно осуществляться на согласительной основе. Иными словами, возвращение под юрисдикцию Ингушетии принадлежавшей ей территории, не должно сопровождаться ущемлением законных прав и интересов граждан других национальностей, населяющих ее в настоящее время. Для этого необходимо выработать специальный механизм, который бы действовал на согласительной основе. Именно к этому и призывает ингушская сторона. Однако руководство Северной Осетии всячески уклоняется от конструктивного диалога и изобретает все новые и новые доводы, чтобы навечно закрепить за Северной Осетией ингушские земли. В частности, в последнее время оно ссылается на волеизъявление проживающего на них населения. Спрашивается: причем здесь волеизъявление населения, проживающего на территории, принадлежавшей Ингушетии?!

Следовательно, вывод может быть однозначным: восстановление территориальной целостности — законное требование ингушского народа. И чем быстрее это свершится, тем быстрее будет устранен опасный очаг межнациональных конфликтов в этом регионе.

*Светлана Червонная, доктор
искусствоведения, профессор*

РОССИЙСКАЯ ЭТНОПОЛИТИКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ:

СМЫСЛ И БЕЗУМИЕ ЧЕЧЕНСКОЙ ВОЙНЫ

Традиционная и последовательная российская политика на Северном Кавказе — это агрессивная империалистическая политика захвата чужих территорий, разрушения местных этнических культур, подавления воли горских народов, их порабощение, эксплуатация, вытеснение с их исторической родины, а при сопротивлении этих народов насилию как максима российской этнополитики (не до конца практически реализованный, но желательный императив) выступает стремление к их полному уничтожению — этнический геноцид.

Особую окраску этой политике придает антиисламский фактор, а именно традиционная враждебность России исламу, стремление ограничить поле его культурного и идейного влияния, отчасти стихийный (в массовом, обывательском сознании), отчасти искусственно культивируемый (официальной пропагандой, средствами массовой информации, всей системой фальсификации истории народов Кавказа) страх перед "исламским фундаментализмом" и, вообще, перед магометанским миром, причем этот страх, сопровождавший уже в прошлом веке весь ход завоевания Кавказа, вошел в российскую ментальность задолго до того, как само понятие "исламский фундаментализм" приобрело терминологическую четкость и реальное содержание, соотносимое с процессами и событиями в новейшей истории Центральной Азии, Ближнего Востока, арабского мира, но никак не Северного Кавказа.

Классический принцип этнополитики всех империй мира "Divide et impera (разделяй и властвуй)" имел в российской политике на Северном Кавказе, по крайнем

мере, две важнейшие дополнительные черты, или конкретные особенности, которые в других регионах российского владычества, широко простирающегося на Север, Дальний Восток, азиатский и европейский (причерноморский) Юг и на Запад, не говоря уже о "внутренних инородческих анклавах" России (в Поволжье, на Урале, в Сибири), не были выражены так четко. Дело в том, что просто столкнуть друг с другом народы, разделяя их по чисто этническому принципу и искусно разжигая именно этнические, национальные конфликты, как это удавалось российским колонизаторам и давнего, царского, и недавнего, большевистского прошлого, и нынешней, постперестроечной современности в других местах, — на Северном Кавказе, представляющем собой уникальный по множественности составляющих частей полиэтнический, полилингвистический культурный комплекс, казалось слишком легко и в действительности было чрезвычайно трудно в силу устойчивых исторических традиций взаимной толерантности, выработанной культуры межнациональных отношений горских народов Кавказа, привыкших к соседству разных языков, к сосуществованию на сравнительно небольшой территории многих, как более крупных, так и мельчайших по численности этнических групп, порою в самом причудливом, чересполосном, смешанном или рассеянном расселении. Воспитать у горцев Северного Кавказа чувство враждебности к ближайшим соседям на том основании, что у них другой язык, другой этноним, другой характер этнической культуры или другой преобладающий антропологический тип, — дело почти безнадежное, ибо люди веками живут здесь в ситуации теснейшего соприкосновения языков и культур, не мешающего их жизненным интересам.

Поэтому на первый план в российской политике "разделения" народов, провоцирования внутренних конфликтов на Северном Кавказе выдвинулось не столько этническое, сколько социально — политическое и профессиональное размежевание. В первом случае выявлялась установка на внутриэтнический раскол: разжигание противоречий и конфликтов между родами

(тейпами), между различными социальными группами ("классами"), между силами разной политической ориентации, партиями и т.п. внутри каждого этноса. Во втором случае предпринимались усиленные попытки противопоставить всему мусульманскому миру горного и степного Северного Кавказа христианские анклавы по обе стороны Кавказского хребта, объединить в этом антиисламском противостоянии древнее, местное, коренное и новое, пришлое население, то — есть русских (прежде всего казаков), грузин, армян, осетин, греков, немецких колонистов и других христиан, которым внушалась идея их исключительности, их особой миссии в распространении христианской цивилизации на юг и на восток. Попытки насильственного крещения, обращения горцев Северного Кавказа в православных здесь были практически безуспешны. Если такого рода методы были, можно сказать, главными в более ранней, средневековой российской колонизаторской политике и довольно эффективно претворялись в жизнь при колонизации угро-финского Севера, Поволжья, Сибири, Алтая и некоторых других регионов, то в ходе завоевания Северного Кавказа, — так же, как при российской аннексии Крыма, Восточного Закавказья (Азербайджана), Средней Азии, — основная ставка российской политики делалась не на христианских миссионеров, уже не способных, да и не особо стремящихся обратить местное население в православие, а на идеологическую конфронтацию, изоляцию мусульманского мира, на воспитание общероссийской враждебности к "магометанам", которые в соответствии с официальными пропагандистскими клише царской империи должны были фигурировать в роли свирепых разбойников ("абреков") и темных дикарей.

Чем меньше были российские успехи в христианизации коренного населения Северного Кавказа (православие получило распространение лишь среди значительной части осетинского народа и в очень узких кругах, в основном среди аристократии, Кабарды и некоторых родственных кабардинцам абазино-адыго-абхазских этнических групп), тем более жесткой стано —

вилась политическая установка на конфронтацию: "мы — христиане, наши враги — мусульмане". Правда, она сочеталась — на разных этапах российской политики более или менее интенсивно — с попытками вести диалог с лидерами мусульманского мира, со стремлением создать видимость российской веротерпимости (а после революции — с попытками Советской власти опереться на "трудящихся мусульман"), с усилиями взять под контроль деятельность легальных мечетей ("официальных" мулл), специально сконструированных муфтиатов (местных управлений по делам мусульманской религии), внедрить свои "кадры" (включая осведомителей и провокаторов, штатных и внештатных сотрудников царской охранки и советских "органов" безопасности) в мусульманский мир и сформировать среди служителей культа и верующих "пятые колонны" поддержки российского режима. Но за всем этим всегда стояла главная установка российской политики на конфронтацию, на отчуждение, враждебность России мусульманскому миру, а в кризисные моменты российской истории она оборачивалась яростными вспышками мусульманофобии, массовыми истериками, сопровождающими и ход последней "чеченской войны".

Характерно, что в чисто этническом плане Россия (на всех уровнях — от официальной власти и интеллигентской элиты до малограмотного люмпена) всегда была склонна воспринимать народоселение Северного Кавказа как малорасчлененный монолит, называя едва ли всех горцев черкесами (в духе романтической традиции прошлого века) или "лицами кавказской национальности" (в духе милицейского жаргона нашего времени) и оставляя все проблемы языковой, этнической, историко-культурной дифференциации этого населения узкому кругу специалистов, чьи труды оставались невосприимчивыми политиками как старой, самодержавной, так и новой, коммунистической и посткоммунистической России. Правда, некоторое исключение из этого правила составила сталинско-жdanовская линия советской национальной политики на Северном Кавказе: разъясняя народу, в чем порочность оперы "Великая дружба" Ваню Мурадели, великий вождь и его верный

последователь — партийный идеолог, как известно, прямо указывали, какие народы на Кавказе проявили себя еще в годы гражданской войны с хорошей стороны, а какие оказались предателями или врагами Советской власти, к кому из них можно относиться с симпатией, а кого надо ненавидеть.

Да и сама политика выборочной депортации народов Северного Кавказа в 1940-х годах велась на основе настолько изоциренного этнического подхода, что нака — занию подвергались не только все лица одной нацио — нальности (тут уж не общекавказской, а точно, метко этнически очерченной), но и все, действительно, ро — дственные этнические группы: балкарцы и карачаевцы (фактически единый тюркоязычный народ, и тут уж не спутали, не соединили их ни с кабардинцами, ни с черкесами, как путали и соединяли их судьбы при строительстве "социалистических автономий"), вслед за ними все народы вайнахской этнической общности, причем не только чеченцы и ингуши, но не забыта была и родственная чеченцам маленькая группа аккинцев соседнего Дагестана, которых уж никак нельзя было обвинить в коллаборационизме с оккупантами, по — скольку до Дагестана гитлеровские войска не дошли. И все же сталинская политика разделения народов Кав — каза по этническому признаку, хотя и составила широ — кую, особенно мрачную полосу в истории российского господства на Северном Кавказе, была скорее исклю — чением из правила. Правилom же было стремление России держать в подчинении все горские народы Се — верного Кавказа, не допуская самостоятельности и сво — бодного развития ни одного из них и разыгрывая карту внутренних противоречий, внутренних разногласий и конфликтов на основе умелого противопоставления друг другу разных кланов (разных политических сил) и раз — ных религий.

Противопоставление кланов никогда не было хрес — томатийным разделением на "красных" и "белых", хотя большевики, провозгласившие принцип классовой борьбы движущей силой истории, внесли свою лепту в нацио — нальное разобщение, разведение представителей одного

народа по разные стороны "баррикад", в разделение людей одной культуры, одной национальности на "своих" и "врагов" при чудовищно — перманентном процессе формирования и разоблачения все новых и новых групп "врагов" из "своей" национальной среды. Но и задолго до большевиков самодержавная Россия делала ставку на феодально — аристократическую верхушку местной знати, на противоречия, вытекающие из тейповой структуры горских сообществ, на своекорыстие больших и малых князьков, предававших интересы собственных народов. Были среди них и хан Тюринский, и шамхал Тарковский, и аварская ханша Паху — бике, и иные, даже имен своих не оставившие в народной памяти правители, подписывавшие кабальные договоры с "белым царем", давшие adeptам и демагогам российской имперской политики на долгие годы вперед возможность твердить о "добровольном присоединении" Кабарды, Осетии, Адыгеи да чуть ли не всего Северного Кавказа к России. Однако, подлинной виртуозности в искусстве раскалывания наций достигли теоретики и практики современной национальной политики России на Северном Кавказе, передавшие эстафету освоенной ими мудрой дипломатии из "застойных" 1970 — х в "перестроечные" 1980 — е и в постсоветские 1990 — е годы.

Детищем и монстром этой политики была (и практически остается) национальная партийная номенклатура и бюрократия, выращенная из представителей всех этносов Северного Кавказа, обладающая исключительной способностью к демагогии и политической мимикрии, готовая ради сохранения собственной власти на любое предательство народных интересов, на любые экономические и экологические эксперименты над родной землей, на любые политические и моральные преступления. Вчерашние секретари обкомов и райкомов КПСС, чьи колоритные кавказские имена и фамилии должны были демонстрировать, что политика партии является собственной политикой народов Кавказа, сегодня от лично чувствуют себя в новых креслах и в новых должностях руководителей местной администрации, президентов, председателей парламентов якобы суверенных

республик, депутатов российской Думы или Федерального собрания. Осетин Ахсарбек Галазов, карачаевец Владимир Хубиев, кабардинец Валерий Коков, чеченцы Доку Завгаев или Саламбек Хаджиев, аварец Рамазан Абдулатипов и многие другие, более и менее заметные фигуры вписываются в этот ряд национал — предателей, порожденных и выращенных российско — советской кадровой политикой на Северном Кавказе. Их руками Россия надеется задушить любое проявление национального самосознания, любую попытку национального самоопределения, любое освободительное движение горских народов Северного Кавказа.

И надежды эти вовсе не напрасны. Приведем один лишь пример — режим правления Хубиева. Не какой — нибудь русский наместник в Черкесске, не человек со стороны, а деятель, демонстрирующий свою принадлежность к карачаевскому народу, сумел свести на — нет все достижения массового национального движения, возглавленного на рубеже 1980 — 90 — х годов демократической организацией "Джамагат", снять уже близкий к решению вопрос о территориальной реабилитации репрессированного народа, о восстановлении Карачаевской автономии, довести политическую жизнь Карачаево — Черкесии до полного паралича, при котором исключается даже формальная выборность руководителя республики, который здесь не избирается народом, а назначается указом российского Президента.

Новым изобретением российской политики является формирование так называемых "оппозиций" из "национальных кадров", которые внедряются, как троянский конь, в те северокавказские республики, где все же не удалось создать режимы, подобные хубиевскому, и предотвратить демократические процессы и успехи национально — освободительного движения. Самым ярким примером такого рода является так называемая "оппозиция" дудаевскому режиму, созданная в Москве. Бросая эту "оппозицию" в разведку боем против независимой Чечни осенью 1994 года, надеясь ее руками сделать черную работу — если не свергнуть "режим Дудаева", то хотя бы спровоцировать такие крупномасштабные бес —

порядки, которые оправдали бы введение чрезвычайного положения и прямое российское военное вмешательство во внутренние дела Чечни, вооружая эту оппозицию, российское руководство на первых порах проявляло поразительную неразборчивость в выборе основных действующих фигур этой "оппозиции". Не брезговали ни отъявленным уголовником (Руслан Лабазанов — опасный преступник, осужденный на 10 лет за убийство, возглавивший тюремный бунт в грозненском следственном изоляторе осенью 1991 года, прославившийся дерзкими грабежами, крутыми "разборками", мститель и "головорез" в буквальном, страшном смысле этого слова), ни вчерашним партийным или советским "ответственным работником" (Доку Завгаев — бывший секретарь Чечено — Ингушского обкома КПСС, поддержавший в августе 1991 года ГКЧП, Умар Автурханов — бывший председатель Надтеречного райисполкома), ни местным князьком, рвущимся к большой власти при поддержке родственников (некий Герсолт Эльмурзаев из Урус — Мартана, заявивший о создании "органитета национального спасения"), ни мелким "паханом" мафиозной группировки, ни таким крупным политическим банкротом и авантюристом, как недавно выпущенный из Лефортовской тюрьмы бывший Председатель Верховного Совета России Руслан Хасбулатов, примеряющий теперь к своему бледному лицу новый ореол и наряд миротворца и "отца чеченской нации".

По ходу чеченской войны марионеточные фигуры в кругах антидудаевской "оппозиции" постоянно менялись: забывались одни, всплывали другие имена, исчезали и вновь возвращались на сцену своего политического цирка, меняя наряды и роли, послушные ставленники Москвы.

"Временный Совет" во главе с Умаром Автурхановым в Знаменском формально был создан 4 июня 1994 года, однако эта идея вынашивалась и кандидатуры членов Совета (22 человека) подбирались в кремлевских кабинетах и штабах российской контрразведки уже с декабря 1993 года. Временным Советом был сформирован Кабинет Министров, выполнявший чисто фиктивную роль

"оппозиционного правительства". Путая имена, российский средства массовой информации называли премьера этого Кабинета то Али Алаудиновым, то Эли Алаудиновым и совсем уж смутно представляли деятельность его заместителей Алаша Сайханова, Бедруди Джамадханова и министров ("иностранных дел") Руслана Мадиева, ("внутренних дел") Вахая Ибрагимова и прочих. Довольно трезво оценивая события в Надтеречном районе, авантюру с формированием Временного Совета, деятельность Умара Автурханова и его окружения, корреспондент газеты "Известия" Валерий Выжutowич уже летом 1994 года писал:

"...Человек, на которого сделала ставку Москва, пользуется в республике поддержкой только своих родственников и не очень многочисленных земляков. Недовольство режимом Дудаева, нескрываемое многими из моих собеседников, никак не конвертируется в безоговорочную поддержку Автурханова и провозглашенной им "новой власти". Тому достаточно причин, но есть главная: Временный Совет и его лидеры решительно не приветствуют отделение Чечени от России. Как сказал мне заместитель министра иностранных дел республики Руслан Чимасв: "Москва вызвала из политического небытия Автурханова, потому что больше никто из оппозиции, критикуя Дудаева, не выступает против чеченской государственности".

Между тем за Автурхановым в республике стоят люди весьма влиятельные, располагающие солидными капиталами. Это бывшая партийно-советская номенклатура, отодвинутая Дудаевым на задворки власти и политики. Большинство местных наблюдателей сходится во мнении, что Автурханов, конечно же, фигура промежуточная, мобилизованная для расчистки пути более авторитетному лидеру, пока пребывающему в тени. Таким здесь склонны считать, например, Доку Завгаева, бывшего первого секретаря Чечено-Ингушского Обкома, отставного председателя Верховного Совета республики, а ныне сотрудника администрации Президента России".

(В.Выжutowич. Что происходит в Чечне. "Известия", 1994г. 16 августа)

Прогнозы такого рода оказались не беспочвенными, и уже с конца 1994 года московские кураторы кавказских событий стали подыскивать более солидные фигуры из чеченской среды для дальнейшего раскола нации. Али Алаудинова бесцеремонно отстранили от дел, и 24 ноября из Москвы в Знаменское прибыл Саламбек Хаджиев, чтобы возглавить оппозиционный "Кабинет министров", названный теперь "правительством национального возрождения" с 21 министерской должностью в его списочном составе.

Однако слишком церемониться со своим новым ставленником Москва также не собирается, и как верно подметили корреспонденты газеты "Московские новости" в январе 1995 года: "В Грозном еще идут бои, а в Москве уже ищут альтернативу сформированному ранее правительству национального возрождения (Саламбека Хаджиева). Не исключено к тому же, что скоро в Чечне начнется "триумфальное шествие советской власти". В Москве заговорили о новой роли разогнанного Верховного Совета Чечено-Ингушской Советской Социалистической республики (...) Как известно, председателем этого Верховного Совета был Доку Завгаев, нынешний руководитель отдела в аппарате Президента России. Если учесть, что Завгаев курирует регионы и республики, в том числе и северокавказские, с лидером которых к тому же его связывает прежняя дружба, становится понятным, кто стоит за идеей о созыве ВС".

(Д.Бальбуров, С.Шерматова. Москва ставит не только на Саламбека Хаджиева. "Московские новости", 1995г., 3 (15-22 янв.).

О том, насколько мало дорожит Москва своими политическими марионетками и с какой легкостью готова менять их друг на друга, свидетельствует и так называемый "нулевой вариант", который был предложен российской стороной на переговорах с представителями Чечни, начавшихся в июне 1995 года после трагических событий в Буденовске: пусть одновременно "уйдут в отставку" и президент Чечни Джохар Дудаев, и Саламбек Хаджиев со всеми его министрами "правительства национального возрождения". Понятно, что на чечен-

скую сторону в этом случае оказывается грубое давление с требованием отстранения от власти всенародно избранным президентом республики (на выборах 27 октября 1991 года за Джохара Дудаева проголосовало 412 671 гражданин Чечни, то — есть 90,1% от принявших участие в выборах, или 63,1% от общего числа избирателей Чечни). Но характерно при этом, что судьбу Саламбека Хаджиева и других лидеров так называемой "оппозиции" (предполагалось, что все они должны оставить свои "посты", если уйдет Дудаев) Москва решила по ходу переговоров совершенно произвольно, даже для профформы не спрашивая их согласия. Только отказ чеченской стороны "сдать" своего президента продлил срок пребывания Хаджиева на его посту, разумеется, ненадолго, до следующего крутого виража российской дипломатии. В нормальных условиях, без опоры на русские штыки (танки, самолеты, карательные отряды и все, что сюда стянуто всеми силовыми министерствами воюющей России) не только руководить каким — то правительством, но даже просто жить на чеченской земле человек, предавший свой народ, не сможет и одного дня. Но как ни печальна судьба национал — предателей, число их на Северном Кавказе не переводится, ибо категория деятелей такого рода формируется специальными усилиями (и крупными финансовыми затратами) российской не — окOLONиальной политики.

Мы не ставим своей задачей создание целостной панорамы всех драматических событий, военных действий и закулисных политических интриг, связанных с формированием конфликтной ситуации, которую следовало бы рассматривать с осени 1991 года (в первоисточниках и первопричинах, разумеется, еще раньше), последовательно и внимательно на протяжении четырех лет; с ходом "чеченской войны", которую Россия сначала тайно (руками наемников, под прикрытием "национальной оппозиции"), а с 11 декабря 1994 года уже открыто и явно ведет против народа республики Ичкерия (Чечня), провозгласившей свою независимость с 1 ноября 1991 года и не пожелавшей оставаться "субъектом Российской Федерации", то есть, колониальным придатком России.

Приложением к данному тексту является составленный нами краткий перечень наиболее значительных публикаций по "чеченскому вопросу", появившихся за последний год в российской и германской печати — научной литературе и публицистике (несомненно, аналогии таких публикаций существуют во всех странах, общественность которых пристально следит за тем, как разворачивается трагедия российско-чеченской войны, мы просто ограничили наш библиографический перечень русскоязычной, включая издания Украины, и немецкой литературой и журналистикой). Из этого перечня мы сознательно не исключаем материалы, отражающие противоположные точки зрения, в том числе такие, которые оправдывают российскую агрессию и распространяют циничную ложь о "наших солдатах, которые только честно и мужественно исполняют свой долг". Это — из статьи Станислава Говорухина "Не стреляйте в спину солдатам", опубликованной в "Советской России" 27 июня 1995 года и перепечатанной многими "патриотическими изданиями". Она далеко не единственная: жириновско-говорухинский бред, полнотное бормотание ("Чеченцы сами виноваты", "Россия наведет порядок в Чечне", "Чечня была и будет Россией" — это уже из июльского, 1995, телеинтервью российского премьера Виктора Черномырдина, отвечающего на вопросы репортера Александра Невзорова) жирными пятнами смердящего шовинизма растекается по всей российской печати, и голос апологетов имперской политики, срывающийся то на истерический визг, то на внушительный начальственный бас, необходимо расслышать и выявить достаточно четко, чтобы представить себе, в какую бездну гражданской войны — войны властных структур против угнетенных народов — втягивается современная Россия.

Рассматривая "смысл и безумие" античеченской войны в контексте прошлой и нынешней российской национальной политики на Северном Кавказе, мы приходим к следующим выводам, которые обозначим в виде кратких тезисов (каждый из них может быть пространно раскрыт на основе материалов, которыми мы распола —

гаем, и целого комплекса исторических сопоставлений, этнополитологических исследований и анализов). »

1. Развязанная силами имперской ориентации, санкционированная высшим российским руководством, проводимая в интересах самых реакционных (фашистствующих) политических сил и мафиозных, коррумпированных групп в военно — промышленном комплексе, в армии, во внутренних силовых структурах, война России против народа Чечни преступна по своим методам, связанным с чудовищными нарушениями прав человека, с применением против мирного населения оружия массового уничтожения, и по своим целям, направленным на утнетение свободолюбивого народа, на витализацию колониальных основ российского государства. Она преступна не только по отношению к чеченскому этносу, вновь (после сталинской депортации) обреченному на массовый геноцид, не только по отношению ко всему народу Чечни, который становится жертвой государственного насилия, терпит бедствия на уровне общенациональной социальной и экологической катастрофы, но и по отношению к гражданам России, которые становятся заложниками этой преступной политики (трагедия в Буденовске), особенно по отношению к российским военнослужащим, поставленным перед необходимостью выполнять преступные приказы.

Мы приведем здесь лишь одну справку "Какое оружие применяется российской армией в Чечне" (составлена специалистами Министерства Обороны России и уже в силу этого авторства не только не преувеличивает, но, возможно, даже занижает чисто военные показатели подлинного масштаба российской агрессии; опубликована в книге "Чечня. Как это было?". Одесса, 1995. С.75 — 76) Из этой справки следует, что российская армия использовала в Грозном все виды боеприпасов и артиллерийские установки, в том числе залпового огня, предназначенные для уничтожения живой силы противника и инженерных коммуникаций в условиях полномасштабных боевых действий, какие возможны при ведении современных "полнокровных" войн. Их применение в населенных пунктах приводит к массовым жертвам среди

мирного населения и разрушениям, фактически оза — чающим полное уничтожение поселков и городов. Та — кими артиллерийскими установками до основания раз — рушен весь центр Грозного, столица Чечни превращена в груду развалин, сопоставимую примерно с тем, во что превратили Варшаву гитлеровские оккупанты после под — авления восстания 1944 года. Российская армия в Чечне использовала 152 — миллиметровые гаубицы, в том числе самоходные, осколочно — фугасные снаряды повышен — ного могущества (вес 46 кг, дальность стрельбы 20 км, площадь поражения открытой живой силы — 800 кв.м) и игольчатые снаряды с убийными стреловидными эле — ментами (площадь поражения 1200 кв.м). При штурме Грозного применялись реактивные системы залпового огня "Ураган", снаряды осколочно — фугасные (вес 270 кг, дальность стрельбы до 34 км, площадь поражения более 2 гектаров) и кассетные (площадь поражения 2,5 гектара). Для 120 — миллиметровых минометов и само — ходных орудий "Нона" использовались мины, имеющие дальность стрельбы 7 километров.

Эти данные свидетельствуют о преступности рос — сийской агрессии против Чечни с военной и правовой точки зрения. Напомним, что специальный дополни — тельный Протокол к Женевской конвенции от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов международного характера, принятый в Женеве 8 июня 1977 года и обязательный для России, включает в себя специальные статьи, предусматриваю — щие наказание за преступления против человечности. Речь идет об уголовном наказании "для лиц, совершив — ших или приказавших совершить те или иные серьезные нарушения настоящей конвенции". При этом "к серь — езным нарушениям относятся:....Преднамеренное при — чинение тяжелых страданий или серьезного увечья, нанесение ущерба здоровью, незаконное, произвольное и проводимое в большом масштабе разрушение...". Ука — зывается (статья 51): "Гражданское население как та — ковое, а также отдельные гражданские лица не должны являться объектом нападений. Нападения неизбира — тельного характера запрещаются. К нападениям неиз —

бирательного характера относятся: нападение путем бомбардировки любыми методами или средствами, при которых в качестве единого военного объекта рассматривается ряд явно отстоящих друг от друга и различных военных объектов, расположенных в городе, в деревне или в другом районе, где сосредоточены гражданские лица или гражданские объекты. Нападение, которое, как можно ожидать, попутно повлечет за собой потери жизни среди гражданского населения, ранения гражданских лиц и ущерб гражданским объектам или то и другое вместе...". Размах и количество таких преступлений против человечности, уже совершенных российской военщиной в Чечне, дают все основания для квалификации этой войны как преступной, противоречащей основам международного права и конвенциям об основных правах человека.

2. Это война не может быть ни морально, ни юридически оправдана никакими ссылками на Конституцию Российской Федерации 1993 года (которую народ Чечни не принимал, не участвуя в российском референдуме по этой Конституции), никакими рассуждениями о необходимости сохранения территориальной целостности России, в которую Чечня (Ичкерия) с момента объявления ею с 1 ноября 1991 года своей государственной независимости (на основе легитимного народного волеизъявления и признанного международным сообществом права народа, подвергшегося агрессии и порабощению другим государством, на свое национальное освобождение и самоопределение) не входит.

С момента издания первого Указа избранного всем народом Чечни Президента Джохара Дудаева о независимости республики (который опирался на Закон о государственном суверенитете и волеизъявление граждан республики) в течение более чем трех лет Чечня фактически существовала как независимое государство. Была принята и действовала Конституция республики, утверждавшая ее государственную независимость. Чечня ни разу не участвовала ни в одном российском голосовании — ни в выборах, ни в референдуме, не посылала своих представителей в российские органы власти. В

течение трех с лишним лет российская администрация на территории Чечни не появлялась. Российская власть не финансировала бюджет Чечни, не взимала налогов с чеченских предприятий, никак не распространялась на внутренние дела Чечни. Чечня стала первой территорией бывшего Советского Союза, откуда ушли дислоцированные здесь Вооруженные Силы. Даже из Прибалтики российские войска ушли значительно позже, чем из Чечни, а с территории некоторых независимых государств, например, из Молдавии не желают окончательно уходить и сегодня. В Чечне им не было места, они были выдворены отсюда (из некоторых гарнизонов пешно эвакуировались, бросая оружие) уже осенью 1991 года. Чечня де-факто перестала быть территорией Российской Федерации, и восстанавливать на этой территории "российский конституционный порядок" — это все равно что восстанавливать его сегодня в Литве или в Туркмении.

3. Попытка переложить историческую вину и ответственность за развязанную Россией "чеченскую войну" на так называемый "преступный дудаевский режим" является циничной политической демагогией и оказывается совершенно несостоятельной при анализе действительного положения дел в Чечне. Не Дудаев начал эту войну, обрушив ад артиллерийских обстрелов, авиационных бомбежек и карательных экспедиций на мирные города и села республики, не Дудаев вооружил отряды и спровоцировал выступления так называемой "национальной оппозиции", создавшей видимость общественного раскола, анархии, беспорядка, произвола незаконных вооруженных формирований, для предотвращения которых якобы потребовалось введение в Чечню российских войск; наконец, не Дудаев "импортировал" в Чечню идею независимости или навязал эту независимость своему народу, напротив, он был всенародно избран осенью 1991 года Президентом Чечни именно потому и только потому, что готов был претворить в жизнь уже окрепшую в народном сознании, овладевшую массами, выражающую несокрушимую волю народа идею государственной независимости Чечни.

Внутриполитическая и социальная обстановка в республике Ичкерия (Чечня) на всем протяжении ее реального существования вне Советского Союза и вне Российской Федерации (с осени 1991 до осени 1994 года) была, разумеется, далека от идеала демократического и процветающего общества, включая в себя и моменты критических обострений ситуации (ропуск парламента), и многие неизбежные в данных исторических условиях противоречия и трудности, связанные с печальным наследием коммунистического режима, с экономической блокадой со стороны России и с дипломатической изоляцией "непризнанной" Чечни, с низкой политической культурой народонаселения, с неопытностью и слабостью молодой чеченской демократии, с активностью криминальных сил и со множеством других факторов. Но это была та же самая постсоветская жизнь, какой — хуже или чуть лучше — жили все вырвавшиеся из бывшего Советского Союза, обретшие желанную независимость (но никак не полное благополучие) государства, включая и территории самой Российской Федерации, где имели место и те же политические кризисы (сентябрьский роспуск и октябрьский расстрел парламента в 1993 году), и те же трудности, и те же контрасты богатства и нищеты, и те же взрывы межнациональных конфликтов, и тот же криминальный беспредел и террор, с которым никак не справлялись правоохранительные органы. Никаких особых показателей и оснований для введения российских войск в Чечню не было: войну с бандитизмом Россия могла бы с большим успехом начать у себя в Москве или у себя — в Предднестровье, в Абхазии, а если рассматривать танки, артиллерию и боевую авиацию как средство борьбы с экономической разрухой и денежной инфляцией, то российскую армию надо было бы с аналогичными боевыми заданиями послать на Украину или в собственные области и края, где люди так же, как в Чечне, месяцами не получали зарплаты, пособий и пенсий или получали гроши, оставлявшие их за чертой бедности. Не спасать обедневший (не более, чем повсюду в России) народ Чечни, не защищать нарушаемую (не более, чем где-либо) за —

конность посылали в Чечню сначала тайно вербуемых наемников, а затем и регулярные части российской армии и ее внутренние войска. Это была война за чеченскую землю, которая по замыслам российского руководства должна была вечно оставаться российской колонией, за чеченскую нефть и прочие богатства этой земли, которые должны были принадлежать России, за все явные и скрытые стратегические преимущества этой территории, включая ее соприкосновение с Грузией, война против чеченского народа, посмеявшего самосто — ятельно решить свою судьбу, то — есть типично колони — альная, антинародная война и захватническая агрессия. Виновников, затеявших эту войну, которая за полгода унесла уже десятки тысяч и русских, и чеченских жиз — ней, включая жизни детей, следует искать в Москве, а не в Грозном, и не только переложить вину на чеченское руководство, но даже создать видимость равной ответ — ственности "двух воюющих сторон" российским поли — тикам никогда не удастся. На стороне Дудаева, действи — тельно воюют (и воюют прекрасно — не с женщинами и детьми, а с супермоцью военной державы, воюют до — блестно и красиво, умно и достойно, показывая всему миру образцы дерзновенной смелости, великодушия к пленным, рыцарского благородства) те, кого в России называют "дудаевскими боевиками" или "вооружен — ными бандитами". Они воюют за свою землю, за свои дома и аулы, защищая жизнь и честь своих жен и детей, за свою свободу, за свою родину, которую они хотят видеть не российской колонией, а вольной республикой Ичкерия. Со стороны чеченского народа это справедли — вая и, действительно, священная война (не по исламской формуле "газавата", а с позиций общечеловеческой морали и международного права). Напротив, для России — это такая же позорная война, как последняя война Советского Союза в Афганистане, и не может быть чести ее участникам, и не может быть прощения ее зачинщи — кам.

4. Последствиями этой войны для России становятся рост общенационального недовольства, недоверия к пра — вительству и Президенту, усиливающийся раскол об —

щества и обострение разногласий между политическими силами, входящими в режим конфронтации и полярного противостояния. Все это можно рассматривать как симптомы "раскачивания маятника", разрушения и без того довольно хрупкой стабильности, вползания России в новый кошмар гражданской войны или тоталитарной диктатуры, которая начнет уничтожать не только все проявления гражданского сопротивления режиму, но и все признаки инакомыслия, противоречия, официальные догмы, в том числе и по вопросу оценки "чеченской войны".

Как частный момент, характеризующий и усиливающий нестабильность в России, следует отметить стремительное падение престижа армии в глазах народа, усиление антиармейских настроений, увеличение числа случаев дезертирства, отказа от службы в армии российских юношей, не желающих быть пушечным мясом в грязной войне, превращение Министра Обороны России Павла Грачева в крайне одиозную фигуру. Общественным сознанием России он воспринимается как палач, безжалостный и к своему, и к чеченскому народу, как нечистый на руку мародер, казнокрад и взяточник ("Паша — мерседес"), как политический шулер, ни одному слову которого нельзя верить, как безграмотный и безответственный человек, не способный профессионально решить даже узкие, чисто военные задачи. Все в России помнят его заявление, сделанное в конце осени 1994 года о том, что российская армия не принимает никакого участия в боевых действиях на территории Чечни (прямая, беззастенчивая ложь), и о том, что "если бы воевала армия, то по крайней мере одним парашютно-десантным полком можно было бы в течение двух часов решить все" (Известия, 1994, 29 ноября). Эта бравада и пустое бахвальство особенно раздражают российскую общественность: с той поры прошло не два часа и даже не два месяца и не один полк угробил министр обороны при штурмах чеченских населенных пунктов, в боях и при движении воинских частей по дорогам Чечни, не решив военными средствами ни один вопрос. Трудно считать нормальным положение в той

стране, трудно назвать стабильным и здоровым такое общество, где подавляющая часть населения к собственному Министру обороны относится с нескрываемым презрением, недоверием и враждебностью. Это лишь один из факторов, подтверждающих, что в итоге чеченской войны, развязанной российским руководством страны, гибнет сама Россия.

5. В международном плане близорукая, трусливая и предательская позиция "невмешательства", занятая первоначально ведущими державами мира, которые объявили кровавую бойню в Чечне "внутренним делом" России и тем самым развязали руки агрессору, неизбежно должно смениться трезвой и критической оценкой мировой общественностью того, что происходит в России, осуждением ее политики, ее агрессии, принятием действенных мер, вытекающих из такого осуждения. Вероятно, события в этом направлении будут развиваться по тому же сценарию, по какому шла в последние годы эволюция европейского и американского отношения к сербской агрессии против народов бывшей Югославии, не желающих жить под сербским игом. Уже сегодня политика невмешательства, умывания рук, фактического потакания сербской агрессии сменилась и в Европе, и в Америке на ту решительную и энергичную интервенцию в балканские дела, которая единственно может остановить агрессора. Можно надеяться, что нечто подобное ожидает и Россию, если она сама не остановится, не запомнит накрепко урок, данный ей в Буденновске, сорвет начавшиеся в июне 1995 года переговоры и будет продолжать чеченскую войну.

Другая сторона международной солидарности в отношении к России выявляется уже не на том Олимпе, где совершаются медленные и тонкие дипломатические ходы и где сильнейшие державы мира принимают свои взвешенные решения, а в тех низах и низинах, в том числе и у подножия Кавказа, и у подножия Памира, и в крымских долинах, и в степях Поволжья и Приуралья, и в алмазонасных тундрах сибирского Севера, где живут многочисленные народы бывшей Российской империи, едва — едва освободившиеся из железных объятий ком —

мунистической "семьи народов", едва — едва поверив — шие первому демократически избранному Президенту России, обещавшему им столько самостоятельности и автономии, сколько они сами смогут "проглотить и переварить". Чеченская война, начатая Россией именно потому, что Чечня оказалась способной "и проглотить и переварить" гораздо более весомый пласт автономии, чем был отмерен ей заранее в Москве рассчитанным скудным продовольственным пайком Российской Конституции, послужит всем этим народам сигналом к недоверию "Центру", одним из тех наглядных уроков, которые никогда не забываются. На фоне чеченских событий отчетливее выступают ослиные уши грубого российского диктата в хитро обкатанных, гладких текстах навязанных республикам ("субъектам Российской Федерации") неравноправных договоров, и именно договор, определяющий распределение властных полномочий между Россией и Татарстаном, который так любят приводить в пример российские политики, вызывает все более скептическое отношение со стороны самой татарской общественности и не кажется идеальным образцом для подражания другим народам. Единый фронт солидарности всех бывших угнетенных народов России и Советского Союза с чеченским народом становится все шире и включает уже не только ближайших соседей и родственников (ингушей, протянувших свои первые человеческие цепочки отчаянного сопротивления по пути продвижения российских танков в Чечню), не только разделившие с чеченцами печальную судьбу сталинской депортации "репрессированные народы" (карачаевцев, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар, турок — месхетинцев и других), не только народы мусульманского мира, прежде всего Дагестана, который остается духовным оплотом ислама на Кавказе, наконец, не только испивших до конца всю горькую чашу российского имперского владычества и первыми вырвавшихся из его смертельных объятий "националистов" Литвы, Латвии, Эстонии, активистов украинского Руха, но теперь уже и все более значительные круги русской, в том числе московской демократической интеллигенции.

Заканчивая данную публикацию маленькой подборкой — микродайджестом — тех статей, заявлений и выступлений, в которых звучат голоса протеста против преступной российской войны в Чечне, выражается сочувствие чеченскому народу и солидарность с ним, мы хотели бы услышать в разноязычном хоре этих голосов грозные предупредительные раскаты народного гнева, способного смести дряхлеющие остатки последней империи и открыть перспективу очищения и истинного возрождения новой, демократической, освободившейся от своих колоний, излечившейся от имперского безумия России, которая, может быть, как птица — феникс, возникнет из пепла чеченской войны.

"Мы осуждаем имперские посягательства относительно чеченского народа, — заявляет Патриарх украинской православной церкви Владимир. — Мы осуждаем это как акт, противоречащий элементарным нормам не только христианской, но и всей общечеловеческой морали (...) Мы считаем это несправедливым актом и призываем все демократические силы России, а они там такие есть, все патриотические силы Украины способствовать тому, чтобы общее попрание прав человека и посягательства на независимую республику Чечню были прекращены" (Самостійна Україна, 1995, 17 — 23 января).

"Никакая идея, в том числе и близкая многим россиянам идея неделимости России, не может быть оправдана войной против народа, — пишет в открытом письме Президенту Б.Н.Ельцину вдова академика А.Д.Сахарова Елена Боннер. — Не может демократическая страна военной силой удержать в своих объятиях народ, который этого не хочет. Нынешняя российско — чеченская война — это четко означенный рубеж, поворот России назад в тоталитаризм. Нет правды в Ваших словах о том, что российская армия на чеченской войне защищает только территориальную целостность страны и восстанавливает конституционный порядок. Российские солдаты защищают там в первую очередь интересы десятилетиями сжиравшего Россию военно — промышленного комплекса, спаянной с ними армейской верхушки и отечественных нефтяных магнатов — интересы тех,

кому кровь дешевле нефти. Эта мафия сегодня стала во главе государства. Вас перехитрили! Но пока Вы формальный президент России, с Вас, Верховного главного — командующего, не снимается ответственность за то, что солдаты, выполняя преступный приказ, убивают чеченцев и гибнут сами в огне братоубийственной войны..." (Известия, 1994, 30 декабря).

Владимир Войнович: "Снова влезли. И снова летят бомбы, рушатся дома, людские тела превращаются в кровавые клочья. И чем видней бессмысленность этой бойни, тем больше попыток закрыть рот журналистам и противопоставить правде казенную ложь". (Чечня. Как это было. Одесса: 1995, с. 75).

Юрий Буртин: "Итак, наша доблестная авиация вновь бомбила Грозный. Мне неприятен Дудаев, но сегодня я, москвич, русский интеллигент, всецело с жителями этого города, на их стороне. И я, как, наверно, многие в России, не хочу, чтобы те, на кого падали бомбы, отождествляли меня, русских, Россию с Ельциным и Грачевым, с Филатовым, Паиным, Шахраем и другими президентскими визирями, формирующими региональную и национальную политику Кремля...

Опыт отечественной и мировой войны многократно доказал, что ни война, ни диктатура не остаются в своих первоначальных границах. Подавление польского восстания в 1863 — 1864 годах подорвало "эпоху великих реформ" в самой России. Вместе с "пражской войной" наши танки раздавили и остатки "хрущевской оттепели". То же самое ждет и нас с вами, если, как все прежние 70 лет, мы позволим себе жить по правилу: не тебя бьют — молчи. Не следует обольщаться, что позволив раздавить Чечню, мы здесь в России, в Москве, сохраним хотя бы нынешние крохи свободы. Нет, стоит нашей власти войти во вкус простых силовых решений, повязав себя с генералами кровью, как она уже не сможет остановиться на этом пути" (Московские новости, 1994, N.61).

"Россия должна признать независимость Чечни. У России нет иного разумного выхода, кроме признания независимости Чеченской республики (...) Чечня ни — когда добровольно в состав России не входила. Ни один

чеченский лидер не подписывал договора о добровольном вхождении в состав России. Чеченцы воевали за свою свободу при шейхе Мансуре в 18 веке, во время почти полувековой Кавказской войны в 19 веке. Вся история чеченского народа в "российскую эпоху" — это череда антирусских восстаний (...) Это бесконечный список карательных экспедиций, колониальных усмирений, экзекуций, депортаций и новых волн национально-освободительного движения. Формально "замиренная" Чечня была в составе России 132 года — ровно столько же, сколько и Польша, также не смирявшаяся с потерей независимости. Это гораздо меньше, чем тот срок, который пробыли в российских объятиях многие другие государства на территории бывшего СССР, уже получившие международное признание своей независимости.

Нынешняя "зимняя война" на Кавказе до боли напоминает другую "зимнюю войну". В декабре 1939 года в сожженном советской артиллерией дотла Териоки один из руководителей ВКП/б Куусинен, формировавший "рабоче-крестьянское правительство Финляндской Демократической республики", призывал Красную армию "для завершения очистки территорий Финляндии от белофинских банд". Как и сейчас в Грозном, в 1939 году "сталинские соколы" бомбили жилые кварталы Хельсинки, охотясь за "боевиками" с детскими колясками. Как и сейчас, тогдашние генералы жаловались на "неправильные способы сопротивления финской стороны" (...) Тогда за неприкрытый акт агрессии Советский Союз был исключен из Лиги Наций (единственный случай за всю ее историю) (...) Сегодня Россию не пускают в Совет Европы.

Ни один народ невозможно отучить от стремления быть независимым от агрессора или колонизатора..." (Итоги. Чечня. Как это было. Спецвыпуск независимой газеты "Юг". Редактор Ю.Мазур. Одесса: 1995. С.78).

"Развязанная на Северном Кавказе война ведется не против генерала Дудаева и не против сепаратизма. Это война против демократии и свободы в России, против нас всех. Неизбежным последствием этой войны станет

наступление на права человека, на свободу слова. В нашей стране снова будет господствовать режим, опирающийся не на силу права, а на право силы.

Нет больше смысла обращаться к тем, кто стоит у власти, устроив кровопролитие в Чечне, которое сопровождается беззастенчивой, открытой ложью, они отвернулись от демократии и права. Мы обращаемся к вам — гражданам, к вашему гражданскому мужеству и чувству ответственности. Преступления в Грозном вершатся именем русского народа. Поэтому обязанность каждого — определить свою позицию к событиям в Чечне. Теперь, в этот час погибает гражданское население. Погибают сотни солдат, которые вынуждены выполнять бессмысленные и преступные приказы. Каждый из нас должен нести ответственность за то, что происходит в Чечне" (Из обращения "К русскому обществу" историко — просветительского, правозащитного и благотворительного общества "Мемориал" от 2 января 1995 года; текст подлинного документа, находящегося в распоряжении автора).

"Опять идет война на Кавказе. В который раз уничтожают вайнахов. Но все народы Северного Кавказа сегодня солидарны с чеченским народом, который ведет борьбу под лозунгом: "Свобода или смерть!" (Из редакционной статьи "Нарождубийство в России" в независимой карачаевской газете "Юйге игилик", 1994, N 12).

Заявление Меджлиса крымскотатарского народа от 29 декабря 1994 года:

"Более двух недель на территории Чеченской республики Ичкерия идут широкомасштабные боевые действия с применением самых разрушительных видов вооружения. Руководством Российской Федерации развязана очередная военная авантюра, ежедневно уносящая сотни человеческих жизней.

Меджлис крымскотатарского народа, выражая волю и настроения крымских татар, испытавших как чеченский народ и другие репрессированные народы страшные последствия геноцида со стороны советского государства, неоднократно выступал с обращениями и призывами к руководству России уважать естественное

и неотъемлемое право чеченского народа на самоопределение. Однако вопреки общепринятым международным принципам и фундаментальным правам и свободам человека, руководство России в очередной раз сделало ставку на военную силу. Преступления российской военицины в Чечне не могут оставить равнодушным ни одного честного человека.

Меджлис крымскотатарского народа оценивает действия российских войск на территории Чечни как преступные и заявляет о своей полной поддержке и солидарности с национально-освободительной борьбой чеченского народа..." (Авдет, 1995, 16 января).

Обращение к чеченскому народу: "Братья! Мы восхищены Вашей мужественной борьбой за свободу Вашей Родины — Чеченской республики Ичкерия. Мы знаем, что российская военщина никогда не сможет сломить Вас, как этого она не могла сделать и раньше.

Мы искренне разделяем то горе, которое война принесла на вашу землю, ваши дома и семьи, вашим детям, многие из которых осиротели. Нам известно, что Российское правительство имеет намерение отобрать этих сирот и, увезя их во внутреннюю Россию, воспитывать в чуждых вашему народу культуре и традициях. Этого нельзя допускать!

Еще во времена крымского ханства у нас был обычай обмениваться детьми с народами Кавказа и воспитывать их так, чтобы впоследствии они поддерживали и укрепляли добрые отношения между нами. Сегодня, продолжая традиции наших отцов, мы готовы принять ваших детей в наши семьи, заботиться о них, как о своих собственных, дать им уют и тепло родного дома, до той поры, пока они не смогут вернуться на Родину.

Ваши традиции, история и доблесть вызывают у нас глубокое уважение. Мы сделаем все, чтобы чеченские дети в наших семьях знали и чтили их, вырастая патриотами Чечни и добрыми людьми.

Меджлис крымскотатарского народа. 11 марта 1995 года".

(Авдет. 1995, 13 марта).

ISBN 5-900522-05-9

Формат 60х84/16. Бумага офсетная. Печ. л. 11,25.
Тираж 1500. Заказ 2184.

Отпечатано в Орехово-Зуевской типографии:
г. Орехово-Зуево Московской обл., ул. Дзержинского, 1.

